# Ханс Дикманн. Юнгианский анализ волшебных сказок. Сказание и иносказание. Приложение: Методы аналитической психологии. (Главы из книги) /

Перевод Г. Л. Дроздецкой и В. В. Зеленского; Под общей редакцией В. В. Зеленского — СПб.: Академический проект, 2000 - 256 с. ISBN 5-7331-0195-4

Сказки занимают большое место во внутреннем мире маленьких детей; оказывается, что сказочные мотивы играют важную роль не только в сознании взрослых людей, но и в их бессознательном.

Многочисленные случаи, описанные в книге Ханса Дикманна, вскрывают глубочайшие связи между любимой сказкой ребенка и его позднейшей судьбой; сказочные мотивы оказываются решающими для формирования личности как в положительном, так и в отрицательном смысле. В своей книге автор показывает, как сказка может влиять на поведение взрослых и на их психическую жизнь. Более того, он демонстрирует, каким образом можно использовать такое влияние для излечения патологического процесса.

В Приложении помещены главы из известной книги Ханса Дикманна «Методы аналитической психологии». В них подробно излагаются методы юнгианской психотерапии, в частности, объясняется их отличие от стандартных психоаналитических методик.

СОДЕРЖАНИЕ



## ПРЕДИСЛОВИЕ

Очень часто сказки оказываются в центре внимания в сновидениях взрослых, что обусловлено той важной ролью, которую они играют в душевной жизни детей. Обычно сказки занимают большое место во внутреннем мире маленьких детей: ребенок привносит сказочные мотивы в свои игры и фантазии, разыгрывает сказочные истории со своими друзьями или с куклами. Дети могут идентифицировать себя со сказочными персонажами, они видят себя то героем, убивающим дракона, то простаком, который демонстрирует превосходство над своими умными братьями, остающимися в конце концов в дураках. Ребенок может также отождествлять себя с Золушкой, сначала страдающей от несправедливости злых сестер, но под конец торжествующей над ними; или с красавицей, помогающей чудовищу вернуть себе человеческий облик и спасающей при этом своего отца, по заслугам достается и злым сестрам. И найдется ли ребенок, — даже если он не отождествляет себя с Гензелем или Гретель, — который не радуется, когда брат и сестра одерживают победу над ведьмой, а на Рождество не грызет пряничный домик, символ победы, одержанной детьми над страшной злой ведьмой?

Фантазии, основанные на сказках, являются чрезвычайно важной частью душевной жизни детей не в последнюю очередь оттого, что описываемые в них угрожающие ситуации так напоминают основные страхи маленького ребенка — например, страх потеряться, поступить дурно, подвергнуться унижению или

опасности, исходящей от чудовищ или злых зверей. Счастливый финал, всегда присущий сказке, дает детям уверенность в том, что, несмотря на все свои страхи, в конце концов они смогут одержать победу. Такое знание помогает ребенку подготовиться к жизненным трудностям и испытаниям, независимо от того, будут ли они реальными или лишь воображаемыми.

Зная о важном значении сказки для внутреннего мира ребенка, легко понять, почему сказочные мотивы играют такую важную роль не только в сознании взрослых людей, но и в значительно большей степени — в их бессознательном, так как, став взрослыми, они часто полагают, будто давно забыли сказки и их привлекательность в глазах детей.

Чрезвычайно интересная книга Ханса Дикманна вносит важный вклад в данную область: автор впервые показывает, каким образом многие люди следуют в своей жизни сказочным сюжетам. Многочисленные случаи, описанные в этой книге, ясно показывают, каким образом можно проследить глубочайшие связи между любимой сказкой ребенка и его позднейшей судьбой; сказочные мотивы оказываются решающими для формирования личности как в положительном, так и в отрицательном смысле. Эти мотивы так сильно влияют на самооценку и мировоззрение, что часто люди — как правило, сами того не замечая — разыгрывают эти мотивы в своей жизни. В своей книге автор показывает, как сказка может влиять на поведение взрослых и на их психическую жизнь.

Будучи психоаналитиком юнгианской школы, Ханс Дикманн интерпретирует сказки главным образом в юнгианском ключе, однако столь же адекватно их можно было бы интерпретировать, исходя из представлений Фрейда. Главное заключается в том, что автор показывает решающую роль, которую любимая детская сказка может играть в жизни взрослого человека, независимо от того, очевидна для него эта роль, или нет. Автор показывает, каким образом можно использовать такое влияние для излечения патологического процесса. Однако значение сказки в жизни человека значительно глубже и служит она более широким позитивным целям, что и констатирует Ханс Дикманн, завершая свою книгу:

«Мудрости же достигает лишь тот, кто столь же глубоко постиг темную сторону человеческого».

Свою статью, опубликованную в 1913 году и посвященную сказочным мотивам в сновидениях, Фрейд начал с установления того, что из всех достижений психоанализа едва ли что-то имеет большее значение, чем выяснение роли сказок в душевной жизни детей. Дальнейшие наблюдения позволили ему обнаружить, что у некоторых взрослых любимая детская сказка заняла место реального детского воспоминания. В подобных случаях сказочная история становится покровом, за которым скрываются более значимые для пациента события.

Фрейд также заметил, что нередко в сновидениях взрослых внезапно всплывают почерпнутые из сказок образы и ситуации. При толковании этих сновидений каждый раз вспоминаются и другие фрагменты сказок, связанные с первыми, и благодаря этому можно не только лучше понять сновидение, но и установить, почему именно эта сказка имела для сновидца особое значение. В качестве иллюстрации Фрейд описывает те разнообразные роли, которые играли некоторые сказки братьев Гримм в процессе анализа двух его пациентов. В одном случае это была история о Домовом, а в другом сочетались элементы двух сказок — «Волк и семеро козлят» и «Красная шапочка». В последнем случае пациент получил прозвище «Человек-волк», выбранное Фрейдом из-за особого отношения анализируемого к этой сказке.

Сказки столь важны потому, что они могут помочь нам справиться с нашими темными сторонами, — на извилистых путях, подобных тем, которыми идут некоторые из пациентов, чьи случаи представлены в этой книге. С их помощью можно направить в позитивное русло и нашу собственную жизнь.

Однажды во время моего преподавания на психологическом факультете университета я попросил студентов вспомнить сказку, которая в детстве была для них самой важной; хотя это задание служило моим собственным целям, но я считал его не лишенным смысла и для молодых людей. От них требовалось сначала описать свои истории такими, какими они им вспомнятся, а потом подумать, почему, по их мнению, именно эта сказка имела для них столь важное значение. Почти все студенты смогли вспомнить по крайней мере одну сказку, а большинство высказалось и по поводу того, каким образом эта сказка смогла повлиять на их фантазию.

После того, как студенты выполнили мое задание, я попросил их перечитать соответствующую сказку и написать сочинение, посвященное тому, каким изменениям она подверглась в их воспоминаниях: они должны были объяснить, почему сказка оказалась в их памяти искаженной и что можно было бы сказать о ее значении для них в прошлом, а возможно, и в настоящем. Выяснилось, что все эти очень интеллигентные молодые люди сначала были убеждены, будто они точно запомнили первоначальную версию сказки. Для них было весьма поучительно обнаружить, какой сильной трансформации подверглось сказочное повествование в их памяти. Сказки, в том виде, как их вспоминали студенты, не только заметно отличались от оригинала, но часто оказывались комбинациями из двух или большего числа сказок. Иногда в центре их воспоминаний оказывались второстепенные персонажи или обстоятельства, а бывало, что важные детали получали иной, часто противоположный смысл.

Когда после этого студенты высказали свои предположения о том, почему они вспоминали сказки в столь искаженном виде, для некоторых из них стала вполне ясной причина, по которой именно эта сказка оказалась для них столь важной, другие же смогли приблизиться к такому пониманию. Кроме того, часто они замечали, что именно благодаря их личным изменениям сказка ока-

7

зывалась для них столь значимой. Лишь в такой искаженной форме она могла помочь им приблизиться к

угнетавшей их проблеме или предложить искомый выход из затруднительной ситуации. Именно поэтому сказка могла сохраниться в их памяти и не утратить своего значения в последующей жизни.

В ответ на требование вспомнить свою любимую детскую сказку одна из студенток, обычная двадцатипятилетняя женщина, хорошо справлявшаяся со своими жизненными проблемами, написала полемическое сочинение, направленное против того, что в сказке братьев Гримм «Гензель и Гретель» воспринималось ею как мужской шовинизм. В детстве эта сказка произвела на нее очень сильное впечатление, и при мысли о ней, что случалось достаточно часто, студентка до сих пор впадала в ярость. В своей работе она объясняла свое возмущение этой широко известной сказкой тем, что описанная там девочка выглядит жалким придатком своего брата, не имеющим собственного мнения и выполняющим все приказы брата. В ее воспоминаниях Гензель всегда доминировал и во всем превосходил Гретель, все в сказке совершал он: сначала он рассыпал гальку и хлебные крошки, чтобы дети смогли найти дорогу домой, а под конец своим мужественным поступком спасал себя и сестру, затолкав ведьму в печь, где та сгорела. Все поступки совершал Гензель, в то время как Гретель покорно сидела, запертая в каморке, ничего не предпринимая для своего спасения.

Сказка о Гензеле и Гретель стала чрезвычайно важной для этой женщины и всегда оставалась таковой, потому что во многих отношениях это была история *ее* собственной жизни, где полностью доминировал ее старший брат. Эта сказка сердила ее, потому что в ней подразумевалось, что, будучи одна, девочка ни на что не способна, и под влиянием этой сказки студентка согласилась на пассивную роль, которую и продолжала играть в жизни. В конце своего сочинения она писала, что даже сейчас, незадолго до окончания своего обучения, она вынуждена допускать, чтобы ее брат, работавший совсем в другой области, решал, на какую должность ей следует претендовать. Она считала сказку в большой степени ответственной за свое зависимое положение, потому что полагала, что в ней девочкам внушается, будто их участь — это подчинение старшим братьям или вообще мужчинам.

После того, как она последовала моему совету перечитать сказку, эта женщина была ошеломлена, когда вынуждена была убедиться, что, в полном противоречии с ее отчетливыми воспоминаниями, именно Гретель была той, кто втолкнул в печь ведьму и тем самым спас себя и брата, беспомощно сидевшего в своей каморке. Студентка была уверена, что в детстве она знала толь-

8

ко ту сказку, которую вспоминала все последующие годы, ту историю, которая всегда приводила ее в ярость. Она была убеждена в том, что должна существовать та версия «Гензеля и Гретель», которую знала *она,* и целыми днями искала во всевозможных библиотеках свою сказку, расспрашивая своих друзей и авторитетных лиц в надежде найти кого-нибудь, кто знал бы эту версию.

Наконец ей стало ясно, что она сама была той, кто всегда хотел видеть себя в роли бедной Гретель, Гретель, беспомощно сидевшей в каморке, пассивно ожидая конца, который наступил бы, если бы Гензель не затолкал ведьму в печь, освободив обоих детей, и за этот героический поступок Гретель обязана ему вечным послушанием. Осознание этого факта было для студентки чрезвычайно важным, и она приложила много усилий, чтобы понять, почему она в своих воспоминаниях так исказила эту сказку и никогда не смогла бы от этого искажения отказаться.

С изумлением она обнаружила, что ключ к глубокому пониманию того, почему она приписывала сжигание ведьмы Гензелю, находится в неком травматическом переживании ее юности. Когда эта студентка была еще юной девушкой, их мать — верующая католичка — внезапно умерла. Ее брат был в это время за границей и не мог приехать на похороны. Когда девушка говорила с ним по телефону о том, каким образом похоронить мать, брат предложил кремацию. Хотя это было только предложение, и девушка знала, что желанием матери было быть погребенной в земле, она увидела в этом, как и во всех других предложениях своего брата, приказ, которому должна была следовать, и выполнила все приготовления для кремации матери. Но следствием этого было сильное чувство вины, и в своем бессознательном она нашла способ освободиться от вины за действия, направленные против воли матери. После этого она убедила себя в том, что, если человека сжигают, то ответственен за это кто-то другой, и изменила для себя сказку о Гензеле и Гретель таким образом, чтобы тем, кто сжигает старуху, оказался брат.

Когда студентке, наконец, стало ясно, каким образом и почему она исказила эту важную для нее историю, она поняла, почему столь же искаженными воспринимались ею и отношения с братом. Ее брат совсем не принуждал ее поступать всегда так, как хотел он, напротив, это она сама была той, кто полностью подчинил ему себя. Чтобы избежать чувства вины, ей необходимо было поверить, что это ее брат был ответственен за сожжение, и видеть в нем своего бога и господина, который принимает за нее решения, так что ей никогда не надо брать на себя ответственность за свои поступки и испытывать из-за них чувство вины.

9

Как это часто бывает у детей с их любимыми сказками, история о Гензеле и Гретель, хотя и в искаженной форме, однако сослужила студентке хорошую службу. Сказка предоставила ей право играть в жизни пассивную роль, правда, она часто неважно чувствовала себя в этой роли, но зато получала полное освобождение от чувства вины. Эта студентка играла роль Гретель *таким образам, как она ее видела,* и тем самым не только позволяла брату взять ее жизнь в свои руки, но и принуждала его так поступать. Но из-за этого оказалось, что никакие ее достижения, в том числе успехи в колледже и университете, не могли дать ей подлинного удовлетворения. То, что она делала, никогда не позволяло ей ощутить себя независимым

человеком, потому что она всегда чувствовала себя безнадежно стоящей в тени своего брата. Она видела себя «жертвой».

Теперь студентка поняла, что сама поставила себя в зависимое положение, точно так же, как в сказке дала такую роль Гретель. После того, как все это стало для нее ясным и она написала второе сочинение, она позвонила своему брату, сообщив ему, что собирается добиваться другого места, а не того, которое он ей предлагал. И тогда он объявил ей о том, каким это будет для него облегчением, а также о том, какой тягостной была для него постоянная зависимость от него сестры.

Я привел этот пример для того, чтобы показать, каким образом переживание основного события любимой детской сказки может послужить позитивной цели. Сказка о Гензеле и Гретель, в том виде, как ее запомнила студентка, служила ей оправданием для того, чтобы жить в постоянной зависимости от старшего, доминирующего брата, а негодование против этой истории и против мужского шовинизма помогало ей сохранять свое душевное здоровье. Несколько лет спустя я смог узнать от этой молодой женщины, что ее жизнь действительно изменилась. Но и теперь сказка не утратила для нее своей важности, поддерживая ее в дальнейшей жизни уже в своем подлинном виде. Всегда, когда она теряла мужество, она звала на помощь воспоминание о том, что она могла бы кое-что предпринять, в точности как Гретель, которой удалось спасти себя и своего брата. Итак, ее сказка о Гензеле и Гретель обрела счастливый конец. И это касается также случаев, о которых рассказывает Ханс Дикманн, ведь благодаря своему глубокому пониманию значения, которое имеет любимая детская сказка, ему удавалось вылечить многих пациентов.

*Бруно Беттельхейм*

## СКАЗАНИЕ И ИНОСКАЗАНИЕ*

Юнгианский анализ волшебных сказок

### ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

«Fatum suum habeant libelli!» — «Книги имеют свою судьбу!». Так гласит старая латинская пословица, справедливая и для данной книги. Когда она впервые вышла в свет в 1967 году, это было маленькое карманного формата издание, состоявшее всего из четырех глав. Это было время, не слишком подходящее для сказок, и я по сей день благодарен издательству Bonz-Verlag, которое тогда ее издало, тем более что в то время это была моя первая книга, а сам я был молодым, никому не известным аналитиком. Аналитики школы К. Г. Юнга в то время были в Германии очень изолированы и едва принимались в расчет, так что мое научное направление тоже было несвоевременным. Мои первые наблюдения и исследования любимых детских сказок, включая их отношение к неврозам, были в то время столь незначительны, что я посвятил им только краткую главу.

Подобно многим другим вещам сказки переживают разное к себе отношение: бывают времена, когда ими пренебрегают и стремятся изгнать из детских комнат. Это относится не только ко времени после второй мировой войны: уже в тринадцатом веке Р. Бэкон вел кампанию против фантазии, а также против всего иррационального и интуитивного. Подобный феномен мы пережили в конце прошлого века, когда Вильгельму Гауфу пришлось предпослать своим сказкам притчу, которая в нашей книге подробно описана. Сегодня вновь все изменилось, и сказки всех народов пользуются растущей любовью, что становится заметным и в психоанализе. В одной этой области уже появилось столько публикаций, посвященных сказкам и их интерпретациям, что едва ли можно получить о них полное представление.

Вернемся, однако, к нашей книге. Хотя она раскупалась вполне успешно, но после трех изданий Bonz-Verlag не захотело еще раз рисковать, и тогда я перешел в издательст-

13

во Gersteberg-Veriag, открывшее новый психологический отдел. Я благодарен этому издательству, давшему мне возможность переработать текст, изменив его и значительно расширив. На месте кратких замечаний о любимых детских сказках теперь оказались большие главы, в том числе подробная интерпретация немецкой сказки о Гензеле и Гретель, относящаяся к тем шагам развития ребенка, которые в детстве релевантны и могут быть выражены и поддержаны сказочной символикой. Книга получила теперь новое название «Сказание и иносказание в волшебных сказках» и скоро стала известна за границей. Последовали переводы на английский, португальский и испанский языки. К сожалению, после того как в 1983 году вышло второе издание, Gerstenberg-Verlag закрыло свой психологический отдел, и я обязан Kreuz Veriag тем, что оно проявило готовность издать книгу еще раз, не позволив ей исчезнуть с рынка.

В этом новом издании переведено и опубликовано очень интересное предисловие, которое Бруно Беттельхейм, к сожалению, ныне покойный, написал для американского издания. Кроме того, я еще раз переработал книгу и включил главу о «Короле Дроздобороде». Во второй главе обстоятельнее, чем в первоначальном тексте, терапевтический подход к любимым сказкам трактуется в рамках аналитической практики.

В целом в этой книге содержится опыт почти тридцатилетней аналитической работы, в процессе которой сказки всегда играли большую роль. Конечно, эти два феномена, моя аналитическая практика и сказка,

взаимосвязаны, и аналитик, который, в отличие от меня, меньше интересуется сказками, едва ли найдет столько сказочных примеров в сновидениях и фантазиях своих пациентов. Но в качестве аналитика, экзаменующего кандидатов на диплом, представляющих другие научные направления, я обнаружил, что эти сказочные мотивы постоянно всплывают в сновидениях пациентов, а также убедился, насколько важно их учитывать. Ведь не сумев задать правильных вопросов, можно, подобно Парсифалю, утратить Грааль.

Лично меня сказки и мифы сопровождают с самого раннего детства, когда я слушал их, уютно устроившись на ко-

14

ленях у своей бабушки. Потом я рассказывал их своим детям и внукам, чьи горящие глаза и всегдашняя готовность снова и снова слушать знакомые истории не только показывали, какое глубокое впечатление они производят на детские души, но помогали мне понять, насколько полны они глубокой мудрости и значения.

Хотя эта книга отчасти предназначена для дилетантов, интересующихся данной темой, но она может оказаться полезной в качестве первого кратко и просто изложенного исследования и для врачей или психологов, практикующих психоанализ. Она дает наглядное представление о том, в какой форме материал сказок всплывает во время аналитической практики и каким образом в ходе терапии он может быть плодотворно переработан в интересах пациента, будь это ребенок или взрослый.

Я приношу свою особую благодарность в первую очередь моей жене, чью поддержку я ощущал на всем протяжении своей работы. Такой же благодарности заслуживает живая фантазия моих детей и внуков, а также моих пациентов и студентов, чей материал, с их согласия, я получил возможность здесь использовать. Само собой разумеется, что все истории пациентов были изменены таким образом, чтобы та или иная из них не могла быть узнана.

И, наконец, я благодарен издательству Kreuz Veriag, взявшему на себя смелость переиздать эту первую книгу, которая специально посвящена терапии с помощью сказок, хотя в период между этим и предыдущими ее изданиями на рынке появилось много подобных исследований. Сегодня понятие «любимой детской сказки» (Lieblingsmarchen der Kindheit), куда может относиться и страшная детская сказка, является почти стандартом аналитика, и мало кто помнит, что в 1967 году я предпринял первую публикацию на эту тему.

В заключение я хотел бы поблагодарить мою секретаршу Ингрид Виганг, постоянно помогавшую мне во время многочисленных переработок и переизданий этой книги и выполнившую большую канцелярскую работу.

## СКАЗКА И СНОВИДЕНИЕ

В известном собрании индийских сказок есть одна история, действие в которой начинается с того, что каждый день в приемных покоях раджи появлялся волшебник и вручал ему яблоко, которое тот каждый раз небрежно передавал своему визирю, визирь, в свою очередь, приказывал бросить яблоко в дальнюю кладовую. Так продолжалось целый год, пока, наконец, однажды павиан супруги раджи, оказавшийся без присмотра, не ворвался в приемные покои, схватил яблоко и тут же надкусил его. Когда он это сделал, все с удивлением обнаружили, что внутри яблока вместо семечек оказался прекрасный драгоценный камень. Тут раджа, конечно, немедленно приказал проверить в кладовой прежние яблоки. Действительно, под кучей сгнивших фруктов нашлась горка бесценных драгоценных камней, число которых точно соответствовало числу дней года.

Подобным образом дело обстоит и со сказками. Став взрослыми, мы отбрасываем их как ни на что не годные. «Всего лишь сказка». Так мы говорим и отправляем ее гнить в какой-нибудь дальней кладовой. До тех пор, пока однажды, быть может, не наступит случай, будь то тяжелая душевная болезнь или жизненный кризис, когда мы бываем вынуждены заглянуть туда, где они, можно сказать, гниют, потому что в течение многих лет мы не заботились о содержании кладовой. Когда Фрейд начал заниматься бессознательными фантазиями, он предпослал своей книге «Толкование сновидений» эпиграф: «Flectere si nequeo superos, Acheronta movebo» («Так как я не могу склониться перед богами, то буду поклоняться подземному миру»). В нашем подземном мире мы часто находим скрытыми под фантазиями драгоценные камни глубокой мудрости, а также символы и мотивы не только сказок нашего собственного детства, но и всего человечества.

16

Толкование сказок и мифов с точки зрения глубинной психологии оказывается необходимым прежде всего при обращении к неврозам. Общепризнано, что при лечении душевнобольных важнейшим фактором являются сны и их толкование врачом. Еще Фрейд видел, что в своей основе сказки и мифы не отличаются от сновидений и используют сходный язык символов. В сновидениях наших пациентов постоянно всплывает материал мифов и заставляет нас искать путь к его пониманию. И тогда в поисках этого пути прежде всего

приходят на помощь работы К. Г. Юнга и его школы. Но таким же, как и сновидение, универсальным человеческим феноменом, который одинаково присущ как больным, так и здоровым, являются миф и сказка. Понимание их символики у душевнобольного, застрявшего на определенном этапе развития и не видящего решения стоящих перед ним проблем, одновременно открывает путь к осмыслению всеобщего языка мифологемы. Человек, страдающий неврозом, не отличается от других своими проблемами, трудности и проблемы у него те же, что и у других. Он отличается от здоровых только тем, что, в силу тех или иных внутренних и внешних обстоятельств, не в состоянии решить их сам.

Эта книга написана, исходя скорее из интереса к великолепным, красочным, многогранным фантазиям сказок, которые в течение многих столетий все вновь и вновь воспроизводят коллективное бессознательное человечества, нежели основываются на строго упорядоченных и отстраненных методах рациональной науки. С тех пор, как маленьким мальчиком в доме своей бабушки я впервые прикоснулся к сказкам, их пластичная образная сила и глубокая мудрость никогда больше не покидали меня. Они ожили вновь, когда я начал рассказывать их своим детям, и наконец вновь нашел я этих любимцев нашего детства в бессознательном многих своих пациентов и пациенток, когда стал психоаналитиком. Часто они оказывались давно исчезнувшими из сознании пациентов, но продолжали жить там, внизу, в их бессознательном. В снах сказочные мотивы всплывали вновь и говорили этим людям много удивительных вещей, на которые те никогда не обращали

17

внимания, мимо которых всегда пробегали и которые теперь впервые представали в качестве драгоценного содержания их души. Они часто дарили им те знания, которые могли вернуть краски и живость их пустому, скучному и бесплодному существованию.

Мне гораздо больше недоставало бы того языка, на котором сказка и миф обращаются к нам из нашего собственного бессознательного, чем любой рациональной научной теории. Они дали мне бесконечно много в качестве инструмента лечения моих душевнобольных пациентов, и нередко сказка и то знание, которое мы извлекали из ее глубокого толкования, становились ядром лечения. В главе о любимой детской сказке я это показываю особенно ясно. Последнее и глубочайшее, что происходит при такой встрече врача и пациента, описать невозможно. Оно остается невыразимым, единственным и неповторимым в каждой конкретной ситуации. Оказалось, что точно представляющая проблему пациента нужная история в нужном месте и в нужное время позволяет навести мост от человека к человеку, и это относится к наиболее глубоким впечатлениям, полученным в ходе моего профессионального опыта.

18

## СИМВОЛИЧЕСКИЙ ЯЗЫК ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКИ

«Однажды...» (Es war einmal), — так начинается у нас большинство сказок, и затем они уводят нас назад, в далекие, давно прошедшие времена, когда случались удивительные вещи — невозможные с позиции рационального рассудка, — когда существовали чудовища и колдуньи, феи и волшебники или говорящие звери. Это мир, полный чудес, в котором свинопас становится королем, золушка — принцессой, где можно найти живую воду, лампу, с помощью которой становятся доступны все земные сокровища, кольцо, дающее господство над всем миром, или коня, умеющего летать. Едва ли среди нас найдется кто-то такой, кто не вырастал бы с этими историями, для кого они не были бы первым ранним переживанием встречи с фантастическими творениями нашей культуры.

Насколько в детстве мы были привязаны к этим историям, слушали и читали их вновь и вновь, настолько позднее, как правило, мы отстраняем их, как не стоящие внимания. Словам «всего лишь сказка» часто придается негативное значение выдумки или даже обмана. Едва ли взрослый мог бы сегодня найти в себе покой и интерес шаха Шахрияра, чтобы слушать тысячу и одну ночь истории Шехе-резады, хотя, кажется, тому это было очень по душе; однако, почувствовав, что он утратил любовь, доверие и связь с людьми, человек вновь, быть может, найдет их на этом пути. «О, шах! Эта легенда полна тайного значения, понятного только посвященным», — так говорит Шехерезада, заканчивая одну из своих сказок. Но мы уже ничего не знаем о таких вещах, или разве что самую малость.

И в нашей жизни, в нашей действительности есть это «однажды...». Каждый из нас пережил время, когда почти каждый день происходили новые и удивительные вещи. Ес-

19

ли только мы представим себе, что все, для взрослого само собой разумеющееся и очевидное, когда-то давно, в бытность его ребенком, должно было быть впервые открыто, и какое бессчетное количество таких приобретений было совершено в детстве — то все это и есть «чудесные события». Едва ли кто-то из нас

может вновь вернуть то ощущение, которое у него было, когда он делал свои первые шаги, но многие еще помнят, что они ощутили, когда впервые смогли поплыть или поехать на велосипеде. Всегда, когда человек открывает что-то новое, осваивает что-то такое, что до тех пор было неизвестным или невозможным, происходит нечто подобное переходу сказочного героя из мира повседневности в волшебное, неизведанное, магическое царство, которое нужно освободить или в котором можно добыть сокровище, благодаря которому повысится ценность повседневного существования. Ведьмы и чудовища — это наши собственные страхи и неудачи, звери-помощники и феи — еще неведомые нам способности и возможности, которые могут проявиться у нас в таких ситуациях. И тогда в иной плоскости осуществляется то, что в сказке является образом или фантазией.

При здоровом течении жизни способность к постоянному обретению и творению нового, настолько характерная для детей, что их вполне можно считать в известном смысле гениальными, эта способность никогда не исчезает полностью. Если мы окончательно не закоснели в своей рутине, что, к сожалению, часто случается, то сказка вновь и вновь переживается нами, и «чудесным» в нашей жизни оказывается все новое и до тех пор неведомое. В жизни каждого человека существуют основные этапы, на которых происходят одни и те же процессы: каждый человек после фазы младенческой зависимости от матери переживает освобождение и стремление к самостоятельности во время так называемого периода упрямства; а также пробуждение сексуальности и потребность во взаимоотношениях с другим полом в период полового созревания. Каждый сталкивается с проблематикой среднего возраста, когда жизнь достигла пика и должна теперь развиваться скорее в глубину, нежели в ширину; и каждый, приближаясь

20

к смерти, оказывается перед лицом проблемы своего перехода в иной мир или иное существование, о котором мы уже ничего не знаем.

Оказавшись в таких новых и часто пугающих нас ситуациях, мы прежде всего пытаемся представить себе, каким образом мы могли бы преодолеть стоящие перед нами препятствия, какие задачи решить и перед какими опасностями устоять. В этом нам могут помочь коллективные традиционные образы, которые, если мы сумеем их правильно понять, с помощью своей символики покажут нам, как человек в подобных случаях поступает или мог бы поступить. Язык этих образов многозначен и неизмеримо глубок, как всякий подлинный символ, как каждый спонтанно возникающий носитель значения, который позволяет представить внутреннее содержание, непредставимое каким-либо иным способом. Таким же многозначным может быть и понимание сказки. Психологическое содержание является только частью возможных внутренних содержаний, и в каждый период жизни символ дополнительно наполнен своим конкретным содержанием. Так достигается новое, углубленное значение и дальнейшее толкование.

Посмотрим теперь, как все это проявляется, на примере определенной сказки. В качестве такого примера я возьму сказку о заколдованном принце, превращенном в змею или имевшем такой вид уже при рождении, который освобождается от чар благодаря полюбившей его девушке. Эта сказка существует в культурном пространстве в различных вариантах, в том числе немецкая сказка братьев Гримм', шведская[2], албанская[3] сказки а также сказка островов греческого архипелага[4]. В последней трактовке я и хочу ее здесь рассказать.

Жил-был купец, у которого было три дочери. Однажды, отправляясь в путь, он спросил их, что им привезти из дальних стран. Старшей дочери захотелось платье, второй — украшение, а младшая не пожелала ничего, кроме пары роз, которые как раз в это время стоили на рынке дешевле всего. Купец справился со своими делами и позаботился о подарках для дочерей. Но на обратном пути он попал в бурю, поломавшую его розы; нако-

21

нец, он нашел убежише в заброшенном замке. Там на столе стояли кушанья, которых он отведал, а у ворот рос розовый куст, с которого он срезал новый букет для своей дочери. В тот же миг появилась змея и потребовала от купца, чтобы в уплату за ее любимые розы он отдал свою младшую дочь. Испуганный купец пообещал это и, вернувшись домой, плача, рассказал о своем горе. Младшая дочь пожалела отца и беспрекословно отправилась к змее, хотя старшие сестры над ней смеялись и бранили ее за то, что она не попросила, как они, платье или украшения. Каждый раз, когда девушка ела за столом, змея садилась рядом с ней и спрашивала: «Возьмешь ли ты меня в мужья, милая?» Но девушка всякий раз отвечала: *«Я* тебя боюсь». Однажды девушка нашла зеркало, в котором отражался весь мир, и увидела там своего отца, не встававшего с постели от горя из-за разлуки с ней. Она попросила отпустить ее домой, и змея дала ей срок в тридцать один день. Останься девушка дома хоть на один день дольше, и она, змея, должна будет умереть. С помощью кольца, которое девушка взяла в рот, она вернулась в дом своего отца, сразу же выздоровевшего при ее появлении. Когда она рассказала ему о своей жизни у змеи, отец посоветовал ей ответить змее, что она хотела бы взять ее в мужья. Несмотря на насмешки и сестер и их совет избавиться от змеи, оставшись в отцовском доме дольше установленного срока, девушка вовремя вернулась назад. Змея радостно

приветствовала ее, и когда она вновь спросила девушку: «Хочешь ли ты выйти за меня замуж, милая?», — та ответила согласием. Тут змея сбросила свою кожу. Перед девушкой стоял юный прекрасный принц, а дворец был полон слуг и придворных. Принц рассказал ей, как он, в наказание за то, что соблазнил сироту, был превращен в змею и должен был оставаться в таком виде до тех пор, пока не найдется девушка, которая согласится выйти за него замуж. Оставалось позвать отца и сестер. Но последние совсем пожелтели от зависти и сильной злобы, и принц, умевший различать добро и зло, превратил их в двух ворон. Они должны были сохранять этот облик, пока не очистятся от своих злых помыслов. А принц с девушкой отпраздновали свадьбу и сделали отца министром.

22

Психологическое толкование может здесь исходить из того, что все сказочные персонажи, действия, животные, места и символы представляют собой внутренние душевные порывы, импульсы, переживания и стремления. Сказка — это в известной степени сон, а последний, как говорит Юнг, «представляет такой театр, где сновидец является сценой, актером, суфлером, режиссером, автором, зрителем и критиком»[5]. Отличие от нашего обычного ночного сна состоит главным образом в том, что сказка содержит только коллективные элементы и не имеет дела с нашими личными повседневными желаниями, заботами и потребностями. Таким образом мы находим в ней только типичные, всеобщие формы душевных переживаний.

Именно исходя из этого сказку можно использовать при толковании мужской или женской психологии*, а также для решения проблем, связанных с наступлением различных жизненных этапов. Слушателю открывается возможность, в зависимости от его собственных данных, идентифицировать себя с мужским или с женским главным персонажем повествования, который, подобно Я сновидения, является там чувствующим и действующим. Конечно, сказка, как правило, может иметь не одну интерпретацию. У рассказанной здесь «змеиной сказки» активно действующим, переживающим и несущим избавление персонажем является младшая дочь. Таким образом, естественно рассматривать сказку как выражение женской проблематики. Это ни в коем случае не исключает другие возможности: у слушателя есть основания счесть себя заколдованным принцем или отцом и толковать сказку с точки зрения мужской психологии. В дальнейшем я хочу попытаться показать различные варианты таких возможных толкований.

Смысл этой книги заключается не в том, чтобы осветить и истолковать отдельную сказку во всей ее психологической красоте и глубине. Того, кто этого ищет, можно отослать к работам H. von Beit[7], M. L. von Franz", Laiblin[9] или A. Jane[10], если называть лишь некоторые имена. После моих ранних публикаций, особенно начиная с 70-х годов, появилось множество интерпретаций сказок, которые здесь невозможно упомянуть. В качестве наиболее достойной внимания я

23

мог бы здесь порекомендовать,— относящуюся, правда, к фрейдистскому направлению,— книгу Беттельхейма «Детям нужна сказка»", а также книгу Верены Каст «Сказка в качестве терапии»[12], и целую серию изданий Kreuz Verlag «Мудрость в сказке»'[3], где я опубликовал свою интерпретацию французской сказки «Синяя птица»[14]. Данная работа позволяет только в общих чертах выявить взаимосвязи сказочных элементов, чтобы в дальнейшем читатель мог искать иные толкования, получив толчок к развитию собственных мыслей.

Итак, обратившись к нашей сказке о змее, мы обнаруживаем нечто характерное для очень многих сказок (в отношении места действия). В них всегда есть два мира: один мир, полный естественных, нормальных и обычных явлений. В нем живет купец вместе со своей семьей, по крайней мере, со своими дочерьми, потому что о матери нам ничего неизвестно. Он совершает свои деловые поездки, из которых привозит домой обычные подарки. В другой мир он попадает неожиданно, возвращаясь на родину. Это волшебный мир, мир, где существует говорящая змея, которая, подобно человеку, живет в большом доме, и у нее есть волшебное зеркало, в которое можно увидеть весь мир. Она также может с помощью заветного кольца переносить дочь купца из одного места в другое и даже оказывается на самом деле не змеей, а заколдованным принцем.

Если теперь сопоставить эти два мира с внутренним содержанием души, то первая область, в которой все протекает нормально и обыденно, соответствует сознанию. Второй, фантастический, мир соответствует нашему бессознательному, той области, откуда приходят сны и фантазии, где, как известно, возможно все, кажущееся совершенно невозможным. Сознание и бессознательное — это две противоположные сферы, в которых разыгрывается сказка и между которыми она пытается установить связь. Бессознательное может всплывать в разных вариациях. Вспомним, сколько возможностей находит для него сказка, будь то заколдованный дворец, как в нашей сказке, или подземный мир Госпожи Метелицы, небесное путешествие божьего дитя (Marienkind), лес и дом ведьмы в

24

«Гензеле и Гретель», пещера с драконом или другим подземным обитателем, мир на дне моря, озера или колодца.

Попробуем еще раз непосредственно с точки зрения женской психики истолковать сущность происходящего, которая в этой сказке лежит на поверхности, поскольку главным действующим лицом является героиня сказки. Здесь вообще все происходит подобно тому, как в широко известной сказке братьев Гримм о Короле-Лягушке[15]:

Молодая девушка, которая до сих пор росла в родительском доме, окруженная любовью и заботой, однажды, казалось бы, случайно встретив отвратительное, а в случае со змеей даже опасное, существо, оказалась вынуждена признать его, вместе с ним жить, вместе есть и, наконец, даже взять в постель и выйти за него замуж.

В обеих сказках содержится мотив любовного принятия холоднокровного существа. Но именно благодаря этому принятию, подобному внутренней связи Я с этим неизвестным, совершается трансформация. Из низменной, неприятной и опасной холодной крови появляется некоторое количество здоровой активности, и вся область души, находившаяся под властью заклятья и волшебных чар, вновь расцветает и оживает для деятельной жизни.

Змея является чрезвычайно многообразным символом, который выступает в различных значениях в мифологии, в религиозной символике, а также в культе и ритуалах. Символ этот включает райского змия, змею Мидгард германской мифологии, змею Эскулапа и Гидру греческой. Сюда можно отнести как достойного уважения медного змия у Моисея, так и злые опасные головы Горгоны греческой мифологии. Широко распространенный по всей земле, этот символ появляется вновь и вновь, всегда сохраняя свою важность и наполняясь при этом различным внутренним содержанием. Здесь речь идет несомненно о явном проявлении бессознательной природной силы, которая не является ни злой, ни доброй, как и сама природа, и стоит на еще не дифференцированной, чуждой любому личному отношению, ступени хладнокровного существования.

В душе человека такой части природы соответствует инстинктивная основа и природная, сама по себе здоровая, но

25

еще не дифференцированная и безличная сила. Образный язык нашей сказки о змее предлагает идентифицировать эту инстинктивную силу прежде всего с пробуждающейся в период полового созревания сексуальностью и с развитием отношений между мужчиной и женщиной. В сказке есть следующие указания на это: во-первых, находящаяся в подходящем для замужества возрасте девушка, во-вторых, просьба змеи взять ее в мужья. При этом можно вспомнить об очень характерном фаллическом значении змеи, которая способна подняться вертикально, подобно мужскому половому органу. Наконец, сюда можно отнести завершение сказки браком между девушкой и принцем, и последнее:

причина проклятия принца состоит в его сексуальном преступлении. Таким образом, змея и все здесь с ней связанное может представлять собой символ для возникающих в период полового созревания сексуальных влечений, и сказка указывает путь усвоения и оформления загадочных, неизвестных, представляющихся поначалу даже опасными и отвратительными явлений, всплывающих из глубины собственной природы. На протяжении столетий, даже тысячелетий, в нашей культуре женщины воспитывались так, что до замужества все, связанное с сексуальностью и эротикой, было отвратительно и ненавистно и должно было быть вытеснено и подавлено. С вступлением в брак все это, до тех пор дурное, должно было стать благим и прекрасным, и это столь же трудно понять и усвоить, как и превращение змеи в юношу. Только сегодня начали открыто выступать против этого векового предрассудка, но отказ от него у большинства людей достиг только поверхности сознания, в то время как в мире бессознательных чувств этот предрассудок еще вполне жизнеспособен и действенен. Точно так же, как в сказках, в действительности также может существовать коллективная, связанная с архетипом отца духовная установка, которая рекомендует девушке принять и пережить свою сексуальность. При этом во внутренней душевной области отец занимает место коллективной традиционной установки сознания, которая предписывает людям, какие шаги им следует совершать в определенных ситуациях. Этой установке не раз приходится действовать в роли индивиду-

26

ального отца или просто быть в наличии. Если этот процесс удается, то обычно в психическом пространстве происходит «освобождение», и недоступная до тех пор область переживаний становится вновь открытой.

Но если такой многосторонний символ, как змея, воспринимать в *единственном* значении, значении сексуальности и эротики, то не будет воздано должное многозначности этого динамичного коллективного образования. Змея является анимистически-архаическим символом источника психической энергии (либидо) и вместе с тем относится к архетипу самости. Исходя из этого, возможны также различные интерпретации,

которые должны быть направлены на те же ассоциации и амплификации данного пациента, что и его актуальная жизненная ситуация. И последнее: в наше время сказки рассказывают в основном детям, и это тоже следует иметь в виду. Хотя мы знаем со времен Фрейда, что ребенок обладает сексуальностью и сексуальными проблемами, его стремление к эротическому чувству удовольствия совсем иное, нежели оно окажется в период полового созревания.

Если мы вспомним уже упоминавшуюся ранее фазу сопротивления, то оказывается возможным выстроить следующее истолкование сказочных событий: психическому комплексу, который обнаруживает себя в виде сопротивления, в сказке соответствует змея. Сначала девушка не идет навстречу желанию змеи, сопротивляется ему, подобно тому, как ребенок старается защититься от своих агрессивных импульсов и отвергает их. Только получив совет отца, девушка отвечает согласием на желание змеи.

Возрастающая аффективность и агрессивность фазы сопротивления также является одновременно доброй и злой. Маленькая девочка, которая становится упрямой и капризной и не делает именно того, что от нее хотят, сразу сталкивается с осуждением и недовольством матери, благодаря чему появляющиеся агрессивные импульсы классифицируются ребенком как дурные. Несмотря на это, упрямство заключает в себе нечто благое и ценное, так как оно включает в себя первое стремление к самостоятельности и освобождению от матери, шаг созревания, который также

27

требуется культурной традицией (это место в сказке вновь занимает отец).

Сегодня мы знаем, что не только в телесной, но и в психической сфере человек обладает признаками обоих полов, это означает, что как мужчины, так и женщины, наделены гормонами своего и противоположного пола, а также одновременно мужскими и женскими качествами и свойствами. В психологии активно-динамический принцип называется мужским, а пассивно-рецептивный и статический принцип — женским. В соответствующей символической форме они проявляются в снах. Таким образом, змея и принц из нашей сказки в широком смысле соответствуют активно-динамической природной силе, которая должна быть освобождена из бессознательного и «хладнокровного» состояния в состояние сознательное и очеловеченное.

Возникающая в фазе сопротивления агрессивность ребенка, направленная на авторитетных личностей, особенно на мать, воспринимается прежде всего им самим как внешняя и посторонняя. **Он** в известной степени застигнут врасплох собственным агрессивным импульсом. Часто случается так, что ребенок при ослаблении гнева персонифицирует его, отождествляя с «козлом» (козел одновременно является животным, символизирующим агрессивное мужское начало), и отстраняет от себя, например, бросая в мусорное ведро или выкидывая из окна. Один мой знакомый ребенок всегда отправлял его в унитаз и потом для надежности тщательно смывал. Только постепенно ребенок учится овладевать своей бесцельной и хаотичной злостью и включать ее в свое душевное пространство. То, что прежде было диким упрямством, впоследствии может преобразоваться в ценные свойства характера: самостоятельность, творческую активность и верность самому себе. Но этот процесс можно осуществить без риска для себя только в том случае, если сознание не отвергает эти силы, не подавляет и не вытесняет их, а — прибегнем к образному языку нашей сказки — живет вместе с ними, принимает их и, наконец, способно заключить с ними союз, который символизируется освобождением принца от чар и последующим браком.

28

Более широкий подход к мотиву, таящемуся в животной природе зачарованного принца, открывает путь истолкования этого явления с большей универсальностью, рассматривая его на различных ступенях развития. Таким образом мы больше воздадим должное многозначности и многосторонности этого вытекающего из человеческой коллективной психики символического образа и его притягательной силе для людей различного характера и различного возраста. Сказки, как известно, предназначаются не только детям, немало взрослых — правда, в нашей, направленной на рациональное культуре это становится большой редкостью, — которых сказки привлекают и которые интуитивно чувствуют их более глубокий смысл. Многие наши великие поэты, которые в своем творчестве особенно приближались к образам бессознательного, интересовались сказками и сами их писали; если называть только наиболее известные имена, то это Гете, Брентано, Тик, Э. Т. А. Гофман. Шекспировская комедия «Сон в летнюю ночь» тоже сказка.

Иначе обстоит дело на Востоке, где сказка распространена значительно шире, являясь важной составляющей в жизни взрослых людей. Вплоть до нашего времени ее значение можно охарактеризовать словами, близкими к словам фон дер Лейена о собрании сказок «Тысяча и одна ночь»: «...Любовь и доверие к этим историям являются чем-то безусловным. Эти рассказы могут уберечь от беды того, кто их слушает; благодаря им спасаются от жизненного приговора или отсрочивают его; они являются величайшей и незамутненной радостью для монарха и облегчают ему бремя его ответственности, а самый ничтожный

носильщик скорее предпочтет отказаться от земных благ, нежели останется без этих историй. В одной индийской сказке рассказчику, прервавшему и не закончившему свою историю, слушавшие его три духа возмущенно угрожают тремя смертельными наказаниями. В арабской сказке предпринимается путешествие за историей, которая ценится дороже драгоценных камней. Если предстоит слушать сказку, то не найдется никого, кто не воспользуется такой возможностью, даже духи радуются возможности выслушать ее. Любая должна быть необычайной и удивительной, и

29

известное выражение гласит: «Meine Geschichte ist so, daB, wurde sie mit Stichein, in die Augenwinken gestichelt, sie eine mung ware fur jeden, der sich wamen liefle». «Моя история такова, что будь она иглой, царапающей глаз, она служила бы предостережением для каждого, кто желает быть предостережен». Каким бы опасным, каким бы критическим, требующим быстрых действий ни было положение, ради сказочной истории араб забудет все остальное, все свои опасности и все свое достоинство»[16].

Итак, здесь речь идет не о детях, а о взрослых. Еще сегодня на Востоке можно встретить профессиональных сказочников. Мне самому однажды представился случай наблюдать в отдаленной горной местности такого человека. Единственным его реквизитом был старый ящик из-под апельсинов и палка, с которыми, однако, он работал так выразительно, что ящик при необходимости становился домом, замком, пещерой, а палка — принцем, принцессой или змеей. Хотя он говорил по-арабски, и мы не могли понять ни единого слова, мы были уверены, что понимаем смысл истории. Слушателями, которые как завороженные внимали его рассказу, были исключительно взрослые. На недостаток публики ему не приходилось жаловаться, напротив, он всегда был окружен плотным кольцом людей.

Сказка продолжала по-прежнему входить в состав эмоциональной жизни этих людей. На Востоке речь шла отнюдь не только о развлечении, некоторые из больших восточных собраний сказок, такие, как индийская *Панчатантра"* или турецкая *Книга Попугая,* использовались как своего рода образцы для обучения юных принцев искусству управления. В первом из них эта цель выразительно раскрывается в истории, служащей рамкой для остальных сказок.

Здесь рассказывается, что некогда в городе Махиларопья в Деккане жил мудрый царь Амарашакти. Было у него три чрезвычайно глупых сына. Видя, что у них нет склонности к государственным наукам, царь созвал своих министров и попросил у них совета: «Известно вам, что сыновья мои отвратились от наук. Гляжу я на них, и даже отсутствие врагов не радует меня. Найдите

30

же какой-нибудь способ пробудить их разум!» Тут министры сказали: «Божественный! Двенадцать лет изучают люди одну лишь грамматику, а когда наконец осилят ее, принимаются за изучение наук и законов житейской мудрости. Тогда только и пробуждается их разум. Не вечно длится наша жизнь, а науке речи обучаются долгие годы. Пробудить же разум сыновей твоих надо как можно быстрее. Есть среди нас брахман Вишнушарман, несравненный знаток многих наук. Поручи ему воспитание царевичей. Без сомнения, он сумеет быстро пробудить их разум. Услышав это, царь призвал к себе Вишнушармана и сказал ему: «О почтенный! Будь милостив и сделай так, чтобы сыны мои превзошли всех юношей в науках житейской мудрости. Я награжу тебя сотней даров». Тогда Вишнушарман ответил лучшему из царей: «О, божественный! Услышь мою правдивую речь. И за сотню даров не продам я знание. Но если через шесть месяцев твои сыновья не овладеют наукой разумного поведения, я отрекусь от своей славы. К чему много слов? Пусть услышат мой голос, подобный рыку льва. Не ради корысти я говорю. Мне восемьдесят лет, я оставил все плотские устремления, где уж мне стремиться к выгоде? Лишь ради тебя я примусь за ремесло Сарасвати. Вот тебе мое слово: если через шесть месяцев начиная с этого дня дети твои не превзойдут всех юношей в науке разумного поведения, пусть божественный покажет мне дорогу богов». Услышав это необычайное обещание брахмана, окруженный советниками царь передал Вишнушарману сыновей и снова обрел душевный покой. А тот отвел их к себе домой. Вскоре он сочинил пять книг: «Разъединение друзей», «Приобретение друзей», «О воронах и совах», «Утрата добытого» и «Безрассудные поступки» — и дал царским детям прочитать эти книги. Они изучили их и стали такими, как было обещано. С тех пор эта наука разумного поведения, названная «Панчатантрой», служит для воспитания юношей.

Но вернемся к нашей сказке о змее и попытаемся истолковать ее, исходя из проблематики взрослого человека. В этом случае мы могли бы обратиться к психическим процессам человека, вступающего во вторую половину жиз-

31

ни. Этот возраст также является кризисным, и обычно в это время начинается много неврозов. К этому периоду должны быть решены серьезные задачи внешней жизненной адаптации, такие, как реализация в профессии, нормализация социальных отношений и взаимоотношений с противоположным полом.

Супружество, если оно сохранилось, выдержало первые бури. Дети уже давно ходят в школу и начинают покидать родительский дом, в свою очередь вступая в жизнь. Наступает такое состояние, когда в окружающем мире уже нет ничего нового, путь человека не ведет его больше наружу, в жизнь, но выводит из нее, приближая к темному концу, смерти. К. Г. Юнг описывает эту проблематику и ее связь с множеством душевных заболеваний в своей статье «Жизненный рубеж»[19] («Die Lebenswende»). Душевная энергия, которая до сих пор была направлена на внешнее устройство жизни, уже больше не требуется и высвобождается. Она должна теперь обратиться к собственному внутреннему миру человека, чтобы поддерживать жизнь, направленную не столько в ширину, сколько в глубину. В этой группе стареющих людей мы действительно сталкиваемся с растущим процессом самоуглубления (Verinnerlichung).

Но собственный внутренний мир нам, ведущим обращенную к внешнему жизнь, как правило, представляется столь же незнакомым и чуждым, какой представляется змея юной девушке в нашей сказке. Он часто столь же примитивен, как холоднокровное существо, и является для нас чем-то совсем посторонним и чужим. И столь же трудно найти правильное отношение к нему. Так обстоит дело, если мы теперь вновь взглянем на сказку с женской точки зрения: женщина, которая до сих пор жила полностью для своих детей, должна найти себе новую жизненную цель, если прежняя перед ней уже не стоит. Тогда она, вероятно, сможет, если она умна и не цепляется, как клуша, за своих выросших детей, обратиться в дальнейшем к своим давно заброшенным духовным и интеллектуальным возможностям, которые скрыты в ней самой, неразвитые и пренебрегаемые. Развивая эту новую сторону своей личности, она может обнаружить «внутреннего принца», и в ней оживет

32

область, в которой нужно решать проблемы. Как я уже упоминал выше, содержащиеся в ее собственной внутренней природе духовно-интеллектуальные силы, как правило, в психологии символизируются как мужские, в противоположность женской материи. Их осознание часто тягостно и даже чуждо человеку, живущему в основном чувствами, так что принять и полюбить их может оказаться трудной задачей. Таким образом, принц здесь соответствует тому живущему внутри женщины мужскому духовному принципу, который, получив соответствующее развитие, мог бы дать ей более глубокую понимание жизни и окружающего мира. Это ведет к «образованию духовной компетентности, которая спасает от ограниченности и замкнутости в сугубо личном»[20] и может находиться в распоряжении у сознания в качестве активной творческой силы. Я полагаю, что именно в настоящее время эта проблема играет возрастающую роль. Ограничение женщины домом и кухней постепенно сходит на нет, средняя продолжительность жизни повышается, и патриархальная семья, в которой женщина, вступившая во вторую половину своей жизни, могла найти в так называемых женских рамках свою область применения, больше не существует. Дети не женятся больше в своей собственной или в соседней деревне, но зачастую отправляются для этого на другой континент. Женщине не остается ничего другого, кроме того, чтобы в середине своей жизни смириться с одиночеством и покинутостыо и в себе самой искать новую полноту жизни. Эта проблема подробнее освещена в моей книге, посвященной середине жизненного пути[21].

Как уже упоминалось, сказка о змее имеет большее отношение к психологии женщины. В дальнейшем я рассмотрю похожую сказку «Три пера», где большее значение имеет мужская сторона. Но уже говорилось, что в принципе сказку можно интерпретировать как с мужской, так и с женской точки зрения. Ведь все персонажи сказки, включая ее героя и героиню, имеют в своем основании не индивидуальное Я, но архетипические образы. Как говорит Макс Люти[22] (Max Luthi), все сказочные персонажи являются «чистыми носителями действия» (Handlungstrager) и у них

33

отсутствует «углубленность» (Tiefenhaftigkeit) и сфера человеческих эмоций. Герой тем самым, с одной стороны, обладает сверхчеловеческими качествами, то есть он может совершать действия, на которые индивидуальное Я не способно, но, с другой стороны, он стоит ниже человека, вследствие отсутствия у него вариабельности, глубины и вследствие своей выраженной односторонности.

Итак, правильнее рассматривать самого героя или героиню как функциональный комплекс, который хотя и предлагает в соответствующей ситуации временную идентификацию, но никогда продолжительную. Например, если ребенок падает с моста в воду и молодой человек, не задумываясь, прыгает и спасает его, то его Я на короткий срок и осмысленно отождествляется с архетипом героя. Но если кто-то пытается длительное время играть роль героя и отказывается от необходимых мер безопасности, считая их трусостью и малодушием, то речь идет о случае «сказочной» глупости, которая достаточно часто подвергает жизнь смертельной опасности. В следующих главах этой книги будет показано, какие несоответствующие обстоятельствам болезненные состояния могут наступить, если человек смешивает себя самого или свое сознательное Я с тем архетипическим образом, который представляет собой сказочная фигура, а также обнаружим, с каким упрямством продолжается такое поведение.

Отдельные персонажи сказки, включая ее героя или героиню, представляют возможные модели душевных переживаний, и при таком предположении главный персонаж нашей сказки, юная купеческая дочь, может символизировать и эмоциональную область мужчины. Это позволяет понять весь рассказ с точки зрения мужской психики. За исходный пункт я вновь возьму уже описанную ситуацию середины жизни, когда в ходе естественного процесса развития человека должна последовать переориентация в окружающем мире. Ход событий при переводе сказочного в психологическую плоскость можно было бы в этом случае представить следующим образом:

До сих пор такой человек имел возможность проявлять в жизни преимущественно свою мыслительную функцию.

34

Теперь же требуется новая ориентация, соответствующая ситуации середины жизни, для того чтобы развивать противоположное этой функции, то есть чтобы активный интерес был в большей степени направлен на внутренний мир и происходило углубление — вместо расширения переживаний— эмоциональной сферы. Однако, выполнить это требование, предъявляемое младшей и неразвитой стороной (это соответствует желанию дочери получить розу), которая как раз к этому времени созревает (в сказке розы именно сейчас дешевы на рынке), не так легко и просто, как это кажется поначалу. Исполнение его встречает всевозможные случайности и недоразумения, которые в конце концов приводят к встрече с магико-мифологическим слоем образов собственного внутреннего мира. Именно к этим образам должно теперь быть обращено внимание, чувства и интерес (этому в сказке соответствует вручение девушки змее), из-за чего возникает временная кризисная ситуация (в сказке болезнь отца). Каждый знает подобные кризисные положения и погружение душевной энергии вниз, в бессознательное, где все эмоции и мысли, казалось бы, бесплодно кружатся вокруг подобной проблемы, не обращая никакого внимания на окружающий мир. Только понимание этого состояния и наведение моста между обеими областями, сознанием и бессознательным (здесь сказка использует мотив зеркала и временного возвращения дочери), позволяет начать распутывание этого напряженного и опасного положения. Но простое восстановление прежнего положения посредством осуществления связи с бессознательной областью и принятия обязательств по отношению к ней (в сказке это обещание возвращения девушки к змее) оказывается больше невозможным. Не могут быть проигнорированы голоса (в сказке персонифицированные двумя сестрами), которые шепчут человеку:

«Оставь все предприятие. Оставь все, как было. Ты же имел прекрасные достижения. Тебе ведь ни к чему осуществлять трудный процесс созревания и изменения». Это негативная установка и непродуктивная боязливость. Только через обновление и на этот раз свободный сознательный поворот к своему внутреннему миру (которому соответст-

35

вует возвращение дочери к змее), а также исполненное любви принятие (в сказке это символизируется свадьбой), приводит к обнаружению ценности, находящейся внутри собственной природы (которой в сказке соответствует превращение змеи в принца). Это ведет к расширению сознания и к росту личности (в сказке сюда относится освобождение страны и возвращение принца и девушки из магической области волшебного мира). Человек теперь имеет в своем распоряжении оба царства, царство внешнего и царство внутреннего мира. Избавленный от змеиного обличья сказочный принц соответствует теперь высочайшей ценности, содержащейся в собственной внутренней природе, которая посредством сознательного усилия освобождена из состояния глубокой бессознательности.

Во многих сказках этот персонаж занимает важнейшее место в душевном пространстве и сменяет старого короля или отца, на что намекает и наша сказка. Этому соответствует переориентация шкалы ценностей, регулярно происходящая в процессе жизни здорового человека. То, что в юности кажется нам высочайшим и важнейшим, для взрослого человека может оказаться далеко не столь значимым. Другие, новые ценности встают на место прежних. В том случае, если выполнены основные биологические задачи первой половины жизни, создание семьи и положения в обществе, то на их место постепенно должны встать творческие, культурные интересы и социальные задачи. Таким образом внутри человека образуется новая ценность (молодой король, берущий на себя управление), которой Я должно служить.

Этот процесс развития личности, в ходе которого жизнь теряет исключительную ориентированность на свои биологические цели, относится одинаково к мужчине и к женщине. Здесь также ставится задача развития специфической гуманности, условно противоположной природе. Постоянно мы наталкиваемся где-то внутри себя на змею, свою бессознательную природу, и должны высвободить ее из ее чистой анимистичности в ходе трудного и болезненного процесса, который всегда остается незавершенным, очень часто терпит неудачу, а порой и вовсе не имеет места.

36

Как мы видели, этот чрезвычайно часто встречающийся многослойный мотив избавления в зависимости от обстоятельств может наполняться в различные периоды жизни тем или иным содержанием. Тут кто-то может сказать, что все эти интерпретации, пусть интересные и остроумные, остаются, однако, умозрительными, и реальный характер их весьма проблематичен. В связи с этим я хотел бы привести следующее сновидение двадцатичетырехлетней молодой женщины, которое обнаруживает заметное сходство с нашей сказкой. Хотя отдельные эпизоды, конечно, различаются, однако в обоих случаях центральное место занимает мотив превращения змеи в принца. Я должен еще упомянуть здесь, что в случае сказочных сновидений толкование их символов аналитиком осуществляется с использованием идей, возникающих у пациентов. Как я уже говорил, символ змеи и все остальные символы могут иметь очень много значений. В толкование включается то или иное из них, которое определяется идеями и ситуациями пациента. Сон этой женщины следующий:

Я была вместе со своим другом в цирке шапито. Тут же была еще одна полногрудая девушка, которая преследовала моего друга и походила на меня. Ее сопровождал еще один молодой человек, которого мой друг, оказавшийся теперь директором цирка, должен был занимать. Я не интересовалась им. Потом к вечеру я вышла за ограду участка и пошла по улице к лесу. Вокруг дерева обвилась змея с золотым точками на теле. Эта змея была прежде молодым человеком, и я подумала:

*«Ты не* должна пугаться». Потом на меня вдруг напал волк, и тогда змея снова превратилась в молодого человека, который защитил меня от волка.

Точно так же, как в сказке, мы обнаруживаем в этом сновидении два различных мира, мир повседневной реальности, который представлен эпизодами в цирке, и иной, магический мир, который начинается по ту сторону ограды. Ее друг был на двадцать лет старше нее, и таким образом, скорее, представлял отцовскую фигуру, кроме того, как и в сказке, было налицо конфликтное напряжение ме-

37

жду пациенткой и похожим на нее женским персонажем. В сказке это напряжение представлено отношениями героини с ее сестрами. У пациентки был выраженный страх перед змеей, которая в более ранних сновидениях всегда представлялась как сильная угроза. Значимая фраза «Ты не должна бояться» указывает на изменение в эмоциональной точке зрения на сущность животного, подобное изменению, происходящему в сказке. После этой перемены точки зрения в сновидении также следует обратное превращение змеи в человека.

Эта молодая женщина страдала тяжелым неврозом, вследствие которого она с шестнадцати лет практически была недееспособна. Налицо было тяжелое расстройство и апатия, так что она не смогла окончить школу и не получила необходимого для будущей профессии образования. Вследствие повышенной потребности в опеке со стороны окружающих она продолжала оставаться зависимой от них

Этот сон она сообщила лишь спустя некоторое время после начала терапии. Он произвел на нее сильное впечатление, но сначала она не могла его правильно понять. К этому периоду анализа, после того, как был ликвидирован ряд страхов, остро встала проблема обретения утраченной творческой активности и поиска собственной работы. Действительно, спустя некоторое время пациентка начала профессиональное обучение, которое успешно завершила. Молодой человек символизировал для нее ту часть творческой активности, которая в измененной форме и свободная от ложной робости в состоянии преодолеть разрушительную силу волка. Такой волк известен нам из сказки о Красной Шапочке. Там он занимает место доброй бабушки и символизирует негативно-демонический аспект женской природы и отношений мать-ребенок. У этой пациентки ассоциации с волком также указывают на женско-материнский символ. Применительно к ее проблеме речь идет о ее инфантильной зависимости от личности кормящей матери и о неспособности к самостоятельной жизни.

В отличие от сказки, здесь для того, чтобы достичь освобождения, спасения и душевного здоровья, недостаточ-

38

но просто преисполненного любви принятия вызывавшей прежде страх части личности, но налицо еще дополнительная угроза в виде волка. Таким образом, нужно еще преодолеть дальнейший конфликт с негативным потоком, который угрожает уничтожить сновидицу. Как и в жизни отнюдь не всегда достаточно просто преисполненного любви союза, чтобы личность могла добиться окончательного обладания, но для этого требуется немало потрудиться; такая же проблематика обнаруживается и в сказке. Две сказки о змее, прежде уже упоминавшиеся, дополнительно показывают еще один аспект проблемы.

В немецкой сказке «Змея» у графини, в наказание за ее недостойное поведение в браке, родилась змея, которая однажды попросила у своей матери невесту. Тогда графиня уговорила бедную служанку, кормившую на дворе кур, выйти замуж за змею. Когда девушка в отчаянии молилась перед иконой Божьей

Матери, та вдруг обратилась к ней и дала девушке совет: в первую брачную ночь, когда змея прикажет ей раздеться, семь раз потребовать, чтобы та разделась сама. Тогда змея семь раз сбросит с себя кожу, и перед девушкой предстанет прекрасный принц. Девушка последовала этому совету, и когда на следующее утро мать подошла к двери спальни, ей навстречу вышел расколдованный сын с девушкой. Сначала у всех была большая радость, но со временем мать пожалела, что ее сын женился на девушке столь низкого происхождения, и стала уговаривать его прогнать девушку. Но он оставался непоколебим и каждый раз отвергал надоедливые уговоры матери, пока она не отказалась от своих злых намерений.

Мы видим, как в этом варианте акцент значительно смещается на мотив трансформации путем сбрасывания кожи: девушка должна семь раз потребовать этого у змеи. В мифах, сказках и народных верованиях число семь является магическим и священным. Уже в этом неоднократном сбрасывании кожи заключается необходимость значительно большего усилия для достижения бессознательного содержания. Кроме того, и после освобождения нужно продолжать защищаться от негативного влияния матери. Явно не-

39

достойная и недоброжелательная мать-графиня соответствует, таким образом, волку из сновидения пациентки.

Не всегда все происходит так гладко и просто, как в этом варианте. В албанской сказке «Ребенок-змея» превращение змеи в человека требует многократного повторения усилий:

Однажды королева условилась со своей подругой, женой визиря, имевшей трех дочерей, что ее еще не родившийся сын женится на одной из этих трех дочерей. Потом она родила змею и, когда та выросла, потребовала от матери девушек исполнения обещанного. Дважды жена визиря отказывала королеве, когда та просила руки старших дочерей. Наконец змея пригрозила, что если ей не дадут в жены третью, младшую дочь, то она придет ночью и всех убьет. Эта младшая девушка пошла тогда к мудрой старухе, которая посоветовала ей надеть на себя сорок нижних юбок. Девушке следовало в брачную ночь каждый раз, когда змея потребует, чтобы она разделась, снимать только одну юбку и требовать того же от змеи. После сорокового сбрасывания кожи перед ней появится прекрасный принц. Все так и произошло, но принц потребовал от девушки, чтобы она до рождения их общего ребенка молчала о случившемся. Утром он опять вполз в свою змеиную кожу, чтобы на следующую ночь снова превратиться в принца. Восемь месяцев девушка проявляла стойкость во время расспросов матери о браке со змеей, пока в конце концов не проболталась. Тогда змея заперла на ключ ее лоно и исчезла. Нечастная девушка пошла по свету искать своего принца. Она опять встретила мудрую старуху, которая посоветовала ей взойти на гору в далекой стране. Там она найдет грязную воду, кишащую червями. Если она выпьет глоток, то земля перед ней раскроется. Внизу она встретит двух дочерей Солнца, которые ей скажут, где она сможет найти своего супруга. Девушка последовала этому совету, и -старшая дочь Солнца показала ей дом в подземном мире, где ее супруг жил с другой женой. При этом она дала девушке грецкий орех, миндальный орех и орех лещины. Девушка в одежде монахини остановилась во владениях своего мужа и первым расколола грецкий орех, из которого вышла золотая на-

40

седка с цыпленком. Когда другая жена пожелала их получить, девушка потребовала в уплату за это позволить ей провести ночь с ее супругом. Женщина согласилась на это, но напоила мужа на ночь сонным зельем. Тогда девушка расколола на следующий день орех лещины, в котором находился золотой попугай. Вновь случилось . то же самое, но на этот раз медник услышал ночью плач девушки, которая все приговаривала: «Дай мне серебряный ключ, и я смогу родить наше золотое дитя!» Медник сообщил это принцу-змее, который был очень этому удивлен. На следующий день девушка расколола миндальный орех, в котором была золотая колыбель. Вновь пожелала вторая жена это бесценное сокровище и уступила своего мужа на ночь «монахине». Но на этот раз принц вылил сонное зелье. Теперь он узнал свою первую жену и вернулся с нею из подземного мира наверх.

Здесь сказка наглядно показывает, что достигнутая было ценность вновь может быть утрачена, если она недостаточно упрочилась. Из своего жизненного опыта нам известно, что случается, когда мы полагаем, что уже вступили на новую ступень развития. Именно тогда человек особенно легко становится невнимательным и легкомысленным и Вновь теряет уже почти достигнутое. Так, девушка должна совершить трудное странствие в магическое царство бессознательного, и там только с третьей попытки ей удается вновь заключить союз с утраченной ценностью. Эти три попытки соответствуют трем испытаниям, которые обычно выдерживает герой или героиня сказки. Истолкование этой символики можно найти в интерпретации Эрихом Нойманном сказки об Амуре и Психее[23].

Если мы еще раз бросим взгляд на «героинь» этих трех вариантов сказки, то увидим, что в них встречается очень частый и типичный сказочный персонаж. В греческой и албанской сказках это младшая дочь, в немецкой — бедная служанка. Этот мотив (подвиг удается самому младшему, неловкому или ничтожнейшему и беднейшему на первый взгляд), употребляется в сказке необычайно часто. Это относится

не только, как мы видели здесь, к основному жен-

41

скому персонажу, но также и к основному мужскому персонажу, достаточно привести только два примера, а именно, сказку братьев Гримм «Три пера» или русскую сказку «Царь-Девица».

С психологической точки зрения, это неполноценное, пренебрегаемое и неприспособленное существо соответствует до сих пор неразвитой психической функции. Из полноты возможностей развития, которые находятся в распоряжении у человека при формирования его личности, как правило, поначалу развиваются и формируются сильные стороны, наиболее всего пригодные для соответствующей среды. Так, например, человек, обладающий хорошим рассудком, который к тому же живет в рациональной обстановке, развивает прежде всего именно его. Он оказывается в состоянии разрешить большую часть встречающихся жизненных проблем с помощью своего натренированного мышления. Другие функции, напротив, остаются недифференцированными и архаичными, и притом в тем большей степени, чем больше они способны помешать основной, ведущей функции. Как известно, мышлению противостоит чувство. Мышление исходит из принципа «истинно или неистинно» или «правильно или неправильно», в то время как чувство пользуется понятиями «привлекательно или непривлекательно». Именно истинное и правильное может быть непривлекательным для чувств, и наоборот, поэтому человек мыслительного типа стремится свести к минимуму возможность влияния чувств. Это не означает, что такой человек не обладает чувствами, но как в телесной сфере неиспользуемые и неупотребляемые мышцы остаются слабыми и незначительными или даже атрофируются, точно так же в душевной области у человека, преимущественно ориентированного на мышление, чувства остаются недифференцированными и неразвитыми.

В начале нашей сказки находится часто встречающаяся четверица, отец и три дочери (в других сказках отец и три сына или мать с тремя дочерьми), которой во внутренней душевной области соответствуют описанные К. Г. Юнгом четыре основные психические функции: мышление, чувство, ощущение и интуиция[24]. Героиня является

42

младшей, то есть последней и слабейшей. В немецком варианте нашей сказки это «служанка», то есть фигура малоценная и пренебрегаемая. Если мы продолжим данный пример, то отец или мать соответствует полностью развитой основной функции, мышлению, обе сестры — вспомогательным функциям, ощущению и интуиции, которые обычно незначительно мешают мышлению, в то время как младшая дочь соответствует недифференцированной функции чувства. Ее желание получить букет роз, типичный символ чувства, хорошо укладывается в рамки нашего рассказа. Именно эта неполноценная и запущенная функция в состоянии разрешить возникающую в нашей душе проблему и освободить из бессознательного новую ценность. В жизни это соответствует ситуации, в которой мы больше не можем пользоваться обычными и привычными средствами, действиями и способами поведения и вынуждены обратиться к чему-то неосвоенному и непривычному. Мы вынуждены решать проблему именно с нашей слабейшей стороны, когда, например, «мыслителю» случается влюбиться, или когда в середине жизни дальнейший жизненный путь требует от нас изменения поведения, новых установок и новых форм переживаний.

Еще отчетливее эта проблематика проявляется в уже упоминавшейся сказке о трех перьях[25]:

У одного короля было три сына, из них двое старших считались умными, а третьего прозвали дураком. Когда король состарился и ослабел, он пожелал назначить своим наследником того из сыновей, который добудет ему самый прекрасный ковер. Он подул на три пера и приказал сыновьям отправиться туда, куда полетят перья. Одно перо полетело на восток, другое на запад, а третье полетело прямо и вскоре упало на землю. Старшие братья, отправлявшиеся налево и направо, посмеялись над дураком, который должен был оставаться там, где упало перо. Тот удрученно сел на землю, но Вдруг заметил рядом с пером крышку люка, которую он поднял и нашел под ней лестницу. Юноша спустился вниз, подошел к небольшой двери и постучал. Изнутри раздались слова:

43

«Jungfer griin und klein, Hutzelbein, Hutzelbeins Handchen, Hutzel hin und her,
laB geschwind sehen, wer draussen war».

Дверь открылась и королевич увидел большую толстую жабу в окружении нескольких маленьких. Когда он поделился своей нуждой, жаба велела принести большой ларец и достала оттуда ковер, «такой прекрасный и такой чудесный, какого на земле не могли и соткать».

Старшие братья, не верившие, что младшему удастся что-нибудь добыть, не слишком старались и не долго думая принесли грубо сделанные половики. Так как король решительно предпочел ковер младшего, они попросили о новом испытании. Отец потребовал самое прекрасное кольцо и вновь подул на три пера. Перо вновь привело младшего сына к крышке люка и он получил от жабы кольцо, которое «сверкало бриллиантами и было столь прекрасно, что ни один ювелир на земле не смог бы такого изготовить».

Высокомерные братья принесли тележное колесо. Отец и на этот раз присудил королевство младшему. Но по настоянию старших братьев поставил еще одно условие, а именно, о том, чтобы они раздобыли себе прекраснейших жен. На этот раз жаба дала дураку выдолбленную репу, запряженную шестью мышами. Разочарованному королевичу он предложил посадить в повозку из репы одну из своих дочерей. Тот выбрал наудачу одну из них. Стоило ей сесть в повозку, как она превратилась в прекраснейшую фрейлину, репа — в карету, а шесть мышей — в упряжку лошадей. Королевич поцеловал девушку и поспешил к отцу, куда братья привели простых крестьянок.

Но братья выпросили у отца четвертое испытание. Все жены должны были прыгать сквозь обруч. Братья думали, что сильные крестьянки лучше прыгнут, чем нежная фрейлина. Но те, прыгая, переломали себе ноги, в то время как жена младшего сына прыгнула легко, как серна. Добыв таким образом корону, он правил долго и мудро.

44

В основном речь здесь идет о том же мотиве, что и в ^первой сказке. Это превращение из холоднокровного животного в образ человеческий, только вместо змеи символом этого становится жаба. Сказка особо подчеркивает, что речь идет не только о младшем, но и о глупом сыне, следовательно, о неприспособленной и неполноценной части личности, и именно он в сказке становится героем. Оба брата, более приспособленные и умные, отказались от поставленных задач и вместо подлинной ценности добились ничтожной, вместо ковра — половик, вместо кольца — тележное колесо и вместо прекрасной фрейлины — крестьянские девицы. Здесь демонстрируется, как в особой, экстраординарной ситуации развитые функции способны достичь лишь обычного и привычного, того, что давно известно и узнаваемо, в то время как подлинная и необычайная ценность может быть добыта только необычным путем, несмотря на всю нашу беспомощность и нерасторопность, как всегда бывает в тех случаях, если мы не сдаемся, когда привычные нам орудия отказываются служить[26].

Мне было очень важно в этой главе, на примере сказки о змее, дать представление о всем спектре возможностей понимания образов и символов этих историй. Эта точка зрения может показаться слишком многосторонней тому, кто он склонен считать единственно верной только одну интерпретацию и видеть в ней единственную узкую проблему. По моему мнению, такой взгляд упускает из виду тот феномен, что сказка может вызывать у людей живой интерес практически в любом возрасте и на любой ступени развития, интерес, выходящий за рамки чисто эстетической ценности, которая к тому же часто может быть совсем незначительной. Итак, восприимчивому к ней человеку сказка должна не раз повторять, что нужно вызвать и привести в движение нечто, скрытое в глубине его души, то, что не может быть выражено и сформулировано лучше, чем в ее образах.

Символика сказки в процессе культурного развития человечества в течение столетий и тысячелетий также остается в основных чертах неизменной. Уже в древнейшей из

45

известных в рамках нашей культуры сказок, египетской сказке о двух братьях, относящейся к 19 династии, около 1200 года до нашей эры[27], мы встречаем мотивы превращения человека в животное и растение и обратно, встречи людей с богами, колдовства и говорящих животных. В своих основных чертах она не имеет существенных отличий от тех сказок, которые мы рассказываем сегодня.

Основные проблемы человеческого существования проходят не только сквозь всю нашу жизнь, но сквозь жизнь всего человечества. Они должны быть поняты, сформулированы и интерпретированы по-своему в каждый исторический период, так же, как в каждой отдельной фазе нашей собственной жизни. Таким образом наши возможности понимания кружатся вокруг извечного первообраза, и при каждом новом повороте начинает сверкать новая грань присущего ему смысла. Нам никогда не удастся понять его целиком и всякий раз остается тот таинственный остаток, который всегда нас манит и наводит на размышления. При этом сказка отвечает не сознательным объяснением, но затрагивает у каждого актуальную для него проблему. Таким образом можно сказать, что она действует на бессознательном уровне. Сознание только углубляет или усиливает ее.

46

## ТОЛЬКО ЛИ ДЛЯ ДЕТЕЙ ПРЕДНАЗНАЧЕНЫ СКАЗКИ?

Основанное на знаниях рациональное сознание возникает только в процессе развития и созревания человека. Согласно результатам психоаналитических исследований, оно начинает формироваться примерно на шестом году жизни. До тех пор ребенок живет в магико-мифическом мире, где рядом с темными импульсами и инстинктами сначала возникает образное сознание, в котором сосуществуют маги-

47

ческие и мифические мотивы, образы, идентификации, реакции, представления и приемы. Этот этап раннего развития сознания и мировосприятия, когда, согласно Кассиреру", мышление комплексно и сохраняется идентичность Основного гештальта (Grunggestalt), является самым ранним пробуждением духа. Это

образное мифическое переживание Мира остается фундаментом, всегда сохраняющимся под над ним рациональным мышлением, и ему присущ отнюдь не только регрессивно-негативный характер, выражающий себя в суевериях или неврозах. Эта область образов и фантазий, в высокой степени эмоционально заряженных, становится фундаментом как новых душевных обретений ребенка, так и процессов изменения и развития, протекающих в Душе взрослого человека. Важность подобных архетипических образов подтверждается даже в области научных исследований, и уже упоминавшийся физик Паули указывает на то, что при «развитии научных идей любое достижение знания является длительным процессом, в ходе которого рациональной формулировке содержания сознания предшествует процесс в бессознательном. В этом мире символических образов в качестве упорядочивающих и придающих форму элементов функционируют архетипы, представляющие собой искомые мосты между чувственными наблюдениями и идеями, вследствие чего они и являются необхо-

47

димой предпосылкой для возникновения естественнонаучной идеи»[2]. Эта точка зрения Паули подтверждается современной теорией хаоса, согласно которой в хаотических, нелинейных состояниях вновь и вновь спонтанно образуются упорядоченные фигуры, так называемые фракталы, из которых могут возникать новые упорядоченные системы. Таким же образом ученые представляют сегодня историю возникновения всей вселенной из первоначального хаоса, в котором затем образовались точно очерченные галактические структуры, равно как и отдельные звезды с их планетарными орбитами. Эти фракталы обнаруживают ошеломляющее сходство с абстрактными геометрическими фигурами архетипов, такими, как треугольник, квадрат, круг, пятиугольник и т. д., из которых впоследствии могут возникать сложные комплексные образования. Томас Уотсон, сотрудник первооткрывателя теории фракталов Бенуа Мандельброта, из исследовательского центра фирмы IBM, в результате бесчисленных вычислительных операций заставил появиться на мониторе компьютера возникшие из множества этих фрактальных образцов горы, облака и луны, то есть высокоорганизованные архетипические образования[3].

То, что в природе хаотические фракталы предшествуют создаваемой комплексной структуре, вполне соответствует происходящему в нашей психике, когда мы из процесса дневного линейного сознания погружаемся в нелинейный, «хаотический» процесс, относящийся к бессознательной первичной материи сна.

Принимая во внимание эти рассуждения, можно обнаружить, что вопрос о том, надо ли рассказывать детям сказки и вообще позволять им обращаться к упомянутому магико-мифическому слою и совершать в нем действия, содержит аспект, который обычно не замечают или почти не принимают во внимание. Одни отвергают сказки из-за их однообразия, анахронизма, обращения к магии, а также из-за часто встречающейся в них жестокости; другие привязаны к ним из пиетета, романтики или своих сентиментальных воспоминаний и живо их защищают. Но, независимо от таких разногласий, сказки и дальше рассказываются, жадно принимаются детьми (которые часто за-

48

брасывают замечательные механические игрушки, если могут послушать сказку), и, несмотря на все дискуссии, в жизни детей сказки продолжают занимать свое достойное к. значительное место.

Проблема отношения к сказке (быть за или против нее) вообще очень стара, и уже около ста лет назад ее описал поэт и известный сказочник Вильгельм Гауф[4]. В качестве предисловия к своему собранию сказок он поведал историю, которую назвал «Сказка в обличьи альманаха». Альманах в то время занимал место сегодняшней научно-популярной литературы. В своей истории Гауф описывает, как бедная сказка была изгнана рассудительными просвещенными людьми и, плача, бросилась к своей матери, фантазии. Мать фантазия глубоко возмущена тем, что сторожа, которых люди поставили у входа в ее мир, больше не хотят впускать к детям ее любимую старшую дочь. Она по праву подозревает, что злая тетка, мода, оклеветала сказку. С присущей ей находчивостью она маскирует сказку, сшив ей одежду альманаха, и вновь отправляет к людям. К сожалению, сторожа замечают, кто проник к ним из мира фантазии, и высмеивают сказку, которая, однако, до тех пор жонглирует перед ними пестрыми образами своих историй, пока они не засыпают. После этого сочувствующий ей человек берет сказку за руку и, минуя спящих сторожей, ведет к детям.

Стоит оставить в стороне этическую и эстетическую точки зрения, обычно вызывающие споры, и начать заниматься проблемой сказки с точки зрения психологической. Какое, собственно, значение имеет сказка для детской души? В чем ее смысл, помимо того, чтобы служить забавой и развлечением? Каким образом такая нехитрая вещь способна вызывать такой сильный интерес?

Чтобы прийти к правильному ответу, нужно обратиться к чему-то иному, нежели то, что является обычным в сфере нашей культуры. Как правило, своими представлениями и мыслями мы ориентированы на внешний мир и оттуда получаем нашу шкалу ценностей. Но если применить ее к сказке, то последняя будет

выглядеть ужасной бессмыслицей, которую ни в коем случае не следует повторять доверчивым детям.

49

Не раз высказывалась точка зрения, согласно которой всплывающие в мифах и сказках фантастические образы являются следами воспоминаний о давно прошедшем времени развития человечества. Будь это так, дракон был бы вспоминанием о древних ящерах, громадная птица Рух арабских сказок напоминала бы о праптице, птеродактиле, и т. д. О таких следах можно говорить с достаточной уверенностью, если при этом иметь в виду, например, историю о всемирном потопе, которую подтверждают действительно постигавшие человечество природные катастрофы. Сегодня очень распространены научные поиски подобной связи мифологем с реально происходившими событиями. Успех такой книги, как «И все же Библия права»[5], говорит сам за себя. Но во многих случаях эти поиски слишком далеко отклоняются от своей цели, и применительно к ним я могу указать на остроумную книгу «Правда о Гензеле и Гретель». В ней автор с научной тщательностью, типичной для публикаций в этой области знаний, доказывает, что сказка о Гензеле и Гретель возникла на основе подлинного события, а именно, случившейся в средние века войны между двумя заинтересованными сторонами за рецепт выпечки пряников.

В какой-то мере установление связи между сказкой, мифом, сагой, легендой и т. д. и внешним миром вполне оправданно. Но в процессе жизни перед человеком стоит не только великая задача понять, испытать, овладеть внешним миром и сформировать его образ, но одновременно он должен решить другую, не менее важную задачу, которая состоит в овладении своим внутренним миром и формировании его образа. В качестве микрокосма он противостоит внешнему макрокосму и, без сомнения, столь же велик и значителен. Если мы будем исходить из представления, что сказка, так же как миф или, на самом высоком уровне, религия, должна восприниматься в качестве элемента этого внутреннего мира и средства для его формирования, то мы сможем понять ее смысл и сущность, и такое понимание даст нам ответ на многие встающие перед нами вопросы. Здесь, во внутреннем мире, действительно существуют все те удивительные и необычайные вещи, которые обычно

50

происходят в сказке. Нам не надо возвращаться в отдаленные времена, чтобы искать там подобие дракона, так как он является живой реальностью сегодняшнего дня, существует здесь и теперь, примером тому может служить следующий сон двадцатипятилетнего пациента:

Я нахожусь в доме, который имеет форму полусферы. Приходит дракон и пожирает снаружи всех людей. Он хочет проникнуть в дом. Там кругом лежит старинное оружие, и когда дракон хочет проникнуть в окно, я ». бросаю в него топор. Он опрокидывается как резиновая кукла, но поднимается и надвигается снова. С помощью пистолетов и ножей я сражаюсь с драконом, который теперь уже находится внутри. Он хочет проглотить меня, но я пытаюсь с ним справиться. Вдруг он меня все же проглотил. Но я по-прежнему жив и говорю ему, что если он меня отрыгнет, то отделается от меня. Дракон попытался это сделать, но отрыгнуть так и не смог.

У молодого человека был тяжелый невроз, и к этому времени его основная проблема заключалась в том, чтобы выстоять против темных влечений инстинкта, стремящихся, например, разрушить что-то ценное или уничтожить его. Именно эта живущая в нем темная разрушительная инстинктивная сила представилась ему в образе дракона, и он переживает в сновидении древний сказочный или мифический мотив борьбы с драконом. Мы также видим, что он еще мало преуспел, и все еще слабое Я молодого человека, Которое не может противостоять требованиям инстинкта, терпит поражение.

Однако здесь я хотел бы, оставаясь в рамках упомянутой дискуссии, использовать это сновидение только в качестве примера активного существования в бессознательном сказочных мотивов, не входя в подробности. Сейчас мне хотелось бы вернуться к самой сказке и высказать некоторые мысли о ее значении для детей. Как правило, сказка оказывается первым и самым ранним продуктом духовной культуры, с которым человек приходит в соприкосновение и который он воспринимает. Если отвлечься

51

от сказок, созданных писателями, то можно утверждать, что сказка возникает не в воображении отдельного человека, а относится к коллективным духовным образам культурного пространства, которые создавались совместным творчеством поистине бесконечного множества людей, до их фиксации в известных нам письменных формах. Как уже упоминалось, в других культурах и в более ранние времена нашей культуры очень высоко оценивалась роль сказки применительно к воспитанию и образованию человека. Использовалась сказка и в качестве средства исцеления. В индийской медицине и у аборигенов Австралии существуют терапевтические методики для психически дезориентированных людей, которым для медитации

назначается сказка, отражающая их проблемы[7]. Такое отношение к сказке исходит из того, что в ней содержится нечто большее, нежели только красивая и интересная история. Оно базируется на предпосылке, что сказка представляет собой ценность, при известных обстоятельствах целительную, для образования и формирования внутреннего мира человека. Персонажи и образы, равно как и действие сказки, переживаются скорее не как реально происходящие во внешнем историческом мире, но как персонификации внутренних душевных образов и событий. Они являются символами и замещают то, что разыгрывается у человека в динамике его душевной жизни и для чего не найти более глубокого и полного отражения. — Я попытаюсь сейчас рассмотреть с этой точки зрения одну из известных немецких народных сказок применительно к определенным проблемам душевного развития ребенка. В качестве примера мне хотелось бы взять сказку о Гензеле и Гре-тель, содержание которой, в привычной редакции братьев Гримм[8], я здесь вкратце напомню.

Сказка ведет нас в семью дровосека, где царит большая нужда. Когда весь хлеб, кроме последней половины каравая, был съеден, родители, по инициативе мачехи, решили отвести детей в лес и там их оставить. Но дети слышат об этом замысле, и Гензель собирает камешки, которые он по пути бросает за собой, чтобы с

52

их помощью найти дорогу домой. Придя в лес, родители разводят огонь, дают детям последний кусок хлеба и велят им полежать у костра, пока отец поблизости рубит дрова. Они обманывают детей, выдавая шум ветра в ветвях деревьев за стук отцовского топора, а сами возвращаются домой. Заснувшие у огня Гензель и Гретель дожидаются лунного света и при помощи камешков находят дорогу домой.

Долго ли коротко, но в семье опять наступает такая же нужда, и на этот раз мачеха заперла дверь, так что до камешков было не добраться. Чтобы пометить путь, Гензель использует хлебные крошки, но их склевывают птицы. Итак, на этот раз дети действительно были оставлены в лесу и предоставлены самим себе. Проблуждав три дня, они встречают белую птицу, чье пение кажется им очень привлекательным. Он идут за ней, и она приводит их к домику, «из хлеба сделанному и пирожками украшенному, окна которого были из прозрачного сахара». Затем следует известная сцена, в которой дети откусывают от домика и на вопрос ведьмы, кто грызет ее дом, отвечают: «Ветер, ветер, дитя небес». Ведьма сначала приветливо принимает их, ставит перед ними богатое угощение и укладывает в мягкую постель. Но на следующее утро она запирает Гензеля в хлеву, чтобы откормить его, как гуся, и потом съесть, в то время как Гретель должна убирать дом и готовить пищу.

Только благодаря хитрости Гензеля, который все время вместо пальцев протягивает ведьме косточки, процесс пожирания детей удается отсрочить. Но в конце концов Гретель все же приходится затопить печь, куда она, прибегнув к хитрости, заталкивает саму ведьму, которой придется там сгореть. Дети спасены, они завладевают всеми сокровищами, накопленными в доме ведьмы, и отправляются домой. При этом они сталкиваются с непреодолимой водной преградой, которая служит границей магической области, ведьминого леса. Здесь им помогает утка, которая переносит на другой берег сначала Гретель, а потом Гензеля. Когда они прибывают домой, то узнают, что пока их не было, мачеха умерла. Теперь, благодаря добытым сокровищам, отец и дети могут жить мирно и счастливо, не зная нужды.

53

Будет правильнее всего, если в своих рассуждениях мы в первую очередь займемся центральным персонажем повествования, ведьмой. Для нее характерны две основные черты. Во-первых, она, полностью и однозначно зла, в противоположность другим схожим сказочным персонажам, например, госпоже Метелице, которая проявляет свои, присущие ей как ведьме качества только по отношению к ленивице. Во-вторых, на первом плане очень отчетливо выступает ее связь с едой: она обитательница съедобного домика. Подчеркивается, что она щедро угощает встретившихся ей полуживых от голода детей. Она откармливает Гензеля и, наконец, собирается сварить, зажарить и съесть детей. Таким образом в ее фигуре олицетворяется глубокая, древняя и архаичная человеческая проблема, о которой еще Шиллер[9] сказал:

«Einstweiten, bis den Ban der *Welt* Philosophic zusammenhalt,
Erhalt sie (gemeint ist die "Natur") das Getriebe, Durch Hunger und durch Liebe».

- «Любовь и голод правят миром»

Эта ведьма является злой демонической материнской фигурой, которая пользуется голодом детей для того, чтобы заманить их под свою власть, держать в плену, использовать в своих эгоистических целях их труд, как в случае Гретель, и в конце концов сожрать. Мы можем спросить: да существуют ли такие матери? На этот вопрос следует ответить: и да, и нет. Нет, потому что зло в чистом виде у людей не встречается, а если и встречается, то очень редко. Сказочные персонажи — это типы, и они содержат в себе только типические общечеловеческие черты, но лишены того многообразия различных характеров и качеств, часто противоречивых или сопутствующих друг другу, которые присущи отдельным людям. На этом особенно

настаивал М. Люти (M. Luethi)[10]. Ответить на наш вопрос «да» следует потому, что слишком многим матерям свойственно более или менее бессознательное стремление к тому, чтобы, балуя ребенка, удерживать его при себе, покупать его любовь с помощью сладостей, мешать ему становиться само-

54

стоятельным, стремление использовать само его существование для удовлетворения собственных потребностей и претензий. Мы знаем много случаев тяжелых детских неврозов, когда такая «пожирающая материнская любовь» фактически поглощала собственную личность человека, находящеюся в процессе становления. Более того, если мы будем вполне честны с самими собой, то нам придется признать, то в той или иной степени все мы можем отыскать такое стремление в себе.

От нас требуется постоянное и серьезное самовоспитание, чтобы предотвратить использование детей для удовлетворения своих собственных потребностей. С помощью этих рассуждении, которые здесь нет возможности продолжать, один ответ на вопрос о психологическом значения для ребенка сказки мы уже нашли.

На примере сказочных персонажей ребенок бессознательно научается избегать опасных для его собственной личности требований и претензий персонажей внешнего мира**.** Он обучается тому, как выстоять против превосходящих сил, какими являются взрослые по отношению к летам, какие существуют формы и возможности обращения *с* этими силами и как их можно в конце концов одолеть.

Но я полагаю, что эта сторона не является самой важной, поэтому теперь нам надо сделать следующий шаг, уже упоминаемый в начале, перенеся сказку и ее персонажей во внутренний мир ребенка. В ведьме мы теперь замечаем не только негативную сторону «чрезмерно покровительствующей» («overprotective mother») матери, в своем крайнем Проявлении, буквально, «пожирающей матери», которая действительно существует во внешнем мире, но мы предполагаем, что в этой фигуре содержится присущая ребенку проблема. То есть, попросту говоря, мы предполагаем, что в самом ребенке существует нечто такое, что можно рассматривать как ведьму. Чтобы ответить на вопрос, о чем Здесь идет речь, вернемся еще раз к нашей сказке.

Сказка о Гензеле и Гретель вновь указывает на очень отчетливое разграничение двух миров. Во-первых, мир реальной повседневности, в котором живет дровосек со своей семьей, и во мраке леса — другой, магический мир, в кото-

55

ром существуют ведьма, утка-помощница, несметные сокровища и т. п.

Если мы вновь перенесем этот мотив в душевную область, то можно сравнить реальный мир повседневности с нашим сознанием, а чудесный магический мир — с нашим бессознательным. Но не следует упускать из виду, что все эти диковинные, неправдоподобные вещи, которые там случаются, точно так же характерны для наших снов и фантазий, являющихся манифестациями нашего бессознательного. В сказке о Гензеле и Гретель в этой области господствует ведьма, один из главных и важнейших персонажей магического царства, на котором мы позднее остановимся подробнее. Мы неоднократно встречаем эту фигуру то как ведьму, то как паучиху в североамериканских сказках или бабу-ягу'[2] в русских, — как прародительницу, как бабушку или просто старуху, которая располагает глубоким знанием природы, как, например, в «Пляшущих башмаках» (Zertanzten Schuhen), где она объясняет солдату, каким образом он должен поступить, чтобы изгнать принцессу ночи. Она отчасти добра, отчасти зла, что относится, например, к Госпоже Метелице, и представляет, таким образом, архетипическую материнскую фигуру, обладающую огромными знаниями и силой, и может выступать то в качестве помогающей людям и утешающей их, то в качестве демонической разрушительной силы. Этот сказочный персонаж находит свою мифологическую параллель в великих богинях природы дохристианских религий и представляет персонификацию глубокой, могущественной и значительно превосходящей сознательное Я человека природной силы.

Таким образом мы можем теперь уяснить себе, что наше сознательное Я отнюдь не всегда является господином в собственном доме, но что мы, люди, бываем руководимы глубокими психическими силами, и наше умение обращаться с ними оставляет желать многого. Хорошо, если мы можем служить благодатным творческим и продуктивным силам, в противном случае мы становимся жертвами темных демонических стремлений, таких, как алчность, разрушительный гнев и патологическое обжорство.

56

Но попробуем еще раз вернуть эти уже упомянутые мифические образы в повседневность, и именно в повседневные переживания детского существования. Это нужно для STOPO, чтобы еще раз вернуться к самому началу становления человека: первоначально ребенок составляет психическое и физическое единство с матерью, и только постепенно, в течение многих лет развития, ему более или менее успешно удается освободиться, отделиться и стать самостоятельным, выйдя из этого состояния единства. Сегодня мы знаем, что отклонения этого процесса в ту или в другую сторону не могут не нанести тяжелого вреда ре-

бенку, с которым это происходит. Раннее предоставление самостоятельности, в предельном случае отсутствие матери, как у детей в детских домах, дает остановку и регрессию физического и психического развития: это хорошо показывает Р. Шпиц[13]. С другой стороны, слишком сильная связь с матерью наносит ущерб самостоятельности и индивидуальности ребенка. Учитывая эти особенности человеческого развития, фактор матери, если можно так выразиться, в соответствующей ситуации приобретает негативный или позитивный характер.

Перенесение на повседневность может иметь следующий вид:

Ребенок, впервые появляясь в мире, из жизненных средств заботится лишь о соске. Созревание требует совершить большую работу: он должен преодолеть свой собственный страх и связанное со страхом стремление остаться в безопасности, позволить заботиться о себе, оставаться дома. Если ребенок поддается этому стремлению и говорит:

«Нет, я лучше все же не пойду», его хватает ведьма, и он сидит, как Гензель, за решеткой. В противном случае он вступает в конфликт с ведьмой. Мир не является слишком приветливым для детей местом, и часто никто не в состоянии позаботиться о ребенке. Взрослые проталкиваются вперед, не оглядываясь. И вновь ребенок должен преодолевать страх, а вместе с ним и побуждение укрыться за материнской юбкой. Здесь надо обратить внимание на то, что нужно торговаться, меняя заботливо сберегаемый грош на вожделенную соску. Если ребенок это сделал, значит он вновь

57

одолел ведьму, все беды окончились, и можно нести домой сокровища и тому подобные «соски». Здесь снова то, что в сказке зовется ведьмой, является глубоким инстинктивным импульсом предпочесть уютному теплому гнезду борьбу за овладение внешним миром. Сказка лишь убедительно изображает то, что происходит за фасадом такого желания безопасности. Итак, мы можем дать второй ответ на вопрос о психологическом значении сказки для ребенка:

Ребенок должен научиться сосуществовать с глубокими инстинктами своей собственной натуры и должен утверждать свое Я, противостоя этим часто превосходящим силам. В образно-символической форме сказки предлагают ребенку типичные образцы и способы, позволяющие выстоять в этой борьбе.

Если мы с этой точки зрения рассмотрим такой мотив, как сжигание в печке ведьмы, то обнаружится другой, более глубокий смысл, подобно тому, как так называемая жестокость природы в большинстве случаев гораздо менее жестока, чем то, что делает так называемый цивилизованный человек. Печь, в свою очередь, сама является материнским символом, из нее появляется на свет румяный и поджаристый хлеб. Путь от добывания зерна до приготовления хлеба — это путь превращения природного продукта в специфически человеческую пищу. Так печь одновременно является символом превращения, во время которого природная сила должна быть преобразована в нечто, потребляемое человеком. Сказка свидетельствует, что негативно-демоническая сторона материнского инстинкта созрела для изменения и должна его претерпеть. Вполне типично для сказки исчезновение мачехи после сгорании ведьмы, указывающее на тесную связь с проблемой соотношения сознания и бессознательного. Если в сознании ситуация исчерпала себя и не изменяется путем новых опытов, то в жизни наступает стагнация и своего рода голод. В этом случае приходится идти навстречу стремлениям, которые можно уподобить мачехе, толкающей детей в царство бессознательного.

Таким же образом мы можем интерпретировать белую птицу с ее прекрасным пением. Птицы очень часто олицетворяют в снах мысли, фантазии, интуитивные идеи или ду-

58

дивные содержания. Белый — это цвет веры, блага, мира и радости. Собственно, можно было бы ожидать в этой сказке встречу с черной птицей, потому что она является вестником беды, соблазняя детей последовать за собой к дому ведьмы, то есть воплощает, казалось бы, негативную, темную и злую идею. Но белый цвет здесь неслучаен. Сказка права, находя, что это блестящая позитивная идея — повстречать пряничную ведьму и вступить с ней в контакт, — И мы уверенно присоединяемся к этому мнению.. Подобным же образом можно взглянуть на манипуляции Гензеля с камешками и хлебными крошками. Камешки могут быть уподоблены оцепенению и смерти, и если мы держимся за них, то сумеем вернуться обратно, но больше ничего не сможем сделать. Остается та самая прежняя нужда, остается старый голод. Есть немало взрослых людей, которые, размышляя или совершая действия, тоже постоянно рассыпают камешки, однако в этом случае им никогда не выбраться из заколдованного круга привычного. Но когда выброшен хлеб, являющийся, как мы только что видели, претерпевающей изменения субстанцией, кое-что происходит. Тогда этот символ исчезает из сознания, чтобы впоследствии вновь появиться в образе печи.

Чем дольше мы медитируем над сказкой, чем больше занимаемся ею, тем больше она открывает и показывает нам присущие ей тонкости и оттенки, которые прежде не замечались. Гензель и Гретель были покинуты и тем самым вытолкнуты на свой путь. Они горько плакали и совсем не хотели в этот неуютный

жуткий мир, но лишь оттуда могло в конце концов прийти их спасение. Не таков ли образ нашей человеческой судьбы? Я вспоминаю в этой связи великолепное представление Клаусом Каммером «Bericht an eine Academic» Кафки. Там представлено очеловечение, которое волей-неволей приходится осуществить обезьяне, подвергшейся насилию. И в нашей сказке нужда в качестве великой наставницы человечества ведет героев, лишенных своей собственной воли, к решению их задачи. Из очень многих сказок и мифов нам известен тот глубочайший человеческий мотив, когда только судьба принуждает становиться героем испытывающего естествен-

59
ный страх человека, который охотнее всего избежал бы этого героизма. Достаточно вспомнить прекрасную библейскую историю об Ионе и ките.

Остается еще немного сказать о завершении сказки. Мы встречаем тут удивительный факт, что при возвращении детей домой весь ландшафт совершенно изменился. В то время как в начале сказки оба мира переходили один в другой незаметно, и обычный мир дровосека непосредственно переходил в магическое пространство, в конце ее между этими двумя мирами появляется широкая водная преграда. Только с помощью утки дети могут вновь вернуться в повседневную жизнь. Здесь образно выражается состояние, в котором отчетливо представлен психологический прогресс. Отсутствие границы между сознанием и бессознательным мы находим в случае незрелого и лабильного Я или это. Такой человек еще брошен на произвол всех аффектов, настроений, импульсов или стремлений инстинкта, поднимающихся из его бессознательной психики. С этим своим бессознательным содержанием он находится на стадии симпатической магии (participation mystique)[14]. Его Я отдано на произвол этому бессознательному или оказалось полностью под его господством. В случае стабильного и здорового Я, напротив, существует четкая граница между обеими областями. Эго в состоянии различить, какой всплывающий импульс, какую потребность надо принимать и проводить в жизнь, а какие нет. Четкая граница возникает только тогда, когда магическая, злая, негативная сторона бессознательного, «ведьма» побеждена. Такое животное, как утка, которая способна жить в двух стихиях, в воздухе и в воде, в состоянии быть подходящим символом посредника между обоими мирами. Таким образом, она становится подходящим транспортным средством для того, что может и должно быть принято сознанием, а что должно быть им отклонено.

Для меня вполне очевидно, что я истолковал только малую часть того, что содержится в сказке. Каждое произведение искусства, а сказка является таким произведением, созданием народной души, — в сущности неистощимо и широко, как сама образная, творческая основа пси-

60
хики. Я хотел бы здесь только дать толчок к пониманию того, какие мысли и представления могут быть получены с помощью сказочных образов; какие действия способен возбудить в душе такой динамичный образный поток, содержащий тот глубокий психологический опыт, который сегодня и сейчас наука описывает в рационально-абстрактных понятиях.

То, что сегодня может быть нашим современным опытом, сказке было известно давно, с незапамятных времен. Только она ведет речь на другом, очень простом, но одновременно очень сложном и очень глубоком языке образов.

61
**СКАЗОЧНЫЕ МОТИВЫ В СНОВИДЕНИЯХ И ФАНТАЗИЯХ**

Если в предыдущей главе исходным пунктом моих рассуждений была сказка, и я связывал происходящие в ней события с душевными переживаниями, то теперь следует совершить обратный путь. В дальнейшем исходный материал будут представлять сны, фантазии, воспоминания и соображения пациентов, которые для своего излечения нуждаются в обращении к психотерапии. Затем на основе этих плодов фантазии будут выявлены параллели к материалу сказок.

Господство мифологем и сказочного материала в бессознательных фантазиях людей бросалось в глаза уже раннему психоанализу, что хорошо видно в работах Фрейда' и Ранка[2]. Но только благодаря работам К. Г. Юнга и его учеников этот мифологический слой бессознательного смог получить надлежащую оценку. Согласно концепции Юнга, в нашем бессознательном под слоем личных воспоминаний и представлений некоторым образом существует слой общечеловеческих душевных возможностей развития, который дарован нам заранее и пополняется образами соответствующей культуры. Юнг называет этот слой коллективным бессознательным. Язык коллективного бессознательного — это язык мира элементарных мифологем, и он может, будучи правильно понят, указать людям способы и возможности душевного функционирования, лежащие вне их личного опыта. Юнг пишет в связи с этим:

«Мы можем различать личное бессознательное, которое охватывает все аспекты личного существования, то есть забытое, вытесненное, подкорковые знания, мысли и чувства Однако наряду с этим личным

бессознательным содержанием имеется другое, которое соответствует не личным обстоятельствам, но возможностям психического функцио-

62
нирования вообще, то есть унаследованным структурам головного мозга. Эти мифологические взаимосвязи, мотивы и образы могут вновь возникнуть в любое время и везде, независимо от исторической традиции или миграции. Это содержание я определяю как коллективное бессознательное. Как содержание сознания включено в определенную деятельность, так же обстоит дело, как учит нас опыт, с содержанием бессознательного. Как сознательная психическая деятельность приносит определенные плоды, так же и бессознательная деятельность производит определенные продукты, например, сны и фантазии»[3].

Этот глубинный слой психики привлекается в тех случаях, когда традиционными, обычно практикуемыми и изученными способами и средствами не удается понять и разрешить внешнюю или внутреннюю проблему. Любой невроз в своей основе имеет такую внешне и внутренне не разрешимую проблему, и чем она труднее и глубже, тем больше нагромождаются всплывающие из бессознательного космические и мифологические мотивы, часто весьма необычные и причудливые. Но то, что относится к душевной болезни, означающей застревание в таком проблемном кризисе, имеет силу и для естественных кризисных ситуаций, встречающихся в жизни здоровых людей. Каждому человеку знакомо состояние, когда внешние или внутренние трудности вызывают самые невероятные мысли и фантазии. Бывают тяжелые беспокойные сновидения с темным неясным содержанием, настолько странные, что их вообще не удается понять. Потом из всего этого, быть может, если повезет, выкристаллизовывается решение или идея, которые до этого не могли прийти в голову. Становится ясно виден путь, до этого совсем неведомый, о возможности которого долго было совершенно неизвестно. Никто в точности не знает, как это все происходит. Как правило, подобные вещи с полным правом воспринимают в качестве подарка, полученного от своей внутренней природы, и только знакомый с этим процессом психотерапевт, обладающий в то же время знанием соответствующей мифологии, понимает, что в этих причудливых снах и фантазиях отражаются мифологические мотивы, содержащие в себе возможности реше-

63
ния. В душе присутствует, образно говоря, старый мудрец, уже решавший подобную проблему или знающий, как ее решить, и он дает свой совет оказавшемуся в затруднительном положении. Но сложность каждый раз заключается в том, чтобы правильно понять этот голос своей собственной глубокой внутренней природы, а также в том, чтобы захотеть его понять; так как нередко его послание дневному сознанию представляется отвратительным, неприемлемым и даже угрожающим.

Я хотел бы теперь привести демонстрирующий это функционирование души пример, в котором хорошо видна попытка решить проблему поначалу с помощью так называемого «конвенционального метода». И только тогда, когда он оказывается непригодным, душевная энергия перетекает в более глубокий слой и выносит оттуда на поверхность мифологему. Она и заключает в себе возможность решения. Примером служит сновидение тридцатитрехлетней женщины, которое было у нее в начале психотерапевтического лечения.

> Я была на психотерапевтическом сеансе у своего врача, и мы обсуждали план следующего занятия. Мы находились в соседнем с кабинетом помещении. Потом мы взялись за руки. Я проявила инициативу и нежно пожала ему руку, но при этом вдруг испытала чувство вины. Внезапно вышла жена врача и сказала: «Здесь такой неприятный запах, словно включена лампа дневного света», и она открыла окно. Потом я оказалась в самом кабинете, и было так, как будто это было озеро. В этом озере в стеклянной чаше плавала голова врача, и она сказала, что мне следует уяснить себе, что я едва ли могу надеяться получить мужа, так как недостаточно привлекательна и молода и недостаточно стремлюсь к этому. Потом голова превратилась в подводное растение, полностью насыщенное влагой. Потом тут были две юные дочери моего врача, и мы втроем плавали вокруг этого растения, затем торжественно и осторожно подняли его на руках из воды и поместили на солнце, чтобы оно расцвело под его лучами. Все происходящее сопровождалось сильным религиозным чувством, как будто рядом с растением происходило что-то божественное.

64

Прежде всего нужно сказать о ситуации и проблеме этой женщины. Она была разведена и не имела детей. После этого две попытки заключить брак оказались безуспешны, и к настоящему времени она спрашивала себя, надо ли ей собрать всю свою волю и все мужество, чтобы предпринять третью. У нее была творческая профессия, она была привязана к своей деятельности и в последнее время вкладывала в нее всю свою душу. При этом она пребывала в тяжелых сомнениях, правильно ли она поступает, и преисполнена страха перед одиночеством. Под действием этого страха она всерьез задумывалась, не отказаться ли ей от

своего творчества, выйдя замуж за человека своего круга. Страх был таким сильным, что она чувствовала себя неуверенно и в профессиональной сфере.

Проблему взаимоотношений мужчины и женщины сновидение разрабатывает исподволь, начиная с наличия фигуры врача. Оно исходит из того, что уже выработано «конвенциональными» средствами: мужчина и женщина, врач и пациентка, вступают в близкие сердечные отношения. Первым делом пациентка реагирует непосредственно как женщина. Для отношений между мужчиной и женщиной вполне естественно, что после установления душевной гармонии продолжение теплых сердечных отношений приобретает эротический оттенок. Но здесь, очевидно, дело не в этом. Пациентка чувствует вину, и в сновидении это чувство олицетворяется фигурой жены врача, которая очень метко характеризует ситуацию как дурно пахнущую и как искусственный эрзац (лампа дневного света). Поток чувств и душевной энергии ищет выхода на привычном пути, но там его не находит. На этом пути запруда, энергия течет вспять и должна искать другое русло. Перенося всю сцену в соседнюю комнату, сновидение уже в самом начале дает понять, что речь не идет о правильном пути.

Затем следует новая сцена, и на этот раз она происходит в помещении для сеансов. Душевная энергия достигла коллективного бессознательного, и ситуация, которую теперь переживает в сновидении Я пациентки, становится сказочной. Все разыгрывается в подводном мире. От врача тут только голова, которая откровенно высказывает ей

65

очень жестокие и неприятные вещи, а потом превращается в растение, вокруг которого плавают русалки или нимфы, а затем поднимают его из воды к солнечному свету, как бы в акте рождения. И теперь это настоящее, подлинное солнце, а не искусственный светильник, который может быть выдуман или изобретен человеком. Меняются и сопровождающие чувства. То, что до этого было нежностью, становится религиозным переживанием.

По словам пациентки, все это поначалу казалось ей бессмысленным. Однако при соответствующем знании человеческой коллективной души можно найти в происходящем вполне ясный смысл. Вещую говорящую голову можно обнаружить во многих сказках, будь то голова животного в «Гусятнице» братьев Гримм[4], или череп в южноамериканской сказке «Луна»[5] и в эскимосской сказке «Череп-защитник»[6]. Во всех этих случаях речь идет о говорящем черепе, который явно имеет в своем распоряжении тайные природные знания. Этому соответствует и то, что у многих народов голову рассматривают как место обитания души или жизненный центр, и таким образом она может содержать всю сущность и все знания души. Согласно Леви-Брюлю[7], туземцы Новой Гвинеи поднимают череп умершего, украшают его и называют «корварс» («korwars»). В этом черепе, верят они, живет душа покойного, и ни один туземец при принятии важного решения не уклонится от того, чтобы открыть этому черепу свои намерения и попросить его о совете.

Если применить эти представления к сновидению, то обитающая в этой женщине примитивная природная душа редуцирует врача до символа головы, наделенного известным из сказок и мифов свойством высказывать истину. Она сообщает голове о своем намерении вступить в брак, и та предсказывает ей, что это бессмысленный план, потому что он не может удаться. То, что она немолода, соответствует действительности, хотя на самом деле она привлекательная женщина. Жестокие слова об отсутствии привлекательности направлены скорее на то, чтобы убедительнее показать ей ошибочность вложения своей энергии во внешнюю привлекательность. Очевидно, таким образом голова старается

бб

удержать ее от вполне понятных стремлений и советует не тратить понапрасну время и энергию. Очевидно, что сам врач в процессе терапии не произносит таких резких слов, и речь здесь идет о спонтанном продукте бессознательного пациентки, так сказать, о совете, который это бессознательное дает сознанию.

После этого пациентка присоединяется к «дочерям головы», что могло бы соответствовать обращению Я к этой внутренней природной душе. Затем следует превращение. Появившиеся русалки или нимфы известны нам в бесконечном множестве вариантов: они выступают, в зависимости от того, в каком положении или в какой ситуации встречаются, то как помощницы, то как опасные природные существа. Здесь речь идет о глубинном аспекте женской природы, которая в данном случае своим влечением к солнцу напоминает о прекрасной сказке Андерсена «Русалочка»[8]. В образе юной дочери морского царя Андерсен воплотил живущее в природе неизбывное стремление к обретению сознания, которое одно лишь позволяет приобрести бессмертную душу. Эта сказка и мотив нимфы или русалки подробно обсуждаются в следующей главе в связи с любимыми сказками детства.

Подобное стремление к обретению сознания мы находим также в известной романтической поэме «Ундина» Фуке (de la Motte Fouque)[9]. Как и Русалочка, Ундина, тоже дочь морского царя, столь же неодолимо стремится к обладанию душой. Когда во время бури рыцарь ищет убежище в ее хижине, она очаровывает его своей прелестью. Спасающийся здесь же от ненастья пастор венчает пару. Ундина признается мужу, что у нее нет души, и в то же время умоляет его никогда не произносить при ней поблизости

от воды дурных слов, в противном случае она будет возвращена обратно к обитателям этой стихии.

Рыцарь берет ее с собой в замок, но его, конечно, мучает доброе христианское сомнение, и тут в довершение бед появляется красавица Бертальда, надеющаяся стать его женой. Рыцарь все больше тяготится Ундиной, и когда однажды во время лодочной прогулки она вместо упавшего в воду ожерелья Бертальды вытащила наверх коралловое оже-

67

релье, он в сердцах называет ее ведьмой и волшебницей. Заливаясь слезами. Ундина прыгает за борт и ныряет в свою родную стихию, но перед этим предостерегает рыцаря о том, что в случае неверности морской народ отомстит за нее.

Однако рыцарь не принимает всерьез предостережение и через некоторое время устраивает свадьбу с Бертальдой. Та велела ко дню венчания принести из запечатанного Ундиной источника воды, дарующей красоту. Когда подняли камень, закрывавший источник, оттуда вылетел дух Ундины, устремился к рыцарю, обнял его, и он отошел в иной мир с ее поцелуем на устах.

Здесь обретение души связано не со свадьбой как таковой, но с продолжительной жизненной связью, и оба терпят крушение, потому что Ундине не удается удержать супруга. В этой истории в одном лице объединены обе стороны этого женского природного существа, опасная и благотворная.

Вернемся, однако, к сновидению пациентки. Очевидно, при отступлении сознания назад, в этот глубокий бессознательный слой женской природной души, голова врача символизирует происходящие изменения и направленный к солнцу процесс рождения и роста. По заявлению самой пациентки, речь идет о религиозном явлении. Аналогию этому замечательному рождению цветущего растения кажется естественным искать в религиозной сфере. У нас на западе редко встречается мотив цветочного рождения, но на востоке, прежде всего в буддизме, он широко известен, и существует много историй о рождении Будды из цветка лотоса. В сочинении «Жизнь и учение великого Гуру Тибета Падма-Самбхава» описано рождение Будды из лотоса.

> И подумал про себя Будда Амитабха: «Я хочу родиться в пруду Дханакоша», и из его языка устремился луч красного света, который упал, подобно метеору, в центр пруда. Там, куда упал луч, возник маленький, покрытый золотистого цвета травой остров, посреди которого возвышался цветок лотоса. В это же время Будда Амитабха выпустил из своего сердца сверкаю-

68

> щий пятигранный скипетр, который проник в центр цветка лотоса...
>
> Когда при возвращении в страну Угьян визирь Три. бунадхара приблизился с приветствием к радже, раджа увидел пятицветную радугу над прудом Дханакоша, хотя солнце светило, а небо было безоблачным...
>
> Король и министр отправились к пруду и в небольшой лодке достигли места, над которым стояла радуга. Здесь они увидели благоуханный цветок лотоса, чьи переплетенные лепестки обнимали тело лежавшего внутри цветка румяного младенца, который, подобно Будде, держал в своей правой руке маленький цветок лотоса, а в левой маленький трехгранный жезл.
>
> Король почувствовал великое почтение к этому столь чудесным образом рожденному ребенку и заплакал от избытка радости. Он спросил ребенка: «Кто твой отец и твоя мать? Из какой ты страны и к какой касте ты принадлежишь? В какой пище ты нуждаешься и почему ты здесь?» Ребенок ответил: «Мой отец мудрость, а моя мать пустота. Моя страна дхарма. Я не принадлежу ни к какой касте и ни к какой вере. Хаос питает меня. Я здесь, чтобы разрушить вожделение, страх и косность». Охваченный радостью, назвал раджа ребенка «Дорже, в пруду рожденный», и они с визирем воздали ему почести[10].

Смысл и содержание этого лотосова рождения заключается здесь в фигуре, принадлежащей религиозной сфере, Будде, чья миссия осуществляется отнюдь не в биологической, а в культурно-созидательной сфере. Его энергия направлена не на основание семьи и существование, но на возвещение учения, которое должно провозгласить всеобщее развитие человечности. Было бы слишком смело включить такую великую и значительную картину в процесс лечения невроза, но зачастую за фасадом конкретных, относящихся к личным обстоятельствам пациента проблем стоит именно эта, касающаяся смысла и основы человеческого существования вообще.

Как и многим другим, судьба отказала этой женщине в удовлетворении ее справедливых биологических потребностей. Для нее больше нет смысла, так говорит ей ее собст-

69

венное бессознательное, вновь предпринимать попытку продолжать свой жизненный путь в этом направлении. Но при этом оно указывает ей на другую возможность. На языке мифических или сказочных образов сознанию демонстрируется путь, который, с одной стороны, требует жертвы и отречения, но, с другой стороны, помогает найти свое собственное счастье в творческой деятельности.

Мы уже упоминали, что, благодаря своей профессии, пациентка имеет такую возможность. В сущности

говоря, благодаря бессознательному она утверждена в своем бытии, но, кроме того, одновременно оно открыло ей более глубокий аспект ее деятельности, до тех пор недостаточно принимавшийся ею во внимание. Профессия была выбрана ею бессознательно. Прежде всего она смотрела на свои занятия как на способ добывать кусок хлеба, раз уж человеку без него не обойтись. Теперь же на первый план выдвигается самоосуществление и его значение. Если она поймет и примет образный язык своего сновидения, то ее деятельность получит новый, более глубокий смысл и содержание, и тем самым она освободится от своих сомнений.

Конечно, вопрос о том, как к подобным вещам отнесется тот или иной человек, всегда остается открытым. Мир образов бессознательного обращается к нам, а мы можем только попытаться понять этот язык и принять во внимание его содержание. Можем, но не обязаны. Есть много людей, которые живут, проходя мимо самих себя, которые едва замечают, что говорит им их собственная природа, или вообще не обращают на это внимания. В большинстве случаев это приводит их к бедам и неудачам, внешним и внутренним конфликтам или к болезни. Но недостаточно простого понимания, требуется тщательно взвешенный компромисс между сознанием и бессознательным, и достигнут он может быть только в результате долгого и трудного процесса. В описанном здесь случае так и произошло. Пациентка успешно вступила на предложенный бессознательным путь, так что ее болезненная симптоматика постепенно улучшилась.

Обратимся теперь к сновидению другого пациента, молодого человека двадцати лет, которому оно приснилось под

70

конец психотерапевтических сеансов. Персонаж, с которым он сталкивается, это широко известная ведьма, которая уже встречалась нам в сказке о Гензеле и Гретель и которую мы обнаруживаем здесь в другой форме. Это сказочное существо, наряду со злым великаном, колдуном, русалкой, карликом, является одним из тех сказочных героев, которые часто встречаются в сновидениях пациентов. Вот как молодой человек описывает свое сновидение:

> Я приехал со своей сестрой в небольшой городок и бродил с ней по улицам. Позднее я оказался один и вышел на маленькую средневековую улицу, которая вела справа налево и слегка поднималась в гору. Я остановился перед волшебной антикварной лавкой. Вошел в нее. Хозяйка была слегка полной, а на голове у нее была вуаль. Она была очень привлекательна и выглядела как настоящая леди. Она очень любезно показала мне разные замечательные вещи. Я догадался, что она была ведьмой, и попросил научить меня колдовству. Она показала мне некоторые трюки и, в частности, исчезновение шарика. Мне было очень трудно повторить это. Я должен был прикрепить шарик к веревке и при этом сказать «Симсалабин» или что-то в этом роде. Я обнаружил, что колдовать очень трудно. Она научила меня всевозможным вещам, и, когда я овладел ими, она взяла меня с собой в свое личное помещение. Там мы продолжали колдовать. Теперь трюк удавался мне хорошо, так хорошо, что ведьма почти никогда не могла отыскать шарик. Мы нашли его за радиатором, и я должен был крепко обмотать его веревкой. Когда я с этим справился, она сказала мне, что это фрагмент мира, который я сам смог создать. Я сомневался в этом, но она вернулась к своим делам и записала что-то в свою книгу.

В раннем детстве этот молодой человек был переполнен жизненной энергией и радостью. Но на седьмом году жизни его отца арестовали по политическим мотивам, и только через восемь лет тот смог вернуться в семью. Это обстоятельство вызвало у его матери состояние сильного

71

страха, которое очень мешало естественному развитию мальчика. Ему не позволялось гулять одному и по вечерам он всегда должен был оставаться дома. Став старше, он по-прежнему всегда должен был сообщать, где он был или куда идет. Таким образом он сделался одиноким человеком, который слишком много времени проводит дома, погрузившись в бесплодные мечтания. Когда он приступил к психотерапии, то, обращаясь к проблеме взаимоотношений с матерью, всегда внутренне был настроен очень негативно относительно всего материнско-женского, так как оно было связано для него с атмосферой страха. Тем самым он отклонял существенную часть своей собственной субстанции, потому что человек всегда является результатом взаимодействия отца и матери. Вследствие этого у него развился сильный комплекс неполноценности, который стал сильной помехой в его деятельности и привел к полной неспособности выбрать профессию.

Приобретя в процессе психотерапии некоторое количество мужской энергии, с помощью которой он смог преодолеть негативно направленные по отношению к матери страхи, после приведенного выше сна в конце занятий он еще раз обратился к проблеме отношения к матери. За демонически-ведьмовской областью страха он обнаружил другую сторону собственной внутренней природы, до сих пор всегда им отвергавшуюся. Раньше он всегда говорил:

«Из такого человека, как я, не может выйти ничего путного». Но теперь он убедился, что обладает замечательным музыкальным дарованием и значительным талантом рисовальщика. Этот музыкальный компонент был связан с материнской стороной. Теперь пациент стал его развивать и, решив учиться в известной школе искусств, без труда выдержал вступительные экзамены.

Как уже сказано, сновидение положило начало этому развитию. Волшебница, которой действительно присуще нечто от прежней злой, держащей в плену ведьмы, теперь учит его созданию фрагмента мира, причем именно шарик представляет собой очевидный символ мира. В тот момент, когда молодой человек видит сон, он сам еще не готов поверить и признать это, что подтверждается его сомнения-

72

ми в конце сновидения. Символизируемая в волшебнице «великая мать природа», которая свои дары и способности предоставляет в распоряжение тому, кто готов учиться у нее и сотрудничать с ней, не обращает внимания на его сомнения и уверенно вписывает его дальнейший путь в книгу судьбы.

При слове «ведьма» мы привычно вспоминаем злую ведьму, вроде известной нам из сказки «Гензель и Гретель». Но в сказках не менее резок мотив доброй феи, которая богато награждает того, кто, повстречавшись с нею, честно ей служит. Если мы сопоставим обе эти стороны великой матери природы, то в сказках ярче всего этим сторонам соответствуют Госпожа Метелица и ведьма из сказки о Гензеле и Гретель.

В сказке о Госпоже Метелице у одной вдовы было две дочери: одна, родная дочь, была ленива и любила только наряжаться, а другая, падчерица, была прилежной и трудилась как золушка. Часто ей приходилось сидеть у колодца и прясть, пока не сотрет пальцы до крови. Когда однажды у нее из рук выпало веретено и упало в колодец, она с перепугу прыгнула туда, чтобы его достать. Там, внизу, она вышла на луг, где увидела печь, которая предложила ей вынуть готовый хлеб, а росшая неподалеку яблоня потребовала стрясти спелые яблоки. Девушка сделала то и другое и наконец добралась до дома Госпожи Метелицы, поначалу напугавшей ее старухи с большими зубами, но та приветливо пригласила ее в дом, и девушка взялась поддерживать у нее чистоту и стелить ей постель. Когда она взбивала перину и при этом летел пух, тогда наверху шел снег. Послужив прилежно некоторое время, девушка попросилась обратно наверх, и Госпожа Метелица подвела ее к большим воротам. Когда ворота распахнулись, на девушку посыпался золотой дождь, так что она вернулась домой с богатыми дарами.

Тут, конечно, ленивая сестра захотела получить то же самое и тоже прыгнула в колодец. Но внизу она прошла мимо печи и яблони, не исполнив того, о чем они просили. Добравшись до дома Госпожи Метелицы, она только один день усердно трудилась, а потом

73

опять стала лентяйничать, пока 1Ъспоже Метелице это наконец не показалось глупым и она не отказалась от ее услуг. Она подвела ленивицу к тем же воротам, но вместо золота на нее полилась смола, так что она прилипла так крепко, что не могла освободиться до самой смерти.

В этой сказке мы вновь видим две области, обыденную область сознания и магическое царство бессознательного, которое в данном случае находится под землей, и путь туда лежит через колодец. Существование связи между верхом и низом прекрасно иллюстрирует тот факт, что наверху идет снег, когда внизу сильно взбивается постель.

И в душе, по сути дела, нет верха и низа. Если мы используем такое выражение, как глубина, относящееся к психической сфере, то тем самым мы переносим понятие из нашего пространственного мира на явление внепространственное. Центральной фигурой магического пространства является Госпожа Метелица, тождественная богине природы, повелительнице стихии. Точно так же, как в сновидении пациента, она обнаруживает присущий ведьме негативно-демонический аспект в виде своих больших зубов. Этот угрожающий негативный аспект актуализируется при встрече с ленивицей, так как только усилия, прилежание и подлинная заинтересованность могут выявить позитивные стороны бессознательного. Тот образ действий, при котором хотят насильно и эгоистично эксплуатировать содержащуюся в бессознательном энергию себе в угоду, в большинстве случаев обречен на крушение и оканчивается смоляным дождем.

Печь, которая в сказке первой встречается девушке, вполне можно считать древнейшим в человеческой истории символом изменения. Можно добавить еще некоторые рассуждения относительно этого символа. Если мы попытаемся встать на точку зрения первобытного человека, то сможем понять, каким чрезвычайным открытием стало для него превращение естественного продукта, зерна, в съедобный и вкусный хлеб. Данное действие следует отнести к духовному достижению в плане самообуздания и управления влечениями, которым мы обязаны нашим от-

74

даленным предкам, в полной мере заслуживающим нашего уважения. Что же еще могло означать для людей того времени в течение долгой и суровой зимы не уступить этой сильнейшей потребности, голоду, и вместо

того, чтобы съесть пшеничное зерно, развить в себе способность жить не одним мгновением, а перейти к сознательному планированию. Таким образом печь, которая формой и функцией символизирует плодоносную материнскую утробу, стоит сразу у входа в магическое царство «Великой Матери». Тот, кто равнодушно проходит мимо нее, не может ожидать, что ему что-то удастся. В культе Деметры в Греции колос пшеницы — это «дитя» богини зерна. Его называют «сильным», потому что в хлебе коренится сила людей. К тому же, кто никогда не предпринимает усилий, чтобы собрать созревшие плоды природы, представленные в сказке яблоней, природа сама в конце концов не буде! благосклонна, и он столкнется с ее демонической сторо ной. Это совершенно явно прослеживается в подробно рассмотренной нами сказке о Гензеле и Гретель, но здесь необходимы еще некоторые дополнительные замечания и рассуждения: собственно, конец этой сказки представляется нам в свете современной морали безнравственным, так как отец, который был слишком слаб, чтобы оказать сопротивление злой мачехе и вместе с ней отвел детей в лес, не только не наказан за свой безнравственный поступок, но еще и награжден, разделив с детьми добытые ими сокровища. Таким образом он оказывается с лихвой вознагражден за свое малодушное поведение, в то время как не последуй он злому совету своей жены, он остался бы беден, как и раньше. Но не следует думать, что сказки решают обычные проблемы, существующие в рамках человеческого культурного сознания; скорее их можно назвать сновидениями человечества. Подобно личным сновидениям, сказка столь же мало заботится об обычных этических нормах, присущих сознанию. М. Л. фон Франц говорит поэтому о этосе (обычае, характере) бессознательного, самой природы, когда к счастливому результату приводит «правильное» поведение, в противоположность неправильному, ведущему к несчастью[12]. Вся двусмысленность нашей про-

75

блемы добра и зла лежит в основе этой сказки. В «Фаусте» она выражена Мефистофелем фразой:

Ich bin ein Teil von jener Kraft, die stets das Bose will und stets das Gute schaffl.

Частица силы я, Желавшей вечно зла, творившей лишь благое.

*(Пер. М. Лозинского)*

Именно то, что отец одержим злым духом мачехи, в конце концов приводит семью к избавлению от горькой нужды.

В то время как благая сторона матери утоляет голод и вознаграждает усилия, злая мать использует именно эту инстинктивную потребность, чтобы заманить ребенка и потом держать его взаперти (Гензель), а также использовать его работоспособность и продуктивность (Гретель) для удовлетворения собственных эгоистических инстинктивных потребностей. Преодоление этого мощнейшего демонизма достигается благодаря хитрости, то есть того образа действий, который сказке явно весьма по вкусу — вспомним сказку о «Мужике и черте» или «Храбром портняжке» — и часто такое поведение приводит к успеху Получается, таким образом, что Гретель, благодаря заключению внутри негативного материнского комплекса, как мы могли бы выразиться с точки зрения психологии, кое-чему от него научилась, так как именно хитростью ведьма заманила детей в свое царство. В этом мотиве содержатся некоторые знания сказки о сверхъестественных силах природы, с которыми не совладать силой отдельного человека. А значит, в борьбе за свое существование он тоже должен действовать окольными путями и скрывать свое оружие. Таким образом зло преодолевает само себя и сгорает в собственном огне.

Часто пациенты сообщают подобные сновидения о злой, держащей взаперти в лесу ведьме, сохранившиеся в их памяти с детства. Так, например, одна двадцатичетырехлетняя женщина рассказала мне о том, что в возрасте десяти-одиннадцати лет ей снилось, будто она приходит в лес, и вдруг деревья ее больше не отпускают, будто там была ведьма, которая ее заманила и приказала деревьям ни в коем случае

76

ее не выпускать. Это сновидение произвело на нее такое сильное впечатление, что она даже написала о нем в школе сочинение.

Конечно, можно сказать, что ребенок получил такое сильное впечатление или был так напуган рассказанной или прочитанной сказкой, например, «Гензель и Гретель», что в сновидении просто воспроизводится услышанное или прочитанное. На это можно возразить, что в течение одного-единственного дня мы получаем бесконечное множество живых впечатлений. При этом остается открытым вопрос, почему в сновидении выбран именно этот мотив, в то время как другие, которые в реальности могут быть значительно страшнее, не находят своего отражения в сновидении. Если внимательно в это вглядываться, то всегда можно обнаружить ясно выраженное отношение такого сказочного мотива к личной проблематике ребенка, видевшего сон. Так было и в нашем случае.

Пациентка рано потеряла во время войны отца и росла вдвоем с матерью, без братьев и сестер. С восьми до десяти лет она тяжело болела туберкулезом и должна была много месяцев находиться в больнице, лежа в постели. После ее выписки оттуда мать и окружающие из опасений за ее здоровье тщательно следили за тем,

чтобы она по возможности меньше двигалась. К постоянно всплывающим горестным переживаниям ее детства относилось и воспоминание о том, что она должна была неподвижно лежать в тени на одеяле, в то время как все остальные дети резвились вокруг нее, играя и бегая на лужайке. Она судорожно пыталась, используя всевозможные хитрости и уловки, заманить кого-нибудь из детей к себе на одеяло, чтобы он остался и играл с ней, но, к сожалению, это редко удавалось. Так, с одной стороны, ее собственная болезнь и забота окружающих были той самой, держащей взаперти, ведьмой, а с другой стороны, она сама в какой-то степени отождествляла себя с ней, в силу того, что пыталась, в свою очередь, заманить и удержать других детей.

Во время терапевтического сеанса, когда давно забытое детское сновидение снова всплыло из бессознательного, впервые стало ясным ее отношение к своей собственной

77

судьбе, а также к теперешнему заболеванию. Она обратилась за помощью из-за сильной депрессии и помех в работе. Теперь она вспомнила, что в детстве она еще долгое время после выздоровления испытывала леденящий страх перед возвращением болезни, перед тем, чтобы снова оказаться больной. Она никогда не осмеливалась по-настоящему поиграть с другими детьми и всегда оказывалась в ситуации одиночества, чему сопутствовал обычно ряд других факторов. В основе ее теперешней депрессии и продолжительной неспособности конструктивно трудиться и действовать все еще лежал прежний глубокий страх и неуверенность в собственной телесной природе, к которой относится и инстинктивный слой бессознательного. Так как любое сознание возникает только из бессознательного и тело является материей (от лат. mater, мать) людей, то здесь существует связь с переживанием образа великой матери, которая в глазах пациентки наделена чертами враждебно настроенной, магически удерживающей и схватывающей. Здесь речь идет о сверхличном значении фигуры матери, которая именно в качестве личной матери выражает свою негативную сторону желанием удержать при себе ребенка. Таким образом, в ведьме выражен смертельный аспект матери-природы, которая своей страшной стороной разрушает свое собственное порождение и вбирает его в себя. Из бессознательного также исходит соответствующее темное действие, так как любое созревание и становление сознания достигается лишь усилием и сталкивается с преодолением сопротивления бессознательного. Но последнее постоянно грозит вновь омрачить или поглотить обретенное сознание, что, к сожалению слишком часто случается в случае слабости Я при психическом заболевании.

Насколько пациентка подвергалась этой опасности, показывает сновидение, относящееся к началу занятий. Кроме того, оно бросает свет на мотив Человека, принявшего животный образ, о чем нам уже известно из первой сказки о змее. Пациентке снилось следующее:

У меня были стерты ноги, и при этом я танцевала в каком-то помещении. Кто-то, кто сам был тигром, ска-

78

зал мне: «Если мы превратимся в хищников, то мы больше не вспомним о нашей болезни». Но я этого не сделала.

Это сновидение прежде всего напомнило ей сказку Андерсена «Русалочка»[13], к которой мы уже обращались. У Андерсена характерным для морской принцессы является то, что возникшие из рыбьего хвоста ноги при ходьбе и танцах болят так, будто она ступает по острым ножам. Процесс обретения человеческой души, означающий созревание и сознательность, здесь явно связан со страданием и болью. Пациентка к этому времени делала первые, еще очень трудные и часто неудачные шаги, чтобы выйти из состояния бессознательности. Наряду с депрессией у нее часто наблюдались сильные инстинктивные и аффективные явления, после которых она чувствовала некоторое облегчение, но которые приводили к неприятным ситуациям, так как противоречили «высшей» человеческой стороне ее личности. В сновидении она впервые избегает соблазна укрыться от своего страдания в анимистической бессознательности, соблазна, который всплывает из ее собственной психики. В хищнике образно представлен бессознательный инстинкт ее собственной природы, который угрожает ее человеческому Я. Вспомним еще о том, что подобное стремление было также грехом принца, который в нашей первой сказке превратился в змею и для освобождения нуждался в любви к нему девушки. Там говорится, что его превращение было следствием проклятия в наказание за то, что он соблазнил сироту. Таким образом, это сновидение современного человека проливает свет на древний мотив преодоления человеком своей животной природы и на возникновение этого мотива.

Чтобы выразить чрезвычайное разнообразие элементов комплекса, состоящего из различных далеких и, соответственно, чуждых сознанию, бессознательное часто возвращает из мифа и сказки образы фантастической зоологии. И тогда в наших снах всплывают сфинкс, единорог, птица феникс, гриф, гарпии, кентавры и тому подобные чудовища, с которыми сновидец вступает в те или иные отношения.

79

Приведенное ниже сновидение, описанное двадцативосьмилетней пациенткой, случилось у нее вскоре после начала психотерапевтических сеансов.

> Я иду со своим другом по доскам, лежащим в воде, иногда там глубоко, иногда мелко. Путь ведет вдоль берега, но мы идем по доскам, потому что на берегу летает рой пчел. Когда мы вновь вышли на берег, пчел уже не было. Тогда мы приблизились к большому дому, похожему на замок, справа стояла башня, она сужалась к верху и имела много окон, но все вокруг было выгоревшим и запущенным. Мы обошли башню. Там, должно быть, жила семья священника. За домом находился сад. В нем мы увидели птицу грифа, который откладывал яйцо, как наседка, и мы посмеялись над ним. Это ему пришлось не по вкусу, и он погнался за нами. Тут вдруг моего друга не стало. Я спряталась в доме без окон. Но гриф тоже мог туда проникнуть, и, кроме того, там внутри были белокурая девушка и волк. Гриф хотел меня убить, но девушка с волком дали мне хороший совет: я не должна ничего есть, а все отдавать птице. После этого я сделала ему кушанье из луковицы. Я полезла в кухонный шкаф на верхнюю полку. Выше, над моей головой была еще полка, там всегда стояла еда, которую гриф себе добывал. Когда он пришел в третий раз, я дала ему меда. Я ощутила сладость во рту, и мне не понравилось, что я как будто съела то же, что и он. Потом он пришел еще раз, и я почувствовала горячее дыхание над моей головой. Теперь он стал волком и сказал мне: «Какой замечательный ночной горшок»; ночным горшком была я. У меня были длинные, вычурные, в стиле рококо, конечности. Потом я убила волка, удушив его. Тем временем он превратился в куницу. Я удивилась тому, как легко это произошло. Потом я на всякий случай сунула куницу в горшок с кипящей водой, и тогда она вновь превратилась в птицу грифа. Когда я наконец опустила в горшок птицу, я поняла, что наступило еще одно, третье испытание.

К сожалению, в рамках настоящей работы мы не можем подробно рассмотреть это символическое красочное

80

сновидение и должны ограничиться центральной проблемой взаимоотношений пациентки с грифом.

В связи с этим сновидением ей по ассоциации вспомнилась сказка братьев Гримм о птице грифе, которая в детстве произвела на нее сильное впечатление. Эта сказка начинается с того, что у короля тяжело заболела дочь. *«Глупому* Гансу», младшему из трех сыновей крестьянина, удалось вылечить королевскую дочь, после того как его старшие умные братья потерпели неудачу. Но для того, чтобы жениться на принцессе, он должен выполнить три задания короля. Третье из них состояло в том, чтобы добыть перо из хвоста грифа. Кроме того, ему надо было получить от этой птицы, которая «все знает», ответы на три вопроса. Ганс отправился в путь и наконец добрался до жилища грифа. Там он обнаружил старуху, мать грифа, спрятавшую его от птицы, которая съедала каждого встретившегося ей христианина. Ночью она вырвала у грифа перо и сказав, что видела дурной сон, хитростью выманила у него ответы на три вопроса. Так Гансу удалось невредимым вернуться домой и жениться на королевской дочери.

Гриф в этой сказке — явно очень злое, опасное и враждебное для человека и для христианина существо. Его совместная жизнь со старухой напоминает комбинацию черта с его бабушкой. В похожей сказке «Черт с тремя золотыми волосками»[14] герой должен отправиться в ад и с помощью чертовой бабушки получить эти волоски от самого злодея. Существо, именуемое грифом, известно нам уже из дохристианских времен, когда оно был описано Геродотом и Плинием. Наиболее обстоятельное описание принадлежит сэру Джону Мандевиллу в 85 главе его известного путешествия: «Кроме того, там имеется много грифов, больше, чем где бы то ни было, и иные говорят, что передняя часть их туловища подобна орлиной, а задняя — львиной, и это правда, потому что так они созданы, но туловище грифа крупнее, чем восемь львов, и он сильнее, чем сто орлов. Ибо нет сомнения, что он может отнести в свое гнездо лошадь вместе с всадником или пару запряженных волов, идущих в поле за плугом, потому что он имеет когти на ногах столь же большие, как туловище

81

вола, и из них делают сосуды, а из ребер — луки, чтобы выпускать стрелы»[15].

В средневековой символике это мифологическое животное было не только воплощением зла, отождествляемым с дьяволом, но парадоксальным образом гриф также являлся символом Христа. Именно эта амбивалентность представляется нам очень важной для ответа на вопроса о том, какое значение имеет для нашей пациентки процесс интеграции этого внутреннего образа.

С психологической точки зрения то, что здесь обнаруживает себя в образе грифа, представляет собой бессознательный комплекс превосходящей силы. Это существо относится к животному миру и поэтому все еще близко инстинктивной анималистски-природной стороне психического. Речь, очевидным образом, идет

о силе, которая значительно превосходит сознательное Я (эго), силе, от которой пациентка прежде всего в страхе убегает и прячется. Только благодаря встрече с силами-помощниками, девушкой и волком, ей удается избежать опасности оказаться съеденной или проглоченной. Многим людям более или менее знакомо подобное состояние, когда в нашем сознании возникают мысли, представления и эмоции, для нас совсем нежелательные, которых мы хотели бы избежать и однако, не только не можем устранить, но часто их зловещее влияние сказывается на всем нашем поведении и поступках.

Природная сила сама по себе нейтральна, действует ли она внутри нас или во внешнем мире. Природным энергиям нет дела до наших представлений о морали или о пользе. Они стоят в стороне от них и не являются ни добрыми, ни злыми. Они могут быть как приносящими помощь, победу и добрые плоды, так и демоническими, разрушающими и уничтожающими. Это зависит только от того, какую точку зрения занимает или должно занимать по отношению к ним наше сознательное эго в борьбе за существование и за утверждения своего человеческого достоинства. Именно отсюда происходит двойное значение этого образа, когда гриф, с одной стороны, отождествляется со злом и чертом, а, с другой стороны, может символизировать высшее благо

82
самого Христа. Если нам удается установить гармоничные отношения с глубинными силами нашей внутренней природы, то они становятся для нас высшим добром и прежде всего утверждением и торжеством жизни. Напротив, если мы вступаем с ними в конфликт, то они, с их превосходящей сознание силой, становятся угрожающими и, увы, часто способны погубить нас. Постоянная возможность оказаться в таких конфликтных отношениях обусловливает трагизм человеческого существования, так как человек отличается от животного тем, что принужден жить не *внутри* природы, но *противостоя* ей, и сегодня это противостояние мстит за себя. Таким образом, противоречие и столкновение со своим животным началом касается нас всех, а не только невротиков, и процесс его интеграции имеет свое основание в коллективном бессознательном.

Анализ этой женщины, на личностных аспектах которого мы здесь не можем останавливаться, также подтверждает, что в образе грифа из ее сновидения содержался комплекс еще не преодоленных притязаний инстинкта в сочетании с надстроенной над ними идеализацией. Именно поэтому гриф был подходящим образом, так как, подобно льву, он является хищником, всецело пребывающим во власти бессознательных импульсов, а такое крылатое существо, как орел, указывает на мир идей, фантазий и мыслей, который всегда связывается с полетом птицы. При этом внутреннюю связь сновидицы с этим мифическим существом сновидение подчеркивает тем фактом, что она сама ощущает во рту вкус меда, который пожирает гриф.

Наряду с фигурой грифа в сновидений содержится второй частый и типичный сказочный мотив. Это состязание превращений, которое происходит между сновидицей и сказочным существом. Здесь гриф превращается в волка и куницу и только после умерщвления возвращает свой первоначальный облик. Вместе с тем сновидица также превращается в высокохудожественный, в стиле рококо, ночной горшок. Такую типичную борьбу меняющих обличье героев мы находим, например, в сказке об «Ученике чародея»[14], где ученик после обучения искусству магии вступает в борьбу со своим учителем, чародеем, за сердце принцессы. Ва-

83
риант, в котором принцесса, сама обладающая магической силой, освобождает превращенного волшебством в обезьяну героя, можно обнаружить в восточном собрании сказок «Тысяча и одна ночь», а именно, в сказке из цикла «История о носильщике и трех дамах» «Истории второго слепого дервиша». В одной из своих работ я уже подробно разобрал эту сказку с аналитических позиций[17]. Тот же мотив мы находим и в «Одиссее», в том месте, где Эйдофея, дочь морского старца Протея, помогает Менелаю и его спутникам получить от своего отца предсказание о возвращении на родину. Соответствующая строфа очень выразительно демонстрирует способность Протея к превращениям:

> В полдень же с моря поднялся и старец. Своих тюленей он Жирных увидя, пошел к ним и начал считать их и первых Счел меж своими подводными чудами нас, не проникнув Тайного кова; и сам напоследок меж ними улегся. Кинувшись с криком на сонного, сильной рукою все вместе Мы обхватили его; но старик не забыл чародейства;
>
> Вдруг он в свирепого с гривой огромного льва обратился;
>
> После предстал нам драконом, пантерою, вепрем великим, Быстротекучей водою и деревом густо вершинным;
>
> Мы, не робея, тем крепче его, тем упорней держали.
>
> *(Одиссея, песнь IV, 450—460, пер. В. А. Жуковского)*

С психологической точки зрения, эту способность магического персонажа к превращениям, а также его трудно-доступность и непостижимость можно успешно сравнить с тем же свойством внутренних

содержаний бессознательного, которые, всплывая в поле сознания, оказываются в его свете столь же изменчивыми и неуловимыми. Психоаналитический процесс как раз и пытается удержать эти периферийные и ускользающие содержания и включить их в сознание. В сновидении этому соответствует происходящее в конце его овладение грифом и помещение его в кухонный горшок, где он может стать «съедобным». «Съедобный» в данном случае означает, что созревшие в бессознательном комплексе силы и идеи могут быть сознательно восприняты Я (эго) пациентки. Это, собственно, и является задачей анализа; таким образом завершение сновидения открывает возможности для начала нового периода.

84

За недостатком места мы вынуждены ограничиться этими немногими примерами появления сказочных мотивов в сновидениях современного человека. Подобный ряд можно продолжать до бесконечности, так как едва ли найдется психотерапевтическая практика, в которой при изучении сновидений не встречались бы более или менее часто мифические или сказочные мотивы. Мы видим, как творческая фантазия бессознательного обычно комбинирует мотивы и сюжеты известных нам сказок таким образом, чтобы они в каждом конкретном случае соответствовали проблематике пациента. Таким образом бессознательное компонует собственные индивидуальные сказки. Для психотерапевта представляет большую ценность знакомство с многообразием подобных архетипических мотивов и символов, так как это ведет к более глубокому пониманию специфики языка бессознательного. Без этого знания легко пройти мимо таких символов и, увидев во сне сказку, совсем не узнать ее. И тогда, отбросив эту ценнейшую часть древнего знания, такой психотерапевт уподобляется простофиле во время его первого пребывания в замка Грааля, когда тот теряет сокровище, потому что он забыл задать вопрос.

Появление подобных пестрых, красочных образов, полных жизни и скрытого смысла, является глубочайшим переживанием и для современного человека, ориентированного в основном рационально. Торговец, чьи мысли и представления заполнены цифрами, контрактами, поставками товаров и тому подобным, который страдает от постоянного ощущения гнетущей пустоты своей жизни, вновь оживает, когда во сне пытается переплыть реку, где его подстерегает страшный гиппопотам, который угрожает его сожрать. Когда он совсем в отчаянии, к нему по воде приближаются два меча, и с помощью одного из них, восточной кривой сабли, он может защититься от чудовища. Таким образом во сне он переживает древний мотив битвы с драконом, содержащийся в бесчисленных мифах и сказках; наградой за победу над драконом обычно бывает дева или сокровище. Если даже ему еще ни разу не удалось во сне убить чудовище и переплыть реку и ему

85

остается довольствоваться спасением от дракона, то все же он понимает, что в нем самом содержится нечто более значительное, чем его фирма. Образ возвращает ему частицу веры в иные возможности своей души, благодаря которым его существование может стать живым и ярким. Принцесса и сокровище в качестве награды за победу в битве с драконом как в сказке, так и во внутреннем душевном пространстве, символизируют открытие новой области переживаний и полноты бытия. Обращаясь к своему личному опыту и к опыту пациентов, можно видеть, сколько существует возможностей обогатить собственное существование и получить новые радости в жизненной борьбе.

## ЛЮБИМАЯ СКАЗКА ИЗ ДЕТСТВА

Помимо сновидений, включающих в себя сказочные мотивы, сказки и непосредственно также могут обнаружить глубокие связи с судьбой, внутренним миром, переживаниями, поступками, болезнями и слабостями, а также с достоинствами и сильными сторонами человека. Часто именно такую роль играет сказка или сказочная история, очаровавшая человека в детстве, особенно любимая им или пугавшая его в то время. Позднее она была забыта или вытеснена и тем самым погружена в бессознательное, где, однако, продолжала обладать значительной энергией, о чем взрослый человек мог и не подозревать.

Около двадцати пяти лет назад при анализе одной из своих пациенток я впервые натолкнулся на подобную сказку, почти случайно всплывшую на поверхность сознания. При анализе одного несколько странного и необычного сновидения она по ассоциации вспомнила начало сказки, которой она была в детстве очарована настолько, что разыгрывала ее вместе с подругами. Сейчас она едва могла вспомнить содержание сказки, а также не знала, к какому именно эпизоду сказки относится мотив сновидения, но, во всяком случае, существовало некоторое сходство образов сновидения с образами, которые ее фантазия сплетала вокруг этой сказки. Так как в качестве аналитика я привык придавать серьезное значение всплывающим мифологическим образам, я перечитал эту сказку, которую сам плохо помнил, и был ошеломлен множеством сразу бросившихся мне в глаза параллелей с судьбой и жизненными обстоятельствами пациентки, даже с симптомами ее болезни.

Чем больше я впоследствии думал об этой пациентке и ее сказке, тем отчетливее, убедительнее и многочисленнее становились эти параллели, так что в известном смысле можно было сказать, что молодая женщина жила не своей жизнью, а жизнью героини этой сказки. Тем временем пе-

87

речитала сказку и пациентка, натолкнулась на подобные параллели, частично совпадающие с замеченными мною, частично дополняющие их, и испытала сильное потрясение. В дальнейшем сказка часто играла значительную роль в ходе анализа, порой уходила в тень при обращении к конкретным личным проблемам, но затем снова выступала на первый план либо по инициативе самой пациентки, либо при моих толкованиях и таким образом существенно влияла на ход всего аналитического процесса.

Данный случай заставил меня обратить внимание на тот же феномен у другой пациентки, и вскоре я смог убедиться, что речь идет не о единичном или редком явлении, но о том, что большинство моих многочисленных последующих пациентов сообщали сами или могли отыскать по моей просьбе одну или две такие сказки, а также о том, что у всех этих пациентов подобные параллели сказочных мотивов с их психической динамикой обнаруживались с большей или меньшей отчетливостью. Конечно, роль, которую такая сказка играла в ходе анализа, была различной. У одного она только ненадолго всплывала на поверхность, параллели фиксировались скорее мною, чем самим пациентом, у других, как в первом случае, на определенной стадии анализа сказка оказывалась в центре внимания. Между этими двумя крайностями был полный спектр всевозможных оттенков. Важно отметить, что с тех пор я взял за обыкновение в подходящий момент аналитического процесса, используя определенную методику, обращаться к такого рода сказке, которая в детстве у пациента была особенно любимой или пугающей.

Как легко может убедиться каждый, нельзя сказать, что любимая сказка всегда ясно осознавалась в качестве таковой. Если у большинства людей прямо, без аналитической подготовки, спросить: «Какая, собственно, сказка была у вас в детстве любимой?», то только незначительная часть сможет дать на это уверенный ответ. Чаще эти истории находятся глубоко в бессознательном, и, исходя из этого, можно поставить вопрос: с помощью какой методики они могут вновь вернуться в сознание? Следующий методический вопрос таков: каким образом можно использовать та-

88

кую сказку в терапевтических целях, чтобы способствовать процессу выздоровления и индивидуации. Я полагаю, что такие сказки относительно самостоятельно и изолированно могут быть встроены в общую методику аналитической психологии. У некоторых пациентов они могут также подтверждаться документально, чему есть многочисленные примеры. Например, уже упоминавшаяся пациентка располагала своими детскими заметками (сделанными в возрасте 8-10 лет) об играх на тему ее сказки. Другие пациенты имели в своем распоряжении истории, которые они, будучи детьми, сочиняли о сказочных персонажах или в которых отчетливо выражались мотивы их любимых сказок, иногда это были самостоятельно устраиваемые кукольные представления. Третья группа демонстрировала свои детские рисунки на сюжеты определенных сказок, а четвертая старалась получить от знакомых подтверждение правильности своих воспоминаний о том, чем они были очарованы. Конечно, эти группы невелики, примеры такого рода не слишком часты и, соответственно, статистически недостоверны. Однако, уже само их наличие ясно свидетельствует в пользу того, что всплывающая во время анализа взрослого пациента сказка действительно имела для него важное значение в детстве.

Следующим существенным фактором, подтверждающим объективный характер наличия и важности для ребенка любимой детской сказки, являются прямые наблюдения за детьми. Во время многолетней деятельности в качестве детского аналитика и терапевта я имел возможность наблюдать притягательность этих сказок, особенно при анализе детей в возрасте 4—10 лет. Роль, которую сказки играют во время сеансов, будучи включенными в игровую терапию самими детьми, зависит от того, в какой степени терапевт обращает на это внимание или спрашивает у детей о том, какую сказку они больше всего любят или боятся. Здесь обнаруживается тот же феномен интенсивных взаимосвязей между сказкой и психической проблемой ребенка. Наиболее ярким представляется мне случай умственно отсталого девятилетнего мальчика, воспитывавшегося в приюте, у которого наблюдалась тяжелая симптоматика синдрома навязчивых действий, заключавшаяся в

89

том, что, находясь в приюте, в школе или в каком-то другом здании, он пытался голой рукой выдавливать и разбивать оконные стекла. Его любимой сказкой были «Бременские музыканты». Как известно, эта сказка начинается с того, что животные убегают от своих хозяев, так как не хотят быть дармоедами, что можно сравнить с ситуацией приютского ребенка. Своей кульминации сказка достигает в том эпизоде, где животные влезают в освещенное *окно* разбойничьего дома, *через* которое попадают в дом, и таким образом, прогнав разбойников, становятся обладателями вкусной еды и собственного жилища. Такие бросающиеся в

глаза параллели, которые и без всякой интерпретации очевидны любому дилетанту, случаются, конечно, редко, хотя их можно встретить и у взрослых. Детская аналитическая терапия, как известно, требует продолжительного времени и длится порой, как и терапия взрослых, многие годы. При этом часто можно наблюдать, что дети меняют предпочитаемые ими сказки. Но в большинстве подобных случаев при таком изменении вновь выбирается сказка, в центре которой находится примерно такая же или похожая символика, например, вместо сказки «Мальчик-с-пальчик» берется «Храбрый портняжка», а вместо «Семи гусей» — «Шесть лебедей». Это обстоятельство также указывает на наличие в сказке центрального комплекса, который в своих существенных частях может быть выражен лишь более или менее точно определенной образной символикой. Эти наблюдения подтверждают также всем известную сегодня гипотезу Фрейда о том, что основные структурные элементы психики формируются в первые годы жизни, и в дальнейшем основная психическая проблематика постоянно разыгрывается в рамках этой структуры или этого основного комплекса.

В первое время, когда меня самого очень привлекали сказки подобного рода, они, даже без моего сознательного намерения, очень заметно выдвигались на передний план во время анализа, особенно при работе с пациентами, которые были более других восприимчивы к подобным образам. Эти пациенты, постоянно, не нуждаясь в форсировании этого процесса с помощью моих толкований и объяс

90

нений, так сказать, возвращались в сказку, связывали ее со своими проблемами, делали к ней рисунки, картины или скульптуры, прорабатывали ее или переделывали на новый лад. Это явление нетрудно объяснить. При взаимоотношениях двух людей атмосфера определяется либидозным интересом одного из них, и любой чуткий пациент точно угадывает такую точку, в которой он пробуждает личный интерес аналитика, беря себе за правило, особенно если он не находится непосредственно в фазе сопротивления, более интенсивно заниматься именно этой областью. Когда же мое собственное внимание привлекли другие области анализа, обращение пациентов к сказкам ослабло. Правда, любимая сказка никогда не исчезала из моей практики, но выступала на первый план у пациентов реже, хотя время от времени в разных обстоятельствах вновь обнаруживался интерес к сказке, особенно если я сам снова обращался к этой теме. Здесь я должен добавить, что, со своей стороны, я был очень осторожен и сдержан при интерпретации и толковании, особенно после того, как уже первые случаи показали мне, какую сильную реакцию возбуждало мое собственное либидозное акцентирование этой области. Временами даже наступала реакция разочарования с обвинениями, будто я мало уделяю этому внимания, а один пациент упрекнул меня в том, что я вообще не знаю его любимую сказку и не удосужился даже ее прочесть; конечно, это не соответствовало действительности.

Я полагаю, что описание той интенсивности, с которой у пациента, при всей сдержанности аналитика, активизировалась определенная психическая область, очень отчетливо показывает интенсивность деятельности субъективного фактора, участвующего в процессе контрпереноса. Такое действие субъективного фактора делает правомочным следующий вопрос: является ли то, что мне предлагает во время анализа пациент, действительно «той самой» любимой сказкой его детства, или, в конечном счете, «только» некой относительно «случайно» выбранной (я умышленно пишу «только» и «случайно» в кавычках, потому что оба эти слова не применимы аналитической ситуации). Как уже упоминалось, того небольшого количества примеров объекти-

91

вирования недостаточно для исключения возможности того, что они были вызваны влиянием аналитического процесса... Несомненно, что предложенная сказка играла в детские годы пациентов важную роль, иначе они были бы не способны вспомнить о ее существовании и воспроизвести ее фрагменты. Но то, что именно данная, представленная мне в процессе анализа сказка была единственной предпочитаемой на протяжении всего детского периода, представляется более чем сомнительным. Если речь идет о наблюдении за детьми, перемена сказки не меняет основных проблем, так что вновь выбранная сказка имеет много общего с первой. Кроме того, вполне возможно, что с любимой сказкой происходит то же, что с ранними детскими воспоминаниями. Когда Фрейд разрабатывал свою теорию травмы (Traumatheorie), он пребывал в уверенности, что рассказы об отвратительных сексуальных психических травмах, поведанные пациентами при воспоминаниях своего раннего детства, действительно соответствуют реальности. Но для него оказалось большим потрясением, повлекшим за собой изменение психоаналитической теории, когда выяснилось, что речь в этих случаях шла об образах фантазии. Сегодня, когда разгорелась острая дискуссия о том, прав ли ранний Фрейд относительно детских сексуальных психических травм, или нет, нам стало известно из многочисленных исследований, что сексуальные и инцестуозные злоупотребления с детьми встречаются гораздо чаще, чем до сих пор полагали. Можно утверждать, что такое сексуальное злоупотребление по отношению к ребенку или подростку часто приводит к развитию у последнего очень тяжелого невроза. С другой стороны, известно, что по отношению ко многим невротикам и психотикам такие злоупотребления не имели места. На этом основании мы продолжаем придавать большое значение ранним инфантильным фантазиям, которые образуют объективную психическую реальность', вполне независимую от реальности внешней, в этой-то психической реальности и коренится причина невроза. Таким образом, в конце концов, с точки зрения анализа, не так существенно, действительно ли любимая сказка с полной уверенностью может быть отнесена к конкретной ре-

92

альности детства, гораздо важнее то, что она захватывает магически-мифологический слой коллективного бессознательного, а вместе с тем и символику центрального комплекса пациента. С этим согласуется и необычайно большая индивидуализация при выборе любимой сказки. За 15 лет, начиная с 1974 года[2], я исследовал свыше ста пациентов с представленными для анализа сказками, и у 70 из них обнаружилось 49 различных любимых сказок, это позволяет говорить о том, что большинство пациентов имеют свои собственные, личные любимые сказки, и несмотря на коллективный характер всей совокупности материала, каждый делает свой собственный выбор.

Согласно Гебзеру <J. Gebser>[3], ранние фазы развития определенных областей сознания играют важную роль для индивидов и в последующие годы, постоянно сохраняются рядом или под рациональным сознанием, и особенно значительно их влияние на креативные процессы. Для нас здесь особенно важны

прежде всего магическая и мифологическая стадии сознания, которые Э. Нойманн[4] также включил в свою концепцию развития структуры Я ребенка. Первая и самая ранняя ступень развития сознания, согласно Гебзеру, магическая, на которой сознание пытается с помощью принципа власти добиться независимости от окружающей природы. Магия со своим волшебством и со своими ритуалами всегда направлена на власть и на овладение объектом, равно как и на покорение природных сил и господство над ними. Напротив, в мифической фазе впервые появляется осознание времени, а вместе с тем, именно в этой фазе возникает процесс познания. В противоположность магическому, мифологическое сознание гораздо больше определяется интеллектуальной любознательностью и в великих символических образах пытается отразить как природные явления, так и свою собственную психику, постижение смысла которых ведет к познанию внешнего и внутреннего мира. Находясь глубоко внизу, под нашим рациональным сознанием, эти ранние стадии, несправедливо классифицируемые иногда как инфантильный остаток, оказываются значительно более жизненными и активными, чем нам хотелось бы признать. Они, как я по-

**93**

называю в своей ранней работе[5], взаимопроницаемы, и мы находим в снах и фантазиях всю полноту магических и мифических мотивов. Я склонен думать, что именно сказка больше всего подходит для того, чтобы дать образное оформление содержащимся в этом слое энергиям либидо и тем самым наполнить архетип как таковой специфическими образами, способными придать энергии влечения символическое направление и смысл. В сказках отчетливее, чем в чистом мифе, переплетены магические и мифологические элементы, соответствующие слою коллективного бессознательного, и, кроме того, по сравнению с мифом, где драма разыгрывается богами или героями, герои сказки более индивидуальны и их истории легче связать с жизнью обычных людей. Конечно, можно спросить: какой миф у тебя самый любимый? Но едва ли мы получим ответ на этот вопрос, особенно когда после злополучной национал-социалистической вакханалии миф обесценился, и у нас есть все основания чувствовать враждебность по отношению к мифу или совсем отвергать его. Другая причина может состоять в том, что мы, часто сами того не сознавая, вплетены в ныне живущий миф, к которому мы привязаны с религиозной интенсивностью, будь то христианство или миф науки, с помощью которого, еще со времен Лапласа, можно объяснить все прошедшее или полностью предсказать будущее. Возвращение к сказке означает, таким образом, возвращение к архаическому и первобытному, часто содержащему именно те элементы, которых недостает сознанию.

В качестве примера я хотел бы вкратце описать три случая, где прежде всего отчетливо выражены основные параллели между структурой личности, неврозом и любимой сказкой. В первом случае речь идет о пациентке, упоминавшейся в начале этой главы, именно при работе с ней я впервые столкнулся с этим феноменом. Речь идет о двадцатидвухлетней девушке, которая в 1961 году обратилась ко мне, страдая синдромом астазии-абазии (потери способности ходить при сохранении силы и объема движений конечностей в постели). Кроме того, у нее были представлены страхи, депрессии и суицидные настроения, вплоть до собственно

**94**

попытки суицида с помощью таблеток. Нарушения при ходьбе имели тенденцию к усилению. Сначала пациентка приезжала на сеансы на такси в сопровождении кого-нибудь из близких и на протяжении какого-то времени была не в состоянии подняться по маленькой внутренней лестнице, ведущей в мой кабинет, так что часть занятий должна была проходить в передней. С тридцатого занятия наступило улучшение, но при этом пациентка стала жаловаться на тянущую и режущую боль в ногах.

На шестьдесят втором занятии в связи со сновидением вновь спонтанно всплыло воспоминание о любимой сказке ее детства. Это была уже упоминавшаяся в первой главе «Русалочка» Андерсена, сказка, которую здесь следует пересказать более подробно.

> В этой истории рассказывается о том, что глубоко на дне моря стоит замок морского короля, шесть дочерей которого воспитывает бабушка, так как король давно овдовел. Вокруг замка расположен большой сад, в котором у каждой из шести принцесс есть своя клумба. Клумба младшей принцессы «была кругла, как солнце, и цветы, которые на ней росли, были такими же красными, как оно». В центре ее стояла мраморная статуя, изображавшая мальчика под плакучей ивой.
>
> С пятнадцати лет принцессам позволялось подниматься на поверхность моря и любоваться кораблями и миром людей, о которых им много рассказывала бабушка. В отличие от людей, морские девы могли прожить триста лет, оставаясь по-прежнему вечно юными, но у них не было бессмертной души, и после смерти они превращались в морскую пену. Только в том случае, если человек полюбит одну из них так сильно, что возьмет ее в жены, а священник произнесет при этом благословение, только тогда войдет человеческая душа в морскую деву и она причастится бессмертия.
>
> Как только сестрам исполнялось 15 лет, они одна за другой отправлялись к морской поверхности **и,** вернувшись, рассказывали о своих приключениях. Самая младшая, которая стремилась наверх больше

других, должна была ждать дольше всех, но, наконец, пришел ее день. Украсив себя шестью морскими звездами, впле-

95

тенными в рыбий хвост, поднялась она наверх. Там, на поверхности моря, она увидела корабль, на котором юный принц праздновал свой день рождения. Ночью поднялась буря, корабль потерпел крушение и морская принцесса спасла потерявшего сознание принца. Она вынесла его на берег и увидела, как его нашла там какая-то девушка.

С этого времени почувствовала она полную тоски любовь к принцу, и все снова и снова плавала у берега, где стоял его замок. Наконец она решилась отправиться к морской ведьме, чтобы раздобыть у нее средство, благодаря которому она получит вместо рыбьего хвоста человеческие ноги. Ведьма жила посреди мрачного леса из полипов и вьющихся растений, которые хватали и душили всех, кто проплывал мимо них. К своему ужасу, увидела она там задушенную морскую женщину. Но ей удалось, несмотря на все опасности, добраться до ведьмы, и та сварила ей волшебное зелье, которое превращало хвост в ноги. В уплату, заявила ведьма, принцесса должна будет отдать ей свой язык и с тех пор не сможет больше говорить. Кроме того, при каждом шаге ее ноги будут болеть так сильно, как будто она ступает по острым ножам. Для того, чтобы завоевать принца, у нее останется только красота движений, способность прекрасно и выразительно танцевать. Но если принц женится на другой, то в ночь его свадьбы она должна будет умереть.

Когда принцесса выпила приготовленный ведьмой напиток, она упала в обморок и очнулась уже у дверей дворца. Над ней склонился принц, который взял ее к себе, но обращался с чужой немой девушкой как с сестрой. В точности, как предсказывала ведьма, при каждом шаге она испытывала острую боль, но ее танец очаровал всех во дворце. Однажды принц сообщил ей, что он должен жениться на принцессе из соседнего королевства, но не хотел бы этого, потому что он любит девушку, которая нашла и спасла его во время бури. Морская принцесса сопровождает его в соседнюю страну. Там принц убедился, что принцесса и есть та самая девушка, о которой он мечтал, и решил обвенчаться с ней. Все усилия русалочки оказались напрасны, и в ночь

96

свадьбы принца, которая пришлась на день отплытия корабля, она печально сидела на палубе. Тут из волн показались ее сестры, которые принесли дорогой ценой полученный ими у ведьмы нож. Если она зарежет этим ножом принца и его кровь прольется на ее ноги, то они вновь превратятся в рыбий хвост и, став морской девой, она сможет прожить свои триста лет. Долго колебалась она с ножом в руках, но, наконец, победила ее любовь. Она бросила нож в море и с первыми лучами утреннего солнца устремилась за борт. Однако превратилась она не в морскую пену, как предсказывала ведьма, а в одну из дочерей воздуха, которым дана возможность стремлением к добру по истечении трехсот лет заслужить бессмертную душу.

Прежде всего здесь следует отметить множество параллелей с симптоматикой пациентки. В сказке, как и в симптоме невроза, с ногами связаны боль, трудности и заботы. Следовательно, существует определенная идентичность между этим симптомом и образом нимфы, существа, которое может быть помещено на границе между животным и человеком. Сущность нимфы, пребывающей в природной стихии, не обремененной заботами и ответственностью, но стремящейся к очеловечиванию, можно сопоставить с еще неразвитой в пациентке женственностью, которая требует осознания себя. В какой степени эта проблема наличествует, я покажу в дальнейшем. Это, впрочем, сильнейший мифологический мотив, раннее изложение которого, согласно Эмме Юнг[7], содержится уже в *Ригведе.* Этот бессознательный комплекс, имеющий отчетливо выраженное отношение к эротике и сексуальности (в нашей сказке сюда же можно отнести и часто встречающееся число шесть) может, с одной стороны, быть направлен к сознанию, с другой же стороны, поглотив это (Я), устремиться с ним в бессознательное, как в известном стихотворении Гете «Рыбак»[8].

В процессе анализа прогресс в становлении сознания и улучшение симптоматики при ходьбе, как и в сказке, связан у пациентки с испытываемой при этом болью. В дальнейшем, совсем как в сказке, первым, что пациентка сделала, выздоровев, было то, что она с воодушевлением от-

97

правилась танцевать. Я хотел бы добавить здесь, что у многих моих последующих пациентов, чьей любимой сказкой была «Русалочка» Андерсена, обнаруживалось такое же тяготение к миру танцев. Танец означал для них глубокое ритмичное соединение с вегетативно-соматической областью и стремление к спасительной форме выражения. Совсем как сказка, они использовали его в качестве имеющейся в их распоряжении соответствующей формы выражения бессознательных желаний и стремлений.

Но если мы вернемся к симптоматике нашей пациентки, то можем видеть дальнейшую аналогию между

окрашенными печалью и неисполнимостью стремлениями сказки и ее депрессией, а свободный выбор героиней сказки смерти соответствует суицидным тенденциям и попыткам пациентки.

Однако еще более важным, чем это чисто внешнее соответствие в симптомах, мне представляется то, что в архетипической динамике сказки обнаруживаются отчетливые параллели с генетической предрасположенностью пациентки и ситуацией, вызвавшей у нее невроз. На первом плане в сказке стоит неудачная попытка отношений с представителем противоположного пола, односторонняя неразделенная несчастная любовь, которая, собственно, оканчивается неудачей потому, что девушка не в состоянии дать своему чувству словесное выражение. Речь идет о происходящей из доминирующего материнского архетипа задержке развития женского Я в направлении к своему полному осуществлению, го есть о задержке в формировании отношения к анимусу и тем самым к собственному мужскому компоненту и к реальному мужчине.

В глубине моря, которое отождествляется с бессознательным, господствует Великая Мать в двух формах своего проявления, светлому, позитивному аспекту ее соответствует мудрая и гордая бабушка, которая «каждый день проявляла великую любовь и заботу к маленьким морским принцессам, своим внучкам». Наряду с этой светлой стороной архетипа присутствует темный, демонический аспект, воплощенный в морской ведьме, с ее цепляющимся и удушающим волшебным лесом. В ней, проецируя дан-

**98**

ный образ на реальность, без труда можно узнать подавляющую и калечащую сторону «сверхзаботливой матери» («overprotective mother»).

До тех пор, пока это (Я) пребывает в бессознательной укрытости инфантильного рая материнского мира, оно не сможет, как и другие сестры, обрести душу, то есть стать сознательным, вести человеческую жизнь и иметь судьбу. Оно остается неизменным и вечно юным, пока, наконец, не превратится в морскую пену. Только встреча и столкновение с негативной стороной Великой Матери, с последующим расставанием с материнским миром, способна привести к возникновению сознания, очеловечиванию и установлению связи с реальностью. Только имея человеческие ноги, можно устоять в ситуации, часто связанной с сильными страданиями. Но потеря языка, цена, которую принцесса должна заплатить за этот опыт, слишком высока для того, чтобы можно было беспрепятственно осуществить дальнейшую индивидуацию. Язык в качестве важнейшего для человека коммуникационного, выразительного и образного средства нельзя заменить регрессивным возвращением к телесной моторике, и таким образом в мире людей сказочная принцесса в конце концов терпит крушение, правда, не без утешительной перспективы все же обрести душу в мире дочерей воздуха. В этом решении сказки либидо вновь удаляется от действительности, после того как отношение к мужчине терпит крах. **Оно** перетекает теперь в воздушную стихию, то есть в царство фантазии. Это решение, очень проблематичное и двусмысленное для обычного человека, соответствует регрессивной интроверсии и бегству в мир сновидений. Только для поэта, каким был Андерсен, способного придать форму этому миру сновидений, такой выход может стать удовлетворительным.

Если сравнить ситуацию, вызвавшую невроз, со сказкой, то здесь также обнаруживается отчетливая аналогия:

именно к тому времени пациентка впервые по-настоящему вышла из-под жесткой родительской опеки, вступила в романтические отношения с мужчиной и добилась возможности поехать к нему одна, без сопровождения матери. От-

**99**

ношения, однако, оказались разрушены, хотя не в последнюю очередь из-за самой пациентки, которая, принадлежа к моторному, общительному экстравертному типу, немного могла поведать о своем внутреннем мире и еще меньше способна была говорить о своих чувствах: «Неспособность говорить доходит до смешного. В нашей семье было принято обо всем молчать. Говорят только о работе и коллегах, никогда о том, что касается личного. Я теряюсь, я не знаю, с чего начать». В этих отношениях она была девушкой без языка. Встречи с этим мужчиной привели затем к беременности и, когда после рождения ребенка он отказался на ней жениться, возник симптом астазии-абазии.

Если теперь сравнить жизненную историю моей пациентки со сказочной, то обнаружится, что доминирующей фигурой в раннем развитии пациентки является «сверхзаботливая мать» («overprotective mother»). Пациентка была единственным ребенком в семье. Брак родителей был крайне тяжелым. Отец долго лечился, иногда стационарно, в связи с маниакально-депрессивным состоянием, совпавшим со временем рождения пациентки. Поэтому с самого начала и в дальнейшем ребенок был ориентирован прежде всего на мать. Когда пациентке было четыре года, родители на много лет расстались. Мать и дочь были эвакуированы во время войны за границу, в то время как отец остался в Берлине. После их возвращения отец стал жить отдельно, супруги развелись, но позднее, когда пациентке было 14—15 лет, вновь примирились. Как и в сказке Андерсена, в столь важный период развития отец играет незначительную роль. Мать, в свою очередь, страдала усиливающимся неврозом навязчивых состояний и фобиями. С одной стороны, она окружала заботой и баловала дочь, которой нельзя было никуда ходить одной и всегда следовало выглядеть

чистой и аккуратной. Ей не позволяли играть с другими детьми и берегли от малейшей простуды. В то же время, если пациентка хоть немного протестовала против этих ограничений или на несколько минут опаздывала, то подвергалась сильному наказанию.

В отношении к матери у моей пациентки различались три больших периода: первый период продолжался до позд-

**100**

него пубертата. Он характеризовался невыносимой эмоциональной амбивалентностью. Мать, с одной стороны, была заботливой, любящей и балующей, с другой же стороны, — цербером, морской ведьмой, требующей беспрекословного подчинения. Если что-то делать, то надо это делать тайно. В сказке этому соответствуют плененные и умершие фигуры в ведьмином лесу на морском дне. Затем последовала фаза явного противостояния, в это время пациентка открыто бунтовала, уходила из дома, заводила друзей, получая от матери поддержку, отчасти наперекор отцу, который тоже имел склонность к сверхопеке. В сказке такому положению отвечает заключение договора с ведьмой. Наступление третьей фазы совпало с вспышкой невроза. Пациентка полностью спряталась за спиной матери, вновь ставшей лучшей любимейшей подругой. Она заперла себя в доме. Поездки в свободное время предпринимались только с матерью, так что она, с одной стороны, впала в регрессивную интроверсию заключения сказки, с другой же стороны, ее состояние обнаруживало связь с началом сказки, когда принцесса должна была оставаться дома одна и в тоске плавать вокруг мраморной колонны с мальчиком. Отношения пациентки с другим полом были столь же безжизненны: холодный гладкий мрамор, вокруг которого кружатся пассивные тоскливые фантазии о похожем на принца мужчине, который однажды придет и возьмет ее в жены. Сопровождавшее подобные мечтания депрессивное настроение напоминает нам о том, что в сказке рядом с фигурой мальчика стоит плакучая ива.

В качестве второго примера я хотел бы взять случай двадцатилетнего молодого человека, который обратился к анализу из-за сильного заикания. Здесь тоже существовали очевидные параллели между ситуацией его любимой сказки и его симптоматикой, вызванной подобной ситуацией. Его любимой была сказка Вильгельма Гауфа «Калиф Аист».

В этой сказке рассказывается о том, как однажды калиф Багдада Хасид и его визирь Мансур купили у старого торговца чудесный порошок, к которому был приложен листок с непонятными письменами. Для того,

**101**

чтобы разобрать надпись, калиф приказал привести Селима, ученого мудреца, и посулил ему, если тот сможет прочесть письмена, праздничное платье, но если он этого не сделает, то получит 12 ударов по щеке и 25 по ногам, потому что в таком случае Селим не заслуживает имени ученого. Так как буквы были латинскими, Селим смог выполнить повеление и перевел калифу с визирем, что каждый, кто понюхает этот порошок и скажет слово «Мутабор», сможет превратиться в выбранное животное и понимать язык зверей. Но, оказавшись в этом состоянии, нельзя было смеяться. Нарушивший запрет забудет волшебное слово, которое он должен сказать, трижды поклонившись на восток, чтобы опять стать человеком.

Обрадованные представившейся возможностью новых приключений, отправились калиф и визирь следующим утром на ближайший луг, где увидели аиста, к которому подлетел второй. Они тут же поспешили сами превратиться в аистов и стали слушать разговор, который настоящие аисты вели между собой Сначала первый предлагал другому разные лакомства, как то лягушачья ножка или ящерица, но тот отказывался, а потом рассказал, что вечером должен танцевать перед гостями своего отца и захотел это показать. Он проделал это так смешно, что калиф и визирь не смогли удержаться от смеха. Но тогда они забыли волшебное слово и только, заикаясь, бормотали: «Му.. му.. му..». Наконец они отказались от этих попыток и в печали расположились в обличье аистов вблизи города.

В городе тем временем всеми овладела великая печаль из-за их исчезновения, но на четвертый день, к своему ужасу, калиф и визирь увидели, как сын волшебника Кашнур, смертельный враг калифа, въехал в город господином. Непостоянный, как всюду, и здесь народ восторженно приветствовал завоевателя. Теперь им стало ясно, что никто иной, как Кашнур, был тем торговцем, который продал им порошок, чтобы от них избавиться. В качестве последней возможности спасения решили они предпринять полет в Медину У фоба пророка хотели они помолиться о возвращении своего человеческого облика.

Так как они были новичками в летном деле, то через некоторое время устали и опустились у лежавшего в руинах замка. Вдруг они услышали жалобные стенания и, отправившись на поиски, обнаружили плачущую сову, оказавшуюся заколдованной дочерью индийского раджи. Она тоже стала жертвой злого Кашнура и могла освободиться от колдовства только в том случае, если кто-нибудь, несмотря на ужасный вид, согласиться взять ее в жены. Когда она, со своей стороны, услышала печальную историю калифа, она взялась им помочь, пообещав показать место, где они смогут под-слушать волшебника и таким образом узнать забытое слово. Взамен один из них должен пообещать

взять ее в жены. Калиф отвел визиря в сторону и заявил, что тот должен это сделать. Но визирь возразил, что у него уже есть дома жена, и к тому же он слишком стар. Он скорее готов остаться аистом, чем согласится прибыть домой к своей прежней жене вместе с новой. Итак, калиф должен был сам покориться печальной необходимости, и сова повела обоих через много переходов к тайному помещению. Сквозь щель в стене они смогли услышать то, что говорится в зале, где волшебник пировал со своими гостями.

Он хвастался своими злодеяниями, рассказав, конечно, и историю калифа, произнеся при этом волшебное слово. Как счастливы были все трое! Они тотчас поспешили к выходу, трижды поклонились на восток и сказали заветное слово. Когда калиф вновь стал человеком, он увидел рядом с собой молодую девушку сказочной красоты, расколдованную принцессу, и таким образом оказалось, что он напрасно опасался купить кота в мешке. Они поспешили в Багдад, свергли с трона сына волшебника, которому в наказание пришлось самому проглотить волшебный порошок и превратиться в аиста, чтобы потом быть заключенным в клетку. Самого волшебника поймали в его убежище и повесили в той самой комнате, в которой прежде томилась сова. А калиф и его жена жили долго и счастливо.

Мой пациент был единственным сыном частного предпринимателя. Его симптоматика проявилась, когда ему бы-

**103**

ло одиннадцать лет. Перед этим его родители во время летнего отдыха познакомились с другой семейной парой, у которой тоже был сын, ровесник пациента. По возвращении знакомство с этой семьей продолжилось. Через некоторое время произошел обмен женами, то есть обе пары расстались, в то же время завязав брачные отношения с другим партнером. Во время этих событий ничего не подозревавшие дети были помещены в интернат, и лишь вернувшись к своим матерям, узнали об истинном положении дел, которое им представили как естественное и даже радостное.

Само собой разумеется, что мой пациент совсем не обрадовался этому обмену. У него были очень теплые отношения со своим отцом, и он с большим чувством описывал мне, в каком горе пребывал в первое время. К сожалению, он не нашел понимания у своей матери, которая настолько влюбилась в его отчима, что даже ожидала от сына, что он найдет этого отчима, столь же привлекательным, как она сама. Мой пациент не полюбил отчима, более того, он возненавидел его и в первое время пытался как-то проявить этот аффект, однако натолкнулся при этом на сильное моральное осуждение обоих родителей, и тогда у него началось заикание, усугубившееся тем, что мать уделяла отчиму больше внимания, чем ему. Именно подобное положение дел мы находим в сказке. Здесь тоже две пары: с одной стороны, добрая и светлая пара, состоящая из калифа и его визиря, и, с другой, темная злая пара, волшебник и его сын, которые стараются занять место доброй пары. Так же, как в сказке, мой пациент, благодаря предпочтению, отдаваемому отчиму, утрачивает свое королевство, то есть перестает быть для матери главной персоной, как было во время ее первого супружества.

В сказке мы тоже встречаем «заикание» калифа и визиря, которые забыли волшебное слово и в отчаянии кричат:

«Му.. Му.. Му..» Оба эти персонажа могут быть соотнесены с пациентом и его настоящим отцом, то есть с обоими отвергнутыми матерью мужчинами. Важное покачивание головой при ходьбе у аиста напоминает судорожные моторные попытки заики произнести фразу. Вызывающее у пациента болезненную симптоматику запрещение выражать

**104**

свой аффект можно сравнить с превращением героев сказки в бессловесных существ. Параллель усиливается, если вспомнить, как калиф не мог сдержать смех при виде аи-стихи, которая, расправив крылья, демонстрировала танец перед своим господином и повелителем. Легко представить себе, что подобное впечатление могла производить на мальчика влюбленная мать. Печаль аиста также соответствовала его печали.

Несколько лет спустя у моего пациента обнаружилась склонность к сочинительству, и первую написанную новеллу он назвал «Маленькие рыжие собаки». Она начиналась словами: «Я собака», и в ней была описана собака, которая изучает язык людей и ведет беседы со своим хозяином, прежде всего на тему: «Тот, у кого самая большая морда, вызывает самое большое уважение». Его отчим был человеком, очень умело ведущим дела, который дома и в обществе занимал доминирующее положение. При этом бросается в глаза, что в этой новелле, как и в сказке, выбран мотив превращения человека в подобного ему персонажа из мира животных.

Как в «Калифе Аисте», так и в проблематике моего пациента речь идет о взаимоотношениях с отцовской фигурой и о проблеме тени. В сказке эта проблема связана с фигурой злого волшебника Кашнура, чей сын Мирза завладевает троном калифа. В жизненной истории моего пациента в этой роли выступают его отчим и

сводный брат, которые таким же образом занимают место пациента и его отца. Кроме того, если взглянуть на проблему с субъективной точки зрения, то здесь налицо и идентичная ситуация во внутреннем мире пациента. Если обратиться к структуре его личности, то можно говорить о преимущественно интро-вертном эмоциональном типе с сильно выраженными признаками невроза навязчивых состояний. Его бессознательное обнаруживает характерное для этого типа богатство магико-мифологических мотивов, если же говорить о его сознательной области, то он был добрым простодушным мальчиком, который легко стал жертвой агрессивности и стремления к господству со стороны своих близких и поражает, в сущности, только высокая степень его сопротив-

**105**

ляемости чужим влияниям. Болезнь проявлялась всякий **раз,** когда он хотел осуществить свои бессознательные мифологические представления или был ими направляем. Мать и отчим, в свою очередь, обнаруживали немало признаков невроза навязчивых состояний с преобладанием навязчивого стремления к чистоте и порядку.

Невроз навязчивых состояний с его идеалом чистоты подразумевает типичное вытеснение темных сторон существования, а также мира инстинктов, воспринимаемых как грязные, причем бросается в глаза развитие рядом со сверхаккуратной, сверхупорядоченной и сверхприличной сознательной личностью такое же развитие и тени, и такое положение создает проблему, с которой оказывается очень трудно справиться. Именно так обстояло дело с моим пациентом, в котором все окружающие видели чрезвычайно благовоспитанного, любезного и порядочного молодого человека. Конечно, он подозревал, — и сам мне об этом сообщил — что несет в себе очень сильную темную сторону, и что его внутренний мир совсем не соответствует тому светлому образу, который видят окружающие. Наиболее выразительно эта ситуация представлена в сновидении, которое он мне описал во время семьдесят пятого сеанса.

> В этом сновидении он со своей семьей в белых одеждах летит по небу в огромной толпе ангелов. Вокруг пролетают люди, одетые в белое и в серое, от которых он узнает, что в белое одеты добрые люди, которые достойно прожили жизнь, те же, кто одет в серое, дурные люди. Когда он повстречал там одну темноволосую женщину, его платье потемнело, став серым, и главный ангел сказал ему, что эта женщина станет позднее его возлюбленной, которая будет им убита. Все люди стали смотреть на него, превратившегося в злодея, и хотели его линчевать. Когда он попытался спуститься на лифте, его настигли два черта, впившиеся зубами в его пальцы, и он, несмотря на все свои усилия, не мог от них вырваться.

Касаясь этого сновидения, я хотел бы выделить ярко выраженную в нем проблему противоположностей: ангел —

**106**

черт, белое — серое, достойный человек — убийца, которая отягощает душу этого пациента. Несмотря на все попытки защититься, ему долго угрожала опасность быть побежденным своими чертями. Мотив полета, который, наряду с другими, часто всплывал в его снах, в сказке вновь оказывается на первом плане. При толковании сказки с субъективной стороны можно сказать, что положительное Я пациента находится в постоянной опасности быть побежденным комплексом тени, т. е. волшебником и его сыном сказки. Тогда его позитивная сторона сможет существовать только в мире идей и фантазий, который символизируется образом птицы.

В третьем примере речь идет о тридцатидевятилетней женщине. Она прибегла к анализу не столько в связи с невротическим заболеванием, сколько из желания получить новые знания для совершенствования своей личности. Правда, нам известно, что за подобным желанием, как правило, скрываются реальные жизненные проблемы. Ее любимой сказкой была сказка братьев Гримм «Рапунцель». Однако, прежде чем обратиться непосредственно к сказке, мне хотелось бы привести здесь несколько общих рассуждении. Формирование личности и ее развитие зависит от двух больших групп факторов: во-первых, от той среды, в которой ребенок родился и растет, и, во-вторых, от присущих конкретно ему унаследованных субстанциональных качеств. Что касается второй группы, то следует признать, что встречаются люди у которых резко выраженная активность архетипов бессознательного обусловлена конституционно. Проще говоря, у этих людей очень сильное бессознательное, и в процессе их душевного развития эта особенность может стать условием возникновения болезни. В этом случае сознательное Я не в состоянии развить необходимую устойчивость и стабильность по отношению к бессознательному, что приводит к неврозу, даже если внешние обстоятельства находятся в пределах нормы. Как правило, обычно действуют обе группы факторов, и вопрос о том, какая из них влияет сильнее, решается в зависимости от того, на чем мы делаем акцент. Любимая сказка упомянутой женщины может послужить примером для представления одного из таких «лейтмотивов» личности.

**107**

В этой сказке муж и жена долго мечтают о ребенке. Наконец у жены наступает беременность, и в это время ею овладевает страстное желание отведать плодов рапунцеля, росшего за их домом в саду, принадлежавшем волшебнице. Муж сорвал для своей жены рапунцель, но был пойман хозяйкой и вынужден был пообещать в уплату за похищенные плоды своего будущего ребенка. После рождения девочки волшебница забрала ее и, когда той исполнилось двенадцать лет, заточила в башню, в которой не было дверей, а только маленькое окно на самом верху. Каждый раз, когда волшебница навещала девочку, та должна была опускать в окно свои длинные золотые волосы, и волшебница по ним забиралась наверх. Как-то королевич, заблудившийся во время охоты, оказался вблизи башни, заметил поднимающуюся ведьму и, когда она удалилась, сам взобрался к Рапунцель. Молодые люди полюбили друг друга и решили убежать, так что принц каждый раз, когда приходил к башне, приносил с собой шелковые нити, из которых Рапунцель собиралась сплести веревочную лестницу. Но девушка была так безгранично наивна и неопытна, что однажды спросила волшебницу, почему ее поднимать наверх гораздо тяжелее, чем прекрасного королевича. Так волшебница узнала об их сговоре, после чего отрезала девушке волосы и прогнала ее в пустыню. Королевича она перехитрила, заманив в башню с помощью отрезанной косы, и выколола ему глаза. Годами он блуждал слепой по миру, пока, наконец, не оказался в пустыне, где Рапунцель жила с родившимися тем временем близнецами. Когда они обнялись при встрече, две слезы упали на глаза принца, и он вновь прозрел. После этого он назвал Рапунцель своей женой и вместе с детьми отвез на свою родину.

Между биографией моей пациентки, ее внутренними обстоятельствами и проблемами, и любимой сказкой существует целый ряд поразительных совпадений. Прежде всего, она родилась у относительно пожилых родителей спустя много лет после их женитьбы. Это соответствует началу сказки. С самого начала она была ребенком, наделенным сильной и живой фантазией, что свидетельствует о сильной

**108**

активности бессознательного. При этом она принадлежала скорее к интровертному типу, то есть обнаруживала большую направленность на внутренний мир, чем на внешний. В значительной мере она жила в мире фантазий, мечтаний и историй. Как только она научилась читать, чтение стало ее главным занятием, и она почти полностью жила книгами. Развитию этой склонности способствовала тревожность матери, которая почти не разрешала ей играть с детьми, подозревая в любой игре опасность. В сказке этой жизненной ситуации соответствует передача ребенка волшебнице, символизирующей негативную, удерживающую сторону фантазии, и пациентка действительно много лет своей жизни провела в «волшебном саду», не принимая участия в событиях внешнего мира.

В точном соответствии со сказкой, в двенадцать лет у пациентки умер отец. Для нее это было очень тяжелой, невосполнимой утратой, так как она была тесно связана с отцом. **Он** представлял — в отличие от избегающей контактов с миром матери — некоторый противовес, связь с внешним миром. Сразу после смерти отца пациентка надолго заболела, она страдала агорафобией [Platzangst, (боязнь открытого пространства)] и поэтому продолжала оставаться в тесной связи с матерью, вместе с которой жила до самой ее смерти. В сказке этой ситуации соответствует заточение в башне, в которой единственная связь с внешним миром происходит при помощи «длинных волос». В сказках, сновидениях и мифах волосы являются излюбленным символом силы мыслей, представлений и фантазий, которые, как и волосы, вырастают из головы. Выход, который она нашла из замкнутости в своем одиночестве, вновь соответствует области идей и фантазий: она перенесла все свои интересы на приобретение знаний и таким образом смогла самостоятельно получить далеко превосходящее ее социальное положение общее образование во многих областях.

Нашлось несколько мужчин, попытавшихся забраться в ее башню, но ни одному не удалось ее завоевать. Они терпели неудачу из-за ее привязанности к матери. Чаще всего мать, обнаруживавшая по отношению к дочери тенденцию

**109**

захватить и удержать ее при себе, активно способствовала этим неудачам, отравляя дочери радость при встрече с очередным претендентом. Однако принца здесь следует понимать не только как существо из внешнего мира, но также как активную и связанную с внешним миром часть ее собственной души. Девушка становилась все больше отрезанной от этого мира и превратилась в молчаливого, всегда пассивно воспринимающего людей человека, и на начальной стадии отношений это выглядело так, словно она едва в состоянии говорить о себе, способна лишь надолго застывать в молчании

Дальнейшее обострение ее проблем наступило в связи со смертью матери, примерно за десять лет до обращения к анализу. Теперь у нее не было никого, о ком она могла заботиться и для кого существовать, и, кроме того, совершенно иррациональным образом она страдала от тяжелого чувства вины, которое было связано с бессознательным желанием освобождения от матери. Она все более впадала в депрессивное состояние, когда жизнь кажется печальной, бессмысленной и пустой. С другой стороны, временами она проявляла слепую бесцельную активность и в этом состоянии ощущала потребность бежать прочь, блуждать по улицам или заходить на случайный киносеанс, совсем ее не интересовавший. Сказка персонифицирует

эти состояния в двух своих главных персонажах: состоянию депрессии соответствует девушка, сосланная волшебницей в пустыню, где она влачит свое жалкое существование, в то время как в ослепленном, лишенном власти принце представлены порывы ее бесцельной активности. В жизни это состояние у нее наступило в тот период, когда не стало матери, в сказке также после того, как Рапунцель попала в пустыню, о волшебнице больше нет и речи. Параллели можно дополнить, вспомнив сновидение, первое после обращения к анализу, которое показывает, что пациентка находится одна в своей великой пустыне

Собственно, именно до этого момента (Рапунцель в пустыне) она воплощала в жизнь свою детскую сказку, и ей предстоит осуществить дальнейший ее путь, то есть решить стоящую перед ней задачу объединения слепой активной

**110**

части души с депрессивным **Я,** чтобы она стала зрячей, то есть сознательной.

Я хотел бы здесь добавить, что переработка в процессе анализа проблематики любимой сказки может иметь большое терапевтическое значение. При этом осознание мифологической составляющей собственной жизни, переживаемое в мифе, и отделение сознательного Я от персонифицируемого героя или героини сказки важно не менее, чем понимание всех персонажей и мотивов, особенно рассматриваемых субъективно в качестве партнера или противника, в качестве персонификаций собственного бессознательного комплекса. Согласно моему опыту, именно переживание такой осмысленной взаимосвязи между собственной проблематикой и происходящими в сказке событиями обладает более убедительной силой, чем большинство других толкований, которые можно получить в ходе анализа.

Любимую сказку, точно так же, как архетипические сновидения, можно использовать в качестве терапевтического средства и обогащать отдельные ее мотивы и персонажи с помощью амплификации (прояснения). Для отделения идентификаций пациенту необходимо не только осознать тот факт, что он идентифицирует себя со сказочным персонажем, но также научиться понимать, в необходимых для этого границах, смысл этого персонажа и различные формы его проявления. При этом любимая сказка, по сравнению с архетипическими сновидениями, имеет преимущество более сильной связи с личностью и близости к сознанию, благодаря чему избегается опасность перейти, посредством амплификации, из области личных и реальных переживаний к голому схематизму. В процессе проработки такой сказки ни разу не случалось так, чтобы на протяжении целого ряда занятий переработка становилась все интенсивней, а затем прекратилась. Скорее наоборот, сохранялось постоянное ощущение, что в определенный момент терапии пациент и аналитик всегда могут к ней вернуться. Эта постоянная активизация и обработка материала сказки[12] ведет к постепенному пониманию пациентом архетипического характера этих персонажей в качестве Non-Ego (не относящихся к Я-комплексу) и к

**111**

распознаванию и отделению идентификаций Я-комплекса от него самого. Большую помощь здесь оказывал метод «активной имагинации» (активного воображения). Многие пациенты спонтанно начинали наглядно выражать свои проблемы, они рисовали или лепили, а одна пациентка даже послала мне оперетту.

Однако, с точки зрения терапии, важно не только отделение от Я-комплекса персонажа, с которым он себя идентифицирует (обычно главного героя или героини сказки), но и — в достаточно высокой степени — понимание всех остальных персонажей и мотивов, особенно субъективно воспринимаемых как противник или партнер, в качестве персонификаций собственного бессознательного комплекса

В качестве примера я хотел бы привести здесь двадцатичетырехлетнюю пациентку, любимой сказкой которой была сказка братьев Гримм «Йоринда и Йорингель». Центральный образ этой сказки—ведьма, живущая в своем замке посреди дремучего леса рядом с молодой любящей парой. Она обладает способностью заманивать к себе дичь, птиц и людей, и тот, кто оказывается ближе ста шагов от замка, не может больше пошевелиться, пока ведьма своим заклятьем не превратит его в птицу Долгое время, пока эта сказка не была нам известна как любимая сказка пациентки, во время аналитических сеансов она рассказывала неоднократно повторявшийся и сильно пугавший ее в детстве, в возрасте между 5 и 10 годами, сон. Ей снилось следующее: «Я прихожу в большой лес. Вдруг деревья схватывают меня своими ветвями и больше не отпускают. В этом лесу ведьма, которая заманивает меня все дальше в глубь леса и приказывает деревьям не выпускать меня...»

Параллель между персонажами сновидения и сказки не может быть более очевидной. Пациентка страдала от сильной депрессии. Она была единственным ребенком и в раннем возрасте во время войны потеряла отца. Мать перенесла все свои чувства на ребенка и окружила его чрезмерной заботой, ожидая отовсюду опасности. Кроме того, в возрасте между шестью и восемью годами пациентка заболела туберкулезом, из-за чего была помещена в клинику.

**112**

Сон и сказка отчетливо описывают ее безнадежную ситуацию. В ведьме выступает негативная сторона схватившей и не отпускающей от себя матери, властолюбие этой особы, на архетипической плоскости как бы преобладающей над реальной матерью. У пациентки наблюдался еще один сдерживающий фактор, а

именно, органическое заболевание В этом случае ребенок должен овладеть опытом того, что собственное тело — ненадежный инструмент и может стать причиной жизненных затруднений. Позже, в процессе анализа ей пришлось еще раз определиться в связи с этой проблемой, архетипическим образом великой матери природы в ее устрашающем аспекте, которая, подобно сказочной ведьме, может превратить в пеструю птицу, то есть взять в плен регрессивного мира фантазии. В процессе лечения происходит интеграция архетипа Великой Матери, обитающего в ее собственном бессознательном в качестве удерживающего и регрессивного аспекта, а также его проекции в окружающий мир. В ходе анализа перед пациенткой неоднократно всплывал символический образ пестрой птицы из сказки и плен у ведьмы, пока ей не удалось, наконец, развить на этой основе творческую деятельность своей фантазии. Именно при терапевтической работе с этой сказкой удалось наиболее убедительно осуществить возвращение проекции этого персонажа в окружающий мир и прийти к опыту восприятия ее как части собственной личности в Не-Эго (Non-Ego). При этом отделение Я-идентификации от сказочного персонажа отнюдь не означает только ликвидацию или полную сознательную переработку общего комплекса. Скорее, речь идет о том, чтобы лишить этот комплекс его либидозной доминанты, посредством которой он оказывает влияние на Я. Вместо этого контроль переходит к Я-комплексу, с тем, чтобы он мог самостоятельно устанавливать отношения с душевным комплексом, на основе ли здоровых инстинктивных реакций, или в результате сознательного решения.

Есть два препятствия, на которые следует обратить внимание, обращаясь в процессе терапии к любимой сказке. Во-первых, это фрагментарность и искажения, к которым пациент невольно прибегает в своих воспоминаниях. Пре-

113

восходный пример такой фальсификации приводит Бет-тельгейм в своем предисловии, когда пациентка меняет ролями Гензеля и Гретель. У меня самого был подобный случай, относящийся к сказке о Русалочке. Пациентка помнила только о том, что после кораблекрушения принц, бессильный и беспомощный, лежал на берегу моря и был спасен женщиной. Эта пациентка была единственным ребенком в семье, в то время как ее родители мечтали иметь сына. Когда она пришла ко мне, то была столь же беспомощной и бессильной, как тот принц на побережье, и полностью зависела от женщины, своей матери. Только проработав подоплеку этой ситуации в анализе, мы смогли выйти на подлинный сюжет сказки и выяснить основания ее невроза.

Вторая, столь же важная, проблема состоит в том, что имеется ряд случаев, когда бывает недостаточно проработать любимую сказку в личной плоскости, но требуется вступить в область архетипов. Я подробно освещаю эту проблему в своей работе о «Структуре комплекса»[14]. В описанном там случае пациент страдал от тяжелого негативного материнского комплекса. Воспоминания о его матери, которую он потерял в 12 лет, были полностью вытеснены и смогли постепенно проявиться только в процессе анализа. Его любимой сказкой было «Каменное сердце» В. Гауфа[15]. Хотя симптоматика пациента после проработки воспоминаний о своей матери заметно улучшилась, она исчезла еще не полностью. Полностью ему удалось справиться с проблемой только после осознания смысла архетипических образов этой сказки.

Важному значению отделения идентификации и инфляции Я-комплекса от героя или героини сказки и освобождения пациента от желания жить их жизнью соответствует, с другой стороны, важность восприятия этих персонажей как принадлежащих его собственному внутреннему миру, как чего-то такого, что не только жестко задано ему судьбой, но может, будучи правильно понято, постоянно встраиваться в его собственный способ переживаний и отношений. И тогда можно, как это случилось с описанной мною в первой части пациенткой, вообще отказаться от

**114**

стремления к замужеству и направить энергию по другому руслу, как бы болезненна и трудна ни была жертва, принесенная подобным отказом. В данном случае это помогло ей прийти к выздоровлению и совершить важный шаг к зрелости.

Прежде чем в следующей части я перейду к идентификации со сказочным персонажем, следует еще немного сказать о распространенности феномена любимой детской сказки и о ее выборе. Обратившись в этой связи к 85 длительным курсам терапии, проводившимся в 1974, я установил, что 70 пациентов (т. е. около 85%) были способны сообщить свою любимую сказку[16]. Это число оказалось неожиданно велико, а на большое значение скрывающихся за сказками комплексов я уже указывал. С точки зрения типологии было обнаружено, что процент экстравертных пациентов, которые не вспоминали любимую сказку, был выше, чем интровертных. У ярко выраженной эстравертной личности большую роль играют реальные объекты. **Она** не в такой степени обращена к внутренним переживаниям. Поэтому относительное увеличение числа пациентов, вообще не помнящих любимой сказки, может быть связано с экстравертностью. В той или иной степени ин-тровертные люди, напротив, уже в раннем возрасте предпринимают попытки проникновения в свой внутренний мир, чтобы войти с ним в контакт, так как реальные объекты связаны для них с сильным страхом. Такое же значение имеет и фактор иррациональности. Поразительно, сколько пациентов с любимой сказкой имеют в качестве ведущей иррациональные функции чувства и интуиции, и как часто основными функциями людей, не имеющих любимой сказки, являются рациональные функции мысли и ощущения.

Кажется, что определенная открытость по отношению к иррациональной части мира и собственной души благоприятствует обретению любимой сказки.

Удивительно большим было также разнообразие сказок. 70 пациентов представили 49 различных сказок, что говорит о наличии сильного индивидуального фактора. В начале моего исследования я ожидал, что столкнусь с обычными народными сказками, вроде «Гензель и Гретель» или «Крас-

**115**

ной шапочки» и т. п. Но, как показывает исследование Виттгенштейна[17], так происходит только в том случае, если спрашивать о такой сказке при выяснении анамнеза или в первые часы анализа. Тогда от пациента можно услышать первую попавшуюся обычную стандартную сказку, в то время как собственная любимая сказка может достичь сознания только в ходе дальнейшего терапевтического процесса извлечения вытесненных содержаний. Таким образом, в большой вариабельности сказок также проявляется присущий людям принцип индивидуализации.

Как уже упоминалось, народные сказки, как правило, нейтральны относительно функциональных типов. Как правило, человек идентифицирует себя с героем или героиней сказки в соответствии со своей ведущей функцией, будь то мысли, чувства, интуиция или ощущение. Правда, иногда встречаются идентификации через подчиненные функции. По-другому обстоит дело с авторскими, искусственно созданными сказками известных сказочников, такими, как приводимые здесь сказки Андерсена и Гауфа. Здесь предпочтение зависит от определенной типологии, а именно той, которая находит свое выражение в произведении поэта. Так, например, обращаясь к Андерсену едва ли можно не заметить, что в его сказках всегда преобладают интроверсия, чувство и интуиция. Соответственно этому, его сказки предпочитаются людьми, у которых эти функции являются ведущими. Примерами того, что Андерсен невысоко ценит функции мышления и ощущения, могут служить сказки «Снежная королева» и «Дюймовочка», так что едва ли эти сказки выберут те, у кого эти функции ведущие.

116

**ИДЕНТИФИКАЦИЯ С ГЕРОЕМ ИЛИ ГЕРОИНЕЙ СКАЗКИ**

Обычно пациент идентифицирует себя с главным героем или героиней сказки. В структуре комплекса его Я (Ichkomplex) также воспроизводятся соответствующие этому герою формы переживаний и отношений. Однако в отдельных случаях этого не происходит, а оказывается возможной идентификация с каким-нибудь другим персонажем сказки или даже с ее символом.

Например, у одного моего пациента любимой сказкой был «Железный Ганс», в которой заколдованный король вел в лесу жизнь дикаря, дожидаясь своего освобождения от заклятья. И это освобождение, наконец, пришло, благодаря подвигам юного королевича, попавшего в его руки и с помощью Железного Ганса одолевшего всех врагов. Собственно, королевич и является подлинным активно действующим главным героем этой сказки. Для моего же пациента было характерно то, что он сравнительно пассивно ожидал своего освобождения от другого человека и только время от времени — как Железный Ганс — позволял ярости вылиться наружу. Другая пациентка, любимой сказкой которой была сказка Сент-Экзюпери «Маленький принц», идентифицировала себя с Розой, которая росла у Маленького Принца на его крошечной планете, и не поддерживала никакой связи с внешним миром. Ее характеризовало предпочтение, которое она отдавала своим прекрасным красочным фантазиям по сравнению с суровой реальностью нашей земли. Но эти два примера я упоминаю здесь лишь вскользь и останавливаться на них не буду. В этой главе мне больше хочется показать, каким образом одна и та же сказка может функционировать в качестве предпочитаемой и у мужчины, и у женщины. Он идентифицирует себя с главным героем, а она с главной героиней. Конечно, они

**117**

приходят к очень разным фантазиям, различаются и их истории болезни. В дальнейшем я собираюсь их сопоставить.

Речь здесь пойдет о сказке братьев Гримм «Король Дроз-добород». Урсула Баумгардт недавно опубликовала превосходное психологическое толкование этой сказки, к которому я написал предисловие'. Правда, она коснулась в нем только женской психики и сегодняшней эмансипации женщины, следуя при этом развитым Бломейер (Blomeyer)[2], Джеймсом Хиллманом[3] и Вереной Каст[4] концепциям, согласно которым психическое как мужчины, так и женщины содержит и анимус, и аниму. Эти архетипы соответствуют бессознательным мужскому и женскому образам, обладающими сильной притягательностью, как это особенно подчеркнуто у Каст. Прочие персонажи того же пола, согласно установившемуся мнению, олицетворяют теневые аспекты. У меня, однако, есть некоторые сомнения для того, чтобы присоединиться к этому мнению[5]. С одной стороны, я опасаюсь, что таким образом могли бы быть нивелированы, именно в смысле модного сегодня гермафродитизма, кое-какие известные различия между полами, а с другой стороны, до сих пор моя практическая работа вполне согласовывалась с классической концепцией. Поэтому я определяю позитивно переживаемых персонажей одного пола скорее как «альтер эго», которое также

является частью области тени. Таким образом, в представленных далее случаях вновь находит подтверждение классическая концепция анимы и анимуса: для моих пациентов принцесса из сказки является анимой, а для пациенток, соответственно. Король Дроздобород — анимусом.

Как и в большинстве сказок, в «Короле Дроздобороде» имеется два главных персонажа, мужской и женский, то есть Король Дроздобород и строптивая принцесса, так что мужское и женское Я может без труда идентифицироваться с тем или иным главным действующим лицом. Конечно, существуют сказки, например, «госпожа Метелица», где единственный персонаж мужского рода это петух, или «Красная шапочка», где на первом плане персонажи женского рода, девочка, ее мать и бабушка. Насколько я мог наблюдать в своей практике, пациенты мужчины очень

**118**

редко выбирали такую сказку в качестве любимой, и речь в обоих случаях шла об очень тяжелых расстройствах. Хотя количество моих пациентов недостаточно велико для далеко идущих заключений, однако М.-Л. фон Франц также указывает на то, что эмпирическое правило, согласно которому рассказы, где главный герой мужчина, связаны с мужской психологией, а те, где главная героиня женщина—с женской психологией, имеет немного исключений[6]. Кроме того, оба главных персонажа сказки могут представлять как аниму, так и анимус и не относиться ни к Я пациента, ни к Я пациентки, но к их бессознательной области. Наконец, в некоторых сказках носителями судьбы является пара, состоящая из брата и сестры, как в сказках «Гензель и Гретель» или «Братец и сестрица». Это особый случай, который я здесь выношу за скобки. Для моего сопоставления я выбрал сказку, которая может быть легко понята как с точки зрения мужской, так и с точки зрения женской психики. Для того, чтобы передать содержание сказки, я воспользуюсь пересказом Х. фон Байт:

Королевская дочь прославилась на весь свет своей красотой, но была высокомерна сверх всякой меры. Никого из женихов не считала она достойным своей руки. Кто ни сватался к ней, все получали отказ, да еще насмешливое прозвище в придачу. Хуже всех пришлось молодому королю, у которого, по ее мнению, подбородок был крив и слишком выдавался вперед: «Смотрите! У него подбородок, словно клюв у дрозда! Король Дроздобород! Король Дроздобород!».

Видя, что дочка вовсе и не думает выбирать себе жениха, а только зря потешается над людьми, старый король разгневался и поклялся, что выдаст ее замуж за первого попавшегося нищего, который постучит у ворот. Пару дней спустя под окнами дворца затянул свою песенку бродячий музыкант По приказу короля грязный оборванный нищий пропел перед ним все, что знал и помнил, и в награду получил в жены принцессу. После венчания молодые супруги должны были покинуть дворец. Впервые королевская дочь пешком вышла из отцовского дворца.

119

Долго брели они по равнинам и холмам и наконец пришли в большой густой лес. Принцесса залюбовалась тенистыми деревьями и спросила:

— Чей это лес закрыл небесный свод?
— Владеет им король Дроздобород. А если б ты была его женой — То был бы твой.
— Ах, кабы мне дана была свобода, Я стала бы женой Дроздоборода!

Потом они вышли к лугу:

— Чей это луг над гладью синих вод?
— Владеет им король Дроздобород А если б ты была его женой, То был бы твой.
—Ах, будь мне возвращена моя свобода, Я стала бы женой Дроздоборода!

К вечеру они подошли к стенам большого города, над золотыми воротами которого возвышалась круглая башня.

— Чей это город с башней у ворот?
— Владеет им король Дроздобород. А если б ты была его женой — То был бы твой!

Тут королевна заплакала:

— Вернись ко мне опять моя свобода — Я стала бы женой Дроздоборода!

Наконец, пройдя через весь город, они остановились на окраине у маленького, вросшего в землю домика.
— Чей это домик, старый и кривой?
— Он мой и твой! — ответил музыкант и отворил дверь. — Здесь мы с тобою будем жить. Входи.
— А где же слуги? — спросила она.
— Какие слуги! Что понадобится, сделаешь сама. Разведи огонь, поставь воду да приготовь мне что-нибудь поесть. Я изрядно устал.

Но королевна ничего не умела делать и музыканту самому пришлось приложить ко всему руки, чтобы дело пошло на лад.

На другой день музыкант ни свет ни заря поднимает королевну и велит заниматься хозяйством. Так

120

проходит два дня, мало-помалу все припасы подходят к концу, и муж предлагает ей сплести корзины для продажи. У нее ничего не получается, только исколоты руки, и муж полагает, что она сможет хотя бы прясть. Но нитки так врезаются ей в пальцы, что кровь капает из них, как и слезы из глаз. Тогда он решил отправить жену на рынок торговать глиняными горшками Она боится, что ее узнают подданные ее отца, но должна подчиниться. Сначала ее красота привлекает покупателей, и торговля идет бойко. Но через несколько дней на рынке появляется пьяный гусар на коне и опрокидывает все горшки. Она плачет в страхе перед мужем, и тот говорит, что раз она не способна ни к какой работе, то он отправит ее в королевский дворец судомойкой. И вот, в то время как королевна-судомойка чистит горшки и выгребает из очага золу, во дворце готовятся к свадьбе молодого короля. Королевна, закончив работу, прячется за дверью, чтобы украдкой посмотреть на торжество. *«Я* считала когда-то, что я лучше всех на свете, что я первая из первых, — думает она. — И вот теперь я — последняя из последних». В это время из залы вышел сам король — весь в шелку и бархате, с золотой цепью на шее.

Увидев молодую красивую девушку, он схватил ее за руку и потащил танцевать. Но она отбивалась от него, отворачивая голову и пряча глаза. Она так боялась, что он узнает ее! Ведь это был король Дроздобород — тот самый король Дроздобород, которого еще совсем недавно она высмеяла неизвестно за что и прогнала с позором.

Но король Дроздобород вывел королевну-судомойку на самую середину зала и пустился с ней в пляс. А потом он сказал ей:

— Не бойся! Разве ты не узнаешь меня? Ведь я тот самый бедный музыкант, который был с тобой в домике на окраине города. И я тот самый гусар, который растоптал твои горшки на базаре. И тот осмеянный жених, которого ты обидела ни за что ни про что. Из любви к тебе я сменил мантию на нищенские лохмотья и провел тебя дорогой унижений, чтобы ты поняла, как горько человеку быть обиженным и осмеян-

121

ным, чтобы сердце твое смягчилось и стало так же прекрасно, как и лицо.

> Королевна горько заплакала:
>
> — Ах, я так виновата, что недостойна быть твоей женой, — прошептала она.
>
> Но король не дал ей долго печалиться и велел придворным дамам нарядить молодую королевну в платье, расшитое алмазами и жемчугами, и они отпраздновали свадьбу, а среди гостей был и старый король — ее отец. Все поздравляли молодых и желали им счастья и согласия[7].

Если мы подойдем к сказке прежде всего с точки зрения женской психологии, то, как на это указывает и X. фон Байт, основным ее мотивом является освобождение дочери от сильной и интенсивной связи с отцом. Анимус женщины в детстве выступает против нее сначала в образе отца или занимающего его место мужчины, позже замещается братом, супругом, другом и, наконец, его можно отыскать в «объективных свидетельствах духа, в церкви, государстве и обществе и их учреждениях, а также в научном и художественном творчестве»[8]. Доминирование и устойчивость патриархального отцовского анимуса, чья могущественная фигура господстьует в психике женщины, вызывает в ее Я сверхкритичное отношение к любому другому мужчине и ничем не оправданное отклонение его в качестве жениха. Бессознательно принцесса из нашей сказки так сильно привязана к отцу, что любой другой мужчина кажется ей неподходящим и вообще не имеет шанса. С другой стороны, именно он, этот отцовский анимус, внезапно приказывает девушке выйти замуж за первого встречного, то есть признать и почтить самое ничтожное. Вариации этого мотива обнаруживаются в датской сказке «Петер Ротхут»[9] (Петер Красная Шапка) или в шведской «Цоттельпельц»[10] (Клок шерсти). В отличие от других сказок, например, «Безрукая девушка», в «Короле Дроздобороде» образ отца не является однозначно злым или корыстным. Дочь не приносится им в жертву удовлетворению собственных влечений, но встречает подлинное добросердечие и терпение. То есть, если мы исходим из женской психологии, то обнаруживаем

122

у девушки возможность свободно выбирать среди целого ряда женихов. Только неспособность ее Я совершить этот выбор, то есть сделать очередной шаг в своем развитии, дает отцовскому гневу вырваться наружу, принуждая высокомерную нарциссическую надменность Я вступить в союз со своей противоположностью, то есть приказывает гордой принцессе сочетаться браком с нищим.

Прежде, чем перейти к дальнейшей интерпретации сказки, я хотел бы сравнить положение дел в начале сказки с ситуацией двух моих пациентов. Что касается пациентки, то речь идет об экстравертном сенсорном и чувственном типе, а у пациента — об интровертном, с преобладанием сознательных функций мышления и интуиции".

Тридцатипятилетняя пациентка страдала фобией, начавшейся со страха перед болезнью ее попугая (Papageien-krankheit), а также с навязчивых представлений и навязчивых страхов, связанных с мужем и ребенком. Кроме того, ее периодически мучило депрессивное состояние, за которым нетрудно было различить подавленные ярость и упрямство. Эти состояния заставляли тяжело страдать всю семью, что,

соответственно, вызывало чувство вины у нее самой. Кроме того, в это периоды она прибегала к алкоголю. В остальное время она была превосходной женой, которая подчиняла патриархальному принципу свои личные и профессиональные интересы, с другой же стороны, она полностью доминировала в супружестве и относилась к типу людей, о которых говорят, что с ними не захочешь и вишни есть. Однако за этим внешне агрессивным поведением чувствовалась глубокая сердечность и теплота.

Ее отец был фабричным рабочим и воспринимался ею как человек добрый, спокойный и любящий. Он никогда не мог, как впоследствии и муж, ни в чем ей отказать. Он явно принадлежал к интровертному типу и, когда бывал дома, обычно уединялся в своей комнате. Кроме того, во время войны он много лет жил вне семьи. Несмотря на это, между ним и дочерью существовала сильная эмоциональная связь, так как он, в отличие от матери, был сердечным и добродушным человеком. Свою мать пациентка воспринимала как бесчувственную и даже бессердечную. У нее слу-

123

чались припадки буйного помешательства, во время которых она совершала суицидные попытки и внушала детям страх перед опасным внешним миром, в котором могло произойти только худшее. Она также доминировала в семье и задавала тон отношениям, в то время как отец представлял скорее фактор стабилизации.

Супруг пациентки, происходивший из академической среды, был так же добродушен, как ее отец, но существенно активнее и успешнее в своей профессиональной деятельности. Так как моя пациентка была очень привлекательной девушкой и, кроме того, ее специальность предоставляла ей много возможностей для знакомства с мужчинами, у нее не было недостатка в женихах. Со своим будущим супругом она была знакома задолго до замужества, но никогда не принимала его в расчет. Только после сильных разочарований в отношениях с другими мужчинами она, сочтя, что с ним легко будет поладить, вышла за него замуж.

Обратившись к этой ситуации, мы видим здесь интровертного, добросердечного и чувствительного, но уклоняющегося отца и жесткую холодную мать, отношения и идентификация с которой были для пациентки невозможны. Исходя из этого, она попадает в зависимость от инцестуозной связи с образом отца и одновременно отвергает свою женскую сущность. В этой ситуации мы обнаруживаем отчетливые параллели со сказкой:

— Существует тесная связь между отцом и дочерью.

— Взаимосвязь добросердечности и внезапной агрессивности.

— Отказ от свободного выбора подходящего партнера и, вместо этого, брак, грубо говоря, с первым встречным, оказавшимся под рукой.

— Беспрекословно и не думая о том, что может быть иначе, женщина подчиняется патриархальному принципу, отказываясь от своей профессии и своих интересов, чтобы в качестве «всего лишь домашней хозяйки» быть служанкой своего мужа.

— Вместо того, чтобы установить подлинные взаимоотношения с партнером, она оказывается под властью стра-

**124**

хов и дурного настроения, терроризируя всю семью. Как ясно говорится в сказке, капризами ничего не добиться.

Согласно Эриху Нойманну[12], обычно наблюдают пять ступеней развития женского начала: от матриархальной фазы через патриархальную к фазе созревания. Я излагаю здесь описание этих фаз Вильямом Алексом[13].

1. Фаза матриархального самоутверждения и идентификации. Здесь начинает формироваться женское Я. Мужское рассматривается как необходимое и полезное, но подчиненное.

2. Вторжение патриархального первоначала: мужчина врывается как насильник в материнско-дочернее единство, подобно мифическому Гадесу, который похищает Кору у ее матери Деметры. Женское **Я,** хотя продолжает свой рост, но попадает под власть превосходящей автономной власти нуминозного мужского начала

3. Спасение женского Я мужским героем, который преодолевает патриархальное первоначало. Герой переживается как превосходящий, появляясь снаружи или внутри, или в обеих областях одновременно

4. Ступень встречи и/или конфронтации с мужским, на которой возможен союз.

5. Фаза индивидуации в женской психологии, на которой патриархальное доминирование преодолено.

Я полагаю, что сказка и внутренняя ситуация пациентки соответствуют переходу из второй фазы в третью. В пользу этого вывода говорит и сновидение в начале анализа:
пациентка находится вместе с другой женщиной, которая несет в руках отрезанную косу. Эту косу, по ее словам, молодой коллега бросил у дороги и из-за этого произошло несчастье. «Это была моя коса, — сказала пациентка, — и я спрятала ее». Затем выступает судья, который, несмотря на протесты обеих женщин, сначала приговаривает молодого человека к смерти, потом к пожизненному заключению. Смягчение участи,

однако, наступило лишь тогда, когда женщины крикнули: «Подумай о своей матери!».

В этом сновидении мы прежде всего находим слабое удвоенное Я обеих женщин, которые, впрочем, располагают косой, безусловно носящей фаллический характер. Столь

**125**

же слабый, явно зависимый анимус юноши причиняет этой косой несчастье, то есть приводит к выносимому строгим патриархальным судьей, обладающим чертами великого инквизитора[14], суровому приговору, которому обе женщины и юноша должны подчиниться. Они могут смягчить приговор только обращением к матери. Таким образом, при взгляде на это сновидение ясно, что пациентка находится во власти патриархального Великого Отца, по сравнению с которым герой не имеет ни одного шанса.

Теперь мне хотелось бы провести сравнение с исходной ситуацией моего пациента. Ему было около тридцати пяти лет, по профессии он был средним служащим и обратился к анализу в связи с синдромом навязчивых состояний, вследствие которого возникали трудности в работе, в контактах с людьми и конфликты в супружеских отношениях. Он происходил из семьи ремесленника, и его детство было подобно детству рассматриваемой выше пациентки. Доминирующая мать, которая в значительной степени контролировала маленькую мастерскую, противопоставлялась слабому отцу, уступавшему во всех конфликтах. Однако, атмосфера родительского дома была несколько иной, чем в предыдущем случае. В то время как пациентка воспринимала мать как холодную, властную и бессердечную, а отца как чувствительного, теплого и ласкового, в переживаниях пациента не было связи ни с одним из родителей, что усугублялось тем, что часть своего детства он провел в интернате. Он ощущал себя сиротой, растущим в изоляции от семьи.

Интересно, однако, что выбор партнера происходил в точном соответствии с предыдущим случаем. Пациент также был знаком со своей будущей супругой со времени обучения профессии, сначала ухаживал и добивался ее, но безуспешно. Напротив, она влюбилась в другого человека, намного старше себя, и несколько лет поддерживала с ним связь, закончившуюся тяжелым разочарованием. Мой пациент все время терпеливо ожидал ее и, оказавшись в ситуации разочарования, она, если можно так выразиться, приняла его как первого встречного, как бедного уличного музыканта, стоящего у ее дверей. Его первое сновиде-

**126**

ние в процессе анализа содержало два основных мотива, которые очень напоминали сказку «Король Дроздобород», один из них состоял в том, что он, подобно музыканту, блуждал по лесу. К другому мотиву я еще вернусь. Ситуация его супружества выглядела иначе, нежели у описанной перед этим пациентки. Хотя супруга моего пациента также страдала синдромом навязчивых состояний, сопровождавшимся симптомами истерии и фобий, однако помимо этого у нее имел место обычный в последнее десятилетие агрессивный комплекс эмансипации. Она пыталась строить супружеские отношения по принципу: «Ты делаешь для меня все, а я не делаю ничего, кроме разговоров о своей эмансипации», а также навязывая описанную Э. Берном[15] садомазохистскую игру «Ты и дети мешаете мне во всем, что я могла бы делать». Как известно, за этим стоит недостаточное или вовсе отсутствующее развитие собственного анимуса, что выражается в деструктивной критике, нытье и механическом усвоении законных коллективных клише при одновременной неспособности к конструктивному созиданию собственной жизни и к осмысленной активности.

Мой пациент сначала реагировал на эту ситуацию полным подчинением, но в конце концов впал в полное отчаяние, потому что в подобных случаях терпение никогда не приводит к сколько-нибудь сносной гармонии. Наконец он восстал. Дело кончилось драматическим конфликтом, так как его супружество действительно было подобно неудачному варианту «Укрощения строптивой». Эта комедия Шекспира в драматической форме представляет тот же сказочный мотив. В конце концов мой пациент вырвался из ставшей невыносимой ситуации и надолго расстался со своей женой.

Я хотел бы здесь еще раз повторить, что переработка проблематики такого рода любимой сказки может представлять большую терапевтическую ценность. При этом осознание факта мифологической подоплеки пережитых перипетий и отделение Я-комплекса от персонажа идентификации важны не менее, чем понимание всех персонажей, особенно противника или партнера, в качестве пер-

127

сонификаций собственного бессознательного комплекса. Согласно моему опыту, такое осмысление взаимосвязи между собственной проблематикой и событиями сказки обладает большей убедительностью, чем все прочие толкования, которые можно получить при анализе[16].

Учитывая эти два случая, обратимся вновь к сказке, чтобы понять находящуюся в ней проблематику развития и созревания. Я вновь исхожу в первую очередь из женского Я (принцесса) и рассматриваю все остальные персонажи сказки как внутренние инстанции женской психики. Я уже указывал, что привязанность к имаго-образу (Imago) отца, приводит к такому **Я,** которое должно сверхкритично и высокомерно отклонять все новое, юное и несущее перемены. Как упоминалось, авторитет родителей был для пациентки безусловным и у нее никогда не возникало даже мысли о противодействии. Эта одержимость анимусом отца вызывает у женщины подспудную тяжелую агрессивность псевдомужского характера,

которая, однако, служит цели разрушить и прекратить неизбежную в этой ситуации изоляцию Я. Так как эта энергия Я недоступна сознанию, то по большей части она возвращается в основной архетип отца и вызывает здесь образование грубой, брутальной, едва ли не садистской фигуры анимы, завладевающей Я и приводящей его в ситуацию бедности и нищеты. В сказке эта фигура выражена бродячим музыкантом. Скрытая идентификация между королем-отцом и Дроздобородом обнаруживается в том факте, что именно в тот момент, когда отцу приходит в голову мысль отдать дочь в жены первому встречному нищему, и появляется Дроздобород, словно он с помощью телепатии узнал об этом плане короля. Параллель с ситуацией бедности и нищеты Я можно видеть в депрессивном состоянии пациентки, в котором она ни на что не пригодна и не нужна. Случавшиеся проявления агрессивности носили чисто деструктивный характер: будучи направлены против **Я,** они вызывали усиление чувства вины и собственной никчемности, пока наконец жизнь не представлялась ей полностью разбитой.

Вследствие недостаточного развития Я факт увода из прежней дочерней действительности переживается паци-

**128**

енткой как проклятие и бедствие. С другой же стороны, этот факт ставит ее перед лицом жестокой реальности и принуждает, как это происходит во время анализа, проявлять свои собственные достоинства и обнаруживать свои собственные желания и потребности, начиная одновременно добиваться их реализации. На этом пути необходимо пройти трудную стадию обнищания, то есть, выйдя из состояния тотальной зависимости от хаотичной агрессивности анимуса, прийти к связи с этой, иной, частью личности. Только таким образом может быть преодолена прежняя действительность и достигнут новый уровень, который соответствует мужскому герою, преодолевающему превосходство патриархального образа отца (Vaterimago).

К сожалению, здесь невозможно описать и документировать весь ход анализа. Следует только обратить внимание на то, что путь созревания структуры Я-комплекса моей пациентки из ситуации обнищания также проходит через образ бедной судомойки, которая при богатом дворе этого мира должна прилагать все усилия, чтобы наполнить свой горшочек. Хотя это связано преимущественно с изменением внутреннего способа переживаний и отношений, так что можно сказать, что она собирает из богатых сокровищ своего бессознательного необходимые для ее Я собственные возможности, однако в то же время они находят конкретное воплощение и во внешнем мире. В процессе своего выздоровления пациентка постепенно начала с того, что наряду со своим домашними заботами стала выполнять сначала очень простую и непрестижную работу. Позднее, однако, она с помощью собственных усилий добилась того, что ей за это стали платить и наконец она смогла, благодаря творческому дарованию, создать положение, когда стала уважаемой, известной и соответственно оплачиваемой. Вид деятельности и форма, в которой она ее осуществляла, приобрел, наконец, женский характер и избавился от господствовавшей прежде псевдомужской агрессивности.

Мне хотелось бы здесь еще немного остановиться на депрессивном моменте, учитывая связь его со сказкой. В глубине, за стоящими преимущественно на первом плане син-

129

дромом навязчивых состояний и истеричностью, у пациентки расположен депрессивный комплекс с его оральной проблематикой, которая в сказке ясно выражена символами нищеты, еды, горшков и т. п. Согласно модели аналитической психологии, при депрессии имеет место перенос энергии. Депрессивный психический комплекс, который находится в бессознательном, требует высокого потенциала психической энергии, которую он заимствует у Я. При этом Я человека, страдающего депрессией, утрачивает энергетический заряд и становится пустым. Ядро этого комплекса, подобно ядрам большинства комплексов, расположено в архетипической области, причем концентрация энергии в этом месте ведет к мобилизации компенсаторного образного материала и креативному образованию символов. В нашем примере этому процессу соответствует появление анимуса Дроздоборода. Резюмируя, можно сказать, что комплекс нуждается в энергии Я, чтобы ввести в сознание содержание бессознательного.

Согласно концепции Фрейда, в основе модели депрессии лежат субъект-объектные отношения. Между нарцис-сическим влечением пациента и объектом его любви существуют отношения любви-ненависти, и часть, относящаяся к ненависти, т. е. враждебное чувство, не может переживаться в отношении к объекту. Она направляется, в основном, против собственного Я пациента, причем тот способен выражать лишь свою потребность в любви или в объекте желания. Рассматриваемый случай соответствует этой концепции только лишь относительно, так как вследствие ослабления структуры был налицо свободно плавающий потенциал агрессивной деструктивности как таковой. Депрессивная немота пациентки также имеет скорее характер драматично-истерический, нежели обычная пассивная немота при депрессии. Это также соответствовало анимусу Дроздоборода, в то время как у чисто депрессивного пациента скорее можно обнаружить сказку с немотой и молчанием, как, например, «Божье дитя» («Marienkind»). В противоположность депрессии,

синдром навязчивых состояний характеризуется очень высокой жесткостью сознательных доминант, которые в нашей культуре, как пра-

130

вило, формируются патриархатом и влечениями Великого Отца. За этим лежит соответствующая садомазохистская агрессивность. Именно эти влечения обнаруживаются и в сказке. Конечно, на основании сказки нельзя диагностировать форму невроза; я хотел указать здесь только на ту меткость, которую демонстрирует бессознательное при поиске любимой сказки, подходящей к основным структурным компонентам психического.

Мне представляется, что проблема невроза заключается в том, что человек, вследствие идентификации или инфляции с архетипом сказочного персонажа, бессознательно предпринимает обреченную на неудачу попытку проживания мифа. Таким образом описываемая пациентка остается вечной принцессой, которая вообще не способна к взаимоотношениям с мужчинами, потому что ни один из них для нее не достаточно хорош, или же она попадает во внутреннюю ситуацию обнищания с тотальным подчинением внешнему или внутреннему мужскому агрессивному элементу, и ощущение себя беспомощно зависимой от него постоянно унижает ее как женщину. При этом глубоко в сердце остается неопределенная тоска по освобождению лучшим, прекраснейшим мужчиной, тоска по великой любви, которая уже когда-то была, а теперь ее любимый утрачен, и его ценность она только теперь начинает понимать.

Ах, кабы мне была дана свобода, Я стала бы женой Дроздоборода.

Эта тоска направлена и на супруга, проявляясь в том, что он все время подвергается критике. Он никогда не воспринимается таким, как он есть, со своими ошибками и слабостями, потому что ему, в сущности, вменяется в обязанность разоблачить однажды себя в качестве короля, обладателя прекрасного замка, который спасет ее от внутренней нищеты.

Вследствие идентификации Я-комплекса с частью сказки, а именно, с ее главным действующим лицом, прочие персонификации погружаются в бессознательное и, вследствие своей бессознательности, проецируются на окружаю-

**131**

щее. Это проецирование, а также констеллированная энергия вызванного к жизни архетипа, оказывающего воздействие и на внешний мир, вели к тому, что пациенты с точностью почти смехотворной копировали судьбу соответствующего героя или героини их любимой сказки, за исключением, конечно, финального спасения. Собственно, здесь можно говорить о вступлении в брак не с живым человеком, но в какой то смысле с нищим, чей облик, как предполагается, скрывает короля, и тогда возникает невыносимая для обеих сторон ситуация невроза, представляющая супружество Дроздоборода.

Возможность решения проблемы лежит в признании действующих в динамике мифа персонажей частями своей личности и в освобождении Я-комплекса от идентификации с принцессой. Для пациентки было необходимо отказаться от ожидания найти в своем супруге короля Дроздоборода, который один поможет ей в обретении собственной женственности и подобающей роли в этом мире. Скорее она должна отыскать Дроздоборода в своей собственной душе и искать решения проблем своей связи с отцом и своего анимуса во внутреннем мире, а не во внешнем. Только развив собственное мужество и некоторую порцию жесткости по отношению к собственному бессилию **Я,** своей пассивности и своей робости, ей удалось выстоять против трудностей и сложных жизненных ситуаций, не реагируя на них невротической симптоматикой.

После продолжавшегося около года анализа, незадолго до начала первого коренного перелома в понимании своей проблематики, у пациентки был сон, который вновь заставил обратиться к одному из эпизодов сказки, а именно к эпизоду с разбитыми на рынке горшками, последнему из серии неудач принцессы. К этому моменту пациентка надеялась, наконец, научиться водить машину, преодолев препятствовавший этому прежде страх. Незадолго до принятия решения ей приснился следующий сон:

Я сижу в нашем автомобиле и держу в руке бокал. Вдруг он с силой разбивается, и я охвачена страхом порезаться. Тогда я очень громко кричу: «Папа, папа!».

**132**

Ей ясно: в том, что бокал разбился, ей некого винить, кроме себя. Она понимает, что пьяный гусар, который в сказке опрокидывает горшки, находится в ее собственной личности и не способен ни к чему, кроме разрушения, например, может помешать обучению водить автомобиль.

Возвращаясь ко второму случаю, нам остается подобным же образом взглянуть на события с точки зрения мужской психологии. Персонаж идентификации здесь Дроздобород, а не принцесса, персонифицирующая аниму мужчины. Проблема здесь заключается не в освобождении Я-комплекса от тесной связи с родителями, но в развитии здоровой функции анимы. Это соответствует отсутствующей в генезисе этого пациента эмоциональной связи с родителями и дальнейшей его изоляции от них. Дроздобо-

род также относится к тем сказочным персонажам, будь то принц или король, которые появляются неизвестно откуда. Нигде в сказке не говорится о его родителях или о его происхождении. В уже упоминавшемся первоначальном сновидении пациента вторым мотивом выступает молодая тетушка, повергающая его в ужас своей резкой критикой, выступающая в качестве работающей не покладая рук прислуги. В то время как у женщины анимус отвечает принципу логоса, в широком понимании, в мужской психологии анима воплощает эрос и тем самым тесно связана с функцией отношений (Beziehungsfunktion).

Стоит в этой связи обратить внимание на то, что фигура Дроздоборода, с мифологической точки зрения, может быть уподоблена германскому Вотану, который выступает как дочеловеческий архетипический гештальт, «странник», то есть ни с кем не связанный. Имя Дроздобород (Drosselbart) можно заменить на «Крошкобород» (Brosel-bart) (потому что в бороде остались крошки от еды), или Остро- (Spitz-), то есть Торчащеборот (Spreizbart), что отсылает к Мефистофелю, или, наконец, Конскобородый (Pferdebart). Конскобородый это прозвище Одина или Вотана, к тому же наша сказка очень напоминает сватовство Одина к Ринде. Эта благородная девица много раз отказывала ему, пока, наконец, с помощью волшебства, он не добился того, что недотрога вступила с ним в брак.

**133**

Идентификация Я-комплекса с этим лишенным корней странником означает, что эпический принцип эроса, а с ним и эмоциональная функция этого пациента остались в бессознательном и находятся под доминированием коллективного патриархального принципа: следует любить свою собственную жену; следует отвергать своих школьных учителей; следует свободно и современно чувствовать себя в супружеских отношениях и т. д. Для пациента-мужчины с доминирующей матерью типично то, что образ женщины является ему усиленным отцовским анимусом, так как в его генезисе мать практически представляла также и отцовский элемент. Соответственно, перед ним стоит задача высвободить свою аниму из этой области и встретиться лицом к лицу с нищетой своего собственного эмоционального мира, который никогда не был у него достаточно развит и не принимался им во внимание. При этом ему необходимо с определенным смирением признать соответствующие ошибки. Только на этом пути он сможет освободиться от своей изолированности и неукорененности.

Его основная проблема состоит в том, что эту аниму, которая относится к внутренней области, он проецирует во внешний мир и смотрит на свою жену так, как будто она является принцессой из сказки. А так как у каждой проекции есть свой крючок, на котором она висит, то он, естественно, выбрал себе такую жену, в характере которой обнаруживается точное сходство с характером принцессы, что хорошо видно и в выборе ею самой супруга. Но едва ли возможно, чтобы параллель заходила так далеко, то есть, что его жена осуществляет именно тот план, который предлагается в сказке о Дроздобороде; можно почти с полной уверенностью утверждать, что она предпочтет другую сказку. Конечно, мне известно относительно немного о любимых сказках партнеров моих пациентов, однако, судя по моим наблюдениям, они никогда не совпадают. Таким образом, супружество, естественно, должно терпеть крушение, коль скоро архетипические персонажи взаимно проецируются и делают невозможной встречу на человеческой плоскости. При взгляде на этот брак очевид-

**134**

но также, что пациент поступал, с одной стороны, как нищий, с другой — как пьяный гусар, и остался «подвешенным» в этих архетипических ролях.

Я попытался на примере этой сказки дать представление о том, как психическая констелляция как мужской, так и женской души может использовать один и тот же мир образов для выражения с его помощью собственной проблематики. Здесь, как мне кажется, различные идентификации Я-комплекса одновременно соответствуют различным психологическим функциональным типам этих пациентов. Оба анализа содержат немало другого материала, который либо напрямую связан с этой сказкой, либо эта связь может быть психологически обоснована.

135

**ЖЕСТОКОСТЬ В СКАЗКЕ**

В подавляющем большинстве сказок содержится чрезвычайно много разнообразных феноменов «жестокости». Уже в древнейшей из известных нам сказок, входящих в наше культурное пространство, в египетской сказке «Два брата», относящейся к Девятнадцатой Династии, то есть около 1200 г. до Р. Х.[1], содержатся мотивы убийства, забоя (скота), самокастрации и расчленения убитого. Если с этой точки зрения взглянуть на детские и бытовые сказки братьев Гримм[2], то бросится в глаза, что они форменным образом кишат всеми отвратительными, ужасными и гнусными действиями, какие только в состоянии изобрести мозг садиста. Так, например, в «Красной Шапочке» люди пожираются диким зверем, в «Рапунцеле» похищают ребенка, в «Верном Джоне» человек превращается в камень, в «Золушке» обрубают пальцы на ногах, чтобы

надеть туфельку, в «Госпоже Метелице» девушка приклеивается смолой, в «Гензеле и Гретель» и в «Братце и сестрице» человека сжигают или пожирают дикие звери. В «Чудо-птице», где девушку разрубают на куски, и в «Госпоже Труде», где младенца сжигают заживо, речь идет о еще большей жестокости, а высшая степень ужаса достигается в сказке «Можжевельник» («Machandelboom»): здесь ребенку отрубают голову, разрубают на куски, варят и, наконец, дают съесть ничего не подозревающему отцу.

На основании такого перечисления нет ничего удивительного в том, что часто возникает желание изгнать сказки из детской, а если это невозможно, то, по крайней мере, очистить их от жестокости и в таком виде предложить детям. Но, как это ни странно, подобные попытки никогда не приносят успеха. Собственно, каждый раз обнаруживается, что такие интерпретации сказок совсем неинтересны детям, и в то же время они жадно набрасываются на первоначальный текст, коль скоро удается его заполучить.

**136**

В этой связи я хотел бы привести впечатляющий и заставляющий задуматься случай, еще в начале нашего века описанный Бильц (J. Bilz) в книге «Сказочные истории и процессы созревания»[3]. Автор сообщает о девочке двух с половиной лет, находящейся в первой фазе упрямства (сопротивления), которая получила в подарок картинку, изображавшую Красную Шапочку и волка. На картинке был изображен волк в ночной рубашке и в ночном чепце бабушки, поджидающий Красную Шапочку. Малышке, слышавшей сказку только до эпизода встречи Красной Шапочки с волком, теперь хотелось узнать, почему волк лежит в постели. Она очень внимательно выслушала известный диалог между волком и Красной Шапочкой, который пришлось повторить около дюжины раз. Следующую ночь ребенок спал беспокойно, а просыпаясь обнаруживал страх перед злым волком. Чтобы успокоить ребенка, взрослые не нашли ничего лучшего, чем отыскать картинку, вырезать из нее волка и сжечь. Теперь девочка спала спокойно, но еще несколько дней с интересом расспрашивала о волке. Ей всякий раз объясняли, что злой волк сгорел, что волков нет и встретить их можно только в далекой России. Несколько недель спустя отец с ребенком собрался на прогулку в находившийся неподалеку лес. Заботливая мать, одевая девочку, обратилась к ней: «Сейчас ты пойдешь с папой в лес к милым зайчикам!» Малышка просияла. Однако на лестнице нашим путешественникам попался навстречу старый сосед. Он поинтересовался, куда же они направляются. К великому удивлению отца, ребенок ответил, притом вполне определенно и без запинки: «В лес к юскому (русскому) волку!»

Бильц справедливо указывает на то, что даже этот впечатлительный ребенок по собственной инициативе ищет встречи со страшным волком. Видимо, в нем наличествуют силы, которым необходимо найти пожирающее детей чудовище.

Интересно, что этот ребенок спонтанно отыскивает то действие, которое мы находим в виде ритуала при изучении обрядов инициации в примитивных культурах, явно исходящих из знания того, что зрелость достигается лишь путем страдания, боли и мучений. Очередная, высшая сту-

137

пень созревания может быть достигнута только после преодоления и разрушения предыдущей. В примитивных культурах совершающие обряд посвящения фактически подвергают инициируемого мучениям и имеют в своем распоряжении целый каталог невероятных, на наш взгляд, жестокостей. На более высокой ступени таких обрядов, когда речь идет о высших духовных процессах, подобную жестокость можно встретить только в символической форме, но и эти образы демонстрируют знакомый нам по сказкам или примитивным ритуалам беспощадный характер. В качестве примеров я хотел бы привести описанный М. Элиаде обряд инициации, осуществляемый шаманом, и интерпретацию Юнгом «Видений Зосимы», где речь идет о мистической инициации. В изложении Элиаде первая фаза инициации врачевателя в Малекула протекает следующим образом:

> Одного Бвили в Лол-Наронг навещает сын его сестры и говорит ему: «Мне хотелось бы, чтобы ты мне кое-что дал». Бвили спрашивает его: «А выполнил ли ты условия?» — «Да, я их выполнил». Он продолжает:
> «Спал ли ты с женщиной?» — «Нет». Бвили говорит:
> «Хорошо». Потом он говорит племяннику: «Подойди сюда. Ляг на этот лист». Юноша ложится. Бвили делает из бамбука нож. Он отрезает юноше руку и кладет ее на другой лист. Он смеется над своим племянником, и тот смееется ему в ответ. Он отрезает вторую руку и кладет ее рядом с первой. Он возвращается к юноше, и оба смеются. Он отрезает ему ногу по колено и кладет ее рядом с руками. Он возвращается и смеется, то же делает и юноша. Он отрезает вторую ногу и кладет^ее рядом с первой. Он возвращается и смеется. Племянник тоже смеется. Наконец он отрезает ему голову и кладет ее перед собой. Он смеется и голова тоже смеется. Он возвращает голову на место. Он берет руки и ноги, которые он отрезал, и тоже возвращает их на свое место[4].

Из «Видений» Зосимы мне хотелось бы выбрать лишь небольшой отрывок, который, на мой взгляд, подходит к нашей теме. Текст гласит:

**138**

> Ибо торопливыми шагами приближается на заре некто, который овладевает мной и разрубает меня мечом, меня пронзающим, и разымает меня, дабы привести в гармонию. И силой рук своих, держащих меч, он отделяет кожу от моей головы, и он соединяет кости с кусками мяса, и все вместе, по замыслу своему, сжигает на огне, пока я не ощущаю, как тело мое преображается и становится духом. И это моя невыносимая мука[5].

Зосима из Панаполиса, известный алхимик и гностик третьего века, оставил записи о случившемся у него глубоко пережитом видении, частью которых и является приведенная выше цитата. Здесь особенно четко проявляется то, что в основе процесса душевной трансформации лежат события, носящие крайне жестокий характер. К. Г. Юнг добавляет к этому: «Драматическое изображение показывает, каким образом божественное оказывается доступным человеческому постижению, а также обнаруживает то обстоятельство, что человек переживает божественное вмешательство именно как наказание, муку, смерть и, наконец, преображение».

Для меня очевидно, что этот феномен жестокости, который, в свою очередь, является лишь частным аспектом проблемы агрессивности, свидетельствует о чем-то очень многогранном. Когда я здесь останавливаюсь на одном аспекте, а именно, на становлении и созревании, совершающихся во внутренней душевной сфере, и пытаюсь осмыслить соответствующие образы, то отдаю себе отчет в фрагментарном характере этого предприятия.

В другом месте[6] я указывал на то, что для ребенка одно из психологических значений сказки состоит в необходимости научиться пониманию глубоких инстинктивных свойств его собственной натуры и отстаиванию своего Я при столкновении с этими, часто превосходящими, силами. В символической форме сказки предлагают ребенку типичные модели поведения, позволяющие выстоять в этой борьбе. Очевидно, что сюда относятся не только способы преодолеть и перехитрить демонические силы, представленные драконами, русалками, чертями, великанами или злыми карликами, но также упоминавшийся опыт

**139**

страдания, смерти и преображения. Тем самым жестокость выступает не только как наказание за зло или за неосторожность и наивность, но и как присущий самому герою мотив претерпевания страданий.

Если рассматривать сказку как совершающуюся в душе драму, то все встречающиеся в сказке персонажи, поступки, животные, места или символы знаменуют собой внутренние душевные движения, импульсы, переживания и стремления[7]. Ребенок, слушающий сказку, свободен в выборе того или иного мужского или женского персонажа, чтобы идентифицировать себя с ним, и тем самым этот персонаж идентификации занимает положение Я-комплекса. В процессе созревания опыт страданий, мучений или даже смерти и воскресения предстоит герою или героине сказки, а не только злой сопернице, как в «Гензеле и Гретель». Конечно, все они перед освобождением проходят путь страданий. То же можно обнаружить и в «Братце и сестрице», где брат превращается в животное, а сестра угорает в бане, Красная Шапочка оказывается проглоченной, а юноша в «Можжевельнике» разрубается на куски и пожирается. Но почти всегда за смертью следует трансформация, которая на языке символов означает успешное достижение следующей ступени созревания.

Естественно, что несмотря на аналогию с ритуалами инициации, гностическими или алхимическими символическими рядами, все же предположение о том, что сказочные персонажи символизируют процесс созревания и развития останется всего лишь спекулятивным умозрением, если в рассматриваемых случаях нам не удастся найти для этого предположения соответствующих подтверждений. Кроме того, необходимо, чтобы те образы или символы, которые наличествуют в сказке, были также налицо в снах и фантазиях, сопровождающих процессы душевного роста и созревания, и можно было установить отчетливую связь между теми и другими.

Мне хотелось бы привести здесь подходящий случай из своей практики. Речь пойдет о двадцатичетырехлетней пациентке, которая обратилась к анализу в связи с тяжелым неврозом, выражавшимся преимущественно фобиями

141

и навязчивыми состояниями, а также болезненной симптоматикой в области желудка и желчного пузыря. Кроме того, наблюдались суицидные тенденции с демонстративными попытками суицида, а также лекарственная зависимость. К сто четвертому сеансу пациентке приснился следующий сон:

> Я была со своей подругой в гостинице. Была ночь. Пришло много людей, которые спрашивали хозяина гостиницы. Я открыла им дверь, моей подруги в это время не было. Я позволила им войти, и они сказали мне, что подруга, которая теперь оказалась моей сестрой, мертва. Будто ее сбила машина. Я заплакала. В другом помещении был мой отец, который выглядел, как мой теперешний друг. Он сказал мне, что это чушь.
>
> Потом я оказалась в огромном здании с многочисленными помещениями. Я сказала находящимся

там людям, что надо выпустить запертого там моего бывшего мужа и посадить меня на его место. Наверху стоял человек, который сказал, что если я спущусь в погреб и дам отрезать себе руки, то смогу попасть к мужу. Я пошла туда, и мужчина отрезал мне ножом руки. Я заплакала, а потом была приведена и допущена к нему.

После того, как пациентка рассказала этот сон, у нее появилось смутное воспоминание о какой-то сказке, в которой девушке отрубают руки. В раннем детстве именно эта сказка была ее любимой. Потом мы вместе выяснили, что речь идет о сказке братьев Гримм «Безрукая девушка».

Я хотел бы здесь обратить особое внимание на совершающийся как в сказке, так и в сновидении пациентки жестокий акт отрезания рук и сделать попытку понять, что скрывается за этим действием и какое значение оно имеет для переживаний и развития пациентки. Но прежде всего надо вкратце изложить содержание сказки.

Бедный мельник, у которого не было ничего, кроме мельницы и росшей за ней яблони, однажды отправился в лес и встретил там старика. Тот пообещал ему богатство, если он отдаст ему то, что стоит за его домом. Так как мельник подумал, что речь идет о яблоне, он за-

141

ключил договор и, вернувшись домой, нашел полные сундуки добра. Однако когда его жена узнала о сделке, она испуганно закричала, что это, должно быть, был черт, имевший в виду не яблоню, а их дочь, которая в то время находилась за мельницей, подметая двор.

Пришло время, и злодей захотел забрать дочь мельника, но она чисто вымылась и мелом обвела вокруг себя круг, так что черту не удалось к ней приблизиться. Тогда в гневе он пригрозил он мельнику отобрать от него всю воду. Но на следующее утро, когда черт вернулся, девушка пролила слезы на свои руки, и снова он не смог к ней приблизиться. Тогда он еще больше разгневался и потребовал от мельника, чтобы тот отрубил дочери руки, что он в конце концов и сделал из страха, что черт заберет его самого. Но когда черт пришел в третий раз, девушка так долго плакала и столько слез пролила на обрубки своих рук, что они снова были совершенно чистыми. Тогда ему пришлось уступить и потерять все права на нее. Но она решила уйти прочь и весь день брела, пока не наступила ночь и она не пришла в королевский сад. Перейти ручей, по которому проходила граница сада, ей помог ангел, и она стала прямо ртом есть с росшего в этом саду дерева грушу. Заметивший ее садовник рассказал об этом королю, который на следующую ночь вместе со священником остался в саду, чтобы самому увидеть такую диковинную вещь. В полночь в саду появилась девушка, подошла к дереву и снова стала прямо с дерева есть груши. Королю она понравилась, он взял ее с собой во дворец, а так как она была красива и благочестива, то он взял ее в жены и велел сделать для нее из серебра новые руки.

Спустя год королю надо было отправляться в поход, и он оставил молодую жену на попечение своей матери. В это время у королевы родился ребенок, и мать написала об этом своему сыну. Но в то время как гонец спал, черт подменил письмо, и король прочитал, что его жена родила урода. Несмотря на это, он в своем ответном послании велел дожидаться его возвращения. На обратном пути гонец опять заснул, и черту удалось подменить письмо, так что в нем матери теперь было при-

142

казано убить королеву с ребенком и в доказательство сохранить язык и глаза королевы.

Но свекровь пожалела молодую женщину, она взяла язык и глаза косули, а королеву с ребенком отослала в дальний лес. В конце концов та пришла в большой дремучий лес и обратилась там с молитвой к Богу. Тогда снова перед ней появился ангел господень и привел ее в маленькую хижину. Все семь лет, что она оставалась в этой хижине, ее не покидал ангел и по божьему милосердию у нее, в награду за ее благочестие, отросли отрезанные руки.

Когда король вернулся из похода домой, он спросил о своей жене и ребенке, и, не найдя их, догадался о подмененных письмах. Тогда он поклялся: «Пока светит солнце, я буду идти и не стану ни есть, ни пить, пока вновь не отыщу мою дорогую жену и мое дитя». Семь лет странствовал он и искал повсюду и, наконец, пришел в большой лес и нашел там маленькую хижину, в которой жила его жена. Так вновь счастливая судьба свела их друг с другом.

Героиня этой сказки претерпевает целый ряд злых жестокостей. Сначала, из-за неосторожности отца, ей грозит полное подчинение персонифицированному в черте принципу зла и связанная с этим потеря души. Если ей и удается это предотвратить, то лишь жертвуя обеими своими руками, отрезать которые был вынужден сам отец. Зло вновь вмешивается в заключенный после этого брак, разрушает его и угрожает ей и ее ребенку смертью. Наконец, она должна провести долгие годы в изгнании и в одиночестве, которое, однако, как мы ясно видим, носит не деструктивный, но целительный характер.

Исходным пунктом в этой сказке служит крайняя степень связи дочери с отцом, а также проблема освобождения от нее в процессе развития. Согласно древнему патриархальному обычаю, дочь практически является собственностью мельника, который вправе пообещать ее любому, даже черту. Если перенести эту

ситуацию на психическое, имея в виду истолкование ступени развития субъекта, то речь идет о несамостоятельном и зависимом **Я,**

**143**
находящемся под доминированием коллективного бессознательного. Отец как представитель прежней установки сознания, которая соответствует традиционным коллективным нормам, ясно обнаруживает глупую материалистическую неприспособленность, в результате которой ему приходится оказаться во власти тени, то есть всех ничтожных, негативных и злых качеств. Его жажда власти и либидо (для последнего служит символом обещанное чертом золото) отдает на произвол тени здоровое развитие **Я,** а также его будущие возможности. Интересно, что в других вариантах сказки (русская «Безрукая девушка»[8], японская «Безрукая девушка»[9], французская «Безрукая девушка»[10] и дунайская «Девушка, лишившаяся рук»") девушку преследует не черт, а злой женский персонаж: мачеха, свекровь, ревнивая мать или невестка. Здесь, как это часто происходит в сказаниях и мифах (вспомним о чертовой бабушке), черт связан с великим Женским, которое, будучи вытесненным при патриархате, приобретает негативный деструктивный характер.

Защитный механизм, который в конце концов позволяет Я избежать этой инфляции тени, известен нам из невроза навязчивых состояний: это церемония очищения или умывания. Магическая чистота и связанное с ней обведение белого круга — вот то, что не позволяет черту овладеть девушкой. Несмотря на это, ему все же удается добиться утраты рук, что символически, как это расценивает и X. фон Байт[12], означает временную утрату дееспособности и сопровождается параличом душевной активности. За этим следует регрессия, возврат к ранней оральной стадии, когда мир мог быть постижим и доступен только посредством рта или с помощью других. Эрих Нойманн обстоятельно исследует потенциальные (проспективные) возможности, существующие на этой стадии[13]. Однако и здесь зло и жестокость окольными путями приводят к благу и пользе благодаря разрыву слишком тесной связи между отцом и дочерью. Тем самым может быть совершен очередной шаг на пути развития и созревания. Происходит отказ от бесплодных и ведущих в тупик, несмотря на материальное благополучие, отношений с родителями ради
**144**
собственной неведомой судьбы. Таким образом, жестокие сказочные события в символической форме ясно выражают давно известную мудрость, что на пути к независимости и самоосуществлению часто необходимо принести болезненную жертву, которая диктуется крайней нуждой. Такие ситуации известны нам в случаях замедленного освобождения от родительского имаго. Тут можно также вспомнить о часто встречающихся у животных жестоких формах отлучения от «родительского дома», таких, например, как выбрасывание птенцов из гнезда или церемония покидания медведицей своих медвежат. Это производит сильное впечатление, если понаблюдать, как медведица заманивает своих выросших медвежат на дерево, имитируя опасную ситуацию, а потом незаметно покидает их. Нередко проходит двое суток, прежде чем бедный медвежонок, понуждаемый голодом и усталостью, визжа от страха, спускается вниз, чтобы ступить на свой собственный путь в мире, полном неведомых опасностей.

Если мельница с яблоней символизирует пространство сознания, в границах которого до сих пор действовало **Я,** то, в свою очередь, королевский сад, который девушка находит при свете луны, соответствует бессознательному. Здесь к ней на помощь приходит ангел, тот самый ангел, который позднее появится еще раз, в одиночестве изгнания. Мы можем видеть в нем, по выражению Аленби (Allenby)[14], образ трансцендентной функции, той функции, которая способна перекинуть мост между крайними противоположностями и, как в данном случае, установить связь между сознанием и бессознательным.

Здесь девушка встречает фигуру анимуса, то есть не отцовскую, а собственную форму активности, энергии, способности действовать и выражать мысли. Для наглядности я не буду обстоятельно подходить ко всем встречающимся персонажам и символам, если они не связаны с подобными параллелями. Поэтому можно только слегка коснуться факта отрезания рук у девушки. Как во многих подобных сказках, первая встреча Я с анимусом оказывается непродолжительной. Простой союз любящих еще не в состоянии вернуть Я полную дееспособность, и вместо рук девушка
**145**
вынуждена довольствоваться протезами. Очевидно, что здесь наступает состояние идентификации Я с анимусом, причем Я должно довольствоваться постижением мира с помощью предоставляемых анимусом костылей. Эмма Юнг так пишет об этом состоянии: «В состоянии идентификации с анимусом дело обстоит так, что в то время как мы убеждены, будто это мы что-то думаем, говорим или делаем, в действительности через нас говорит анимус, хотя мы этого и не сознаем. Часто очень трудно обнаружить, что мысли или мнения диктуются анимусом, а не являются нашими собственными убеждениями, так как анимус располагает непререкаемым авторитетом и суггестивной силой. Авторитет его связан с принадлежностью к универсальному духу, а суггестивная сила проистекает из свойственной женщине пассивности мышления и соответствующей некритичности»[15].

Очевидно, что в нашей сказке возникает именно такое состояние, когда неподвижные и безжизненные

протезы соответствуют некритично усваиваемым общим мнениям и представлениям. Таким образом кажущаяся гармония очень скоро вновь оказывается разрушенной конфликтом, разлучающим короля и девушку. Не без оснований можно предположить, что здесь, как во всех конфликтах, не обошлось без черта.

Затем следует рождение ребенка и подмена писем, которая указывает на фальшь в отношениях Я и Бессознательного (Анимус). Прорывающиеся теперь из бессознательного в сознание содержания, вследствие сопровождающего их теневого аспекта, становятся негативными, злыми и демоническими, вновь угрожая Я уничтожением. Но на этот раз дело кончается немного лучше, так как зло нейтрализуется доброй материнской фигурой, а не церемонией очищения с последующей ампутацией. Демонической тени, которая, как мы уже видели, глубоко связана с негативно-женским, противостоит та часть доброго материнского персонажа, которая способна защитить от уничтожения, не требуя в дальнейшем отказа от существенных функций Я. Здесь снова зло и жестокость вынуждают к мучительным поискам выхода из до сих пор еще неудовлетворительного состояния

**146**

и толкают девушку на дальнейший путь развития и созревания, который заканчивается окончательным и обновленным восстановлением утраченных функций Я. Руки вновь отрастают.

Семь лет лесного уединения, непосредственно приведшие к развязке истории, представляют собой мотив, который мы встречаем и в других сказках, например, в «Рапунцеле» или в «Двенадцати братьях» и в «Шести лебедях». Они соответствуют углубленному состоянию интроверсии, долгой вынужденной сосредоточенности на себе самом. При этом допускается лишь трансцендентный аспект ангела, которому может удаться вновь навести мост к глубоким слоям природного бессознательного, которые должны быть мобилизованы для необходимого исцеления. Только после этого может быть образована прочная связь с мужским и предотвращены угрозы будущим психическим возможностям, символизируемые ребенком.

«Это отступление в уединение леса сродни религиозно окрашенному средневековому покаянию, в культурно-историческом плане восходящему к древнему отшельничеству с возможным индийским влиянием. Цель такого поведения заключается в том, чтобы добиться состояния максимально возможной интроверсии и обрубить все связи с внешними объектами. Благодаря этому возникает соответствующее оживление внутреннего мира, когда возможны видения, голоса, экстатические состояния»[16].

Вернемся, однако, к взятому в качестве параллели сновидению пациентки, в котором происходят жестокие события, подобные сказочным. Перед этой молодой женщиной возникла та проблема освобождения от очень глубокой отцовско-дочерней связи при сходном отторжении матери. Она была старшей из двух дочерей и с раннего детства любила отца, внутренне чрезвычайно привязанного к ней, в частности, они не раз вдвоем совершали поездки. В соответствии с этой фиксацией на отце позднее пациентка вышла замуж за человека, который представлял для нее типичную отцовскую фигуру. Он был более чем на двадцать лет старше ее, деловой знакомый отца, и познакомилась она с ним она также через отца. Брак мо-

**147**

лодой пациентки протекал очень несчастливо. Еще за три года до начала занятий произошел развод. Однако внутренне она оставалась очень сильно связана с этим человеком. В процессе анализа он поначалу обладал чертами демонической негативной отцовской фигуры с выраженными магическими чертами, отец, обращенный в черта, который преследовал ее во сне, угрожая уничтожением. Как и в сказке, ее отец в известном смысле продал дочь этому человеку, то есть в действительности она была послана отцом к этому человеку и таким образом с ним познакомилась. В точности как в сказке, в действительности ее отец тоже был испуган и растерян, когда этот человек захотел заполучить его юную семнадцатилетнюю дочь и против его воли обручился с ней.

Такая же ситуация всплывает и в сновидении. В первой сцене мы обнаруживаем отца, который недооценивает явную опасность ситуации (здесь выступает на первый план глубокий конфликт с сестрой за расположение отца) и отвергает как вздор. Во второй сцене всплывает демонический мужчина, к которому она, правда, сама здесь стремится и тем самым оказывается в ситуации сказки, когда у нее отрезают руки.

Дальнейшая аналогия с начальной ситуацией сказки обнаруживается в симптоматике пациентки. Она страдает, среди прочего, навязчивым стремлением к чистоте, так что ей, например, требовалось много часов, чтобы вытереть в комнате пыль, потому что она должна была при этом постоянно мыть руки. Мы знаем, что за этим симптомом, как в ранее рассмотренном случае, скрываются считающиеся злыми и неприемлемыми инстинкты, мысли и фантазии, для устранения которых пациент совершает церемонию очищения. Здесь также благодаря чистоте черт изгоняется, и средство это также не приводит к полному успеху, так как пациентка за свою достигнутую вытеснением чистоту платит утратой дееспособности. И в самом деле, эта пациентка практически была недееспособна. Она проводила большую часть дня в постели или совершала обряды очищения, а пищу принимала из рук своего тогдашнего друга, то есть вела себя как «безрукая

девушка».

148 Утрата активности, направленной на конструктивное жизнеустройство, сопровождалась, тяжелыми выбросами агрессии, основанными на высоком напоре либидо, и была связана с маниакальностью и запущенной внешностью. Если смотреть на искомый лизис (поток, струя, *греч.)* сновидения в перспективе или потенции, то сновидение предлагает путь, сходный со сказочным: жертва рук могла бы означать отказ от существовавшей до сих пор инфантильно-маниакальной неуправляемой активности, при одновременном освобождении от отца. Наконец, согласие оказаться запертой на месте запертого черта отвечает последовавшему уединенному состоянию героини сказки. Я полагаю, что легко понять стремление человека, от которого ускользает контроль над миром своих инстинктов, оказаться запертым, чтобы придти к самому себе и не опасаться быть взломанным. Он мучительно страшится подвергнуть опасности себя самого и других. Не стоит рассматривать это лишь как мазохистскую потребность в наказании.

Связь между судьбой пациентки и сюжетом сказки усугубляется рождением в обоих случаях ребенка. Ситуация с пациенткой и ее ребенком также обнаруживает растущее расстройство, которое может быть понято в соответствии с символикой сказки. Ребенок, на этот раз дочь, после развода сначала был оставлен пациентке. Вследствие своего тяжелого расстройства она была не в состоянии о нем заботиться. Впоследствии его передали ее бывшему супругу. Она бессознательно проецировала на девочку соперничество с младшей сестрой за внимание отца, а также сильное чувство ревности по отношению к матери. В начале анализа не было конца сновидениям и страхам за ребенка: его убивали, разрубали или похищали. Здесь хорошо видно, как возникшая в результате тесной связи с отцом тяжелая убийственная агрессия угрожает отношениям дочери с собственным ребенком. Теневая сторона связи отца с дочерью, которую в сказке олицетворяет черт, продолжает представлять угрозу и после внешнего отделения дочери от отца и замужества в смысле смертельной опасности дочери и для нее самой. То же самое можно сказать и об уже упоминавшихся суицидных мыслях и попытках,

149 а также о различных проявлениях страха быть убитой. Таким образом, обнаруживаются, вплоть до частностей, очень широкие параллели между сказкой и психической ситуацией пациентки.

Сказку можно разделить на три периода, причем первый из них касается отношений между отцом и дочерью и завершается отрезанием рук и уходом из дома. Во втором периоде завязываются отношения с мужчиной, происходит замужество и рождение ребенка. Он заканчивается изгнанием из королевского дворца и новым началом странствий. Наконец, на третий и последний приходится лесное уединение с регенерацией рук и воссоединением союза с фигурой анимуса. Если продолжить параллели между внутренней ситуацией, а также внешним выражением судьбы моей пациентки, с одной стороны, и сказочной историей, с другой, то в обращении к анализу и его осуществлении можно увидеть параллель к третьей фазе сказки. Здесь происходит то, что сказка выражает в символической форме уходом от мира, а именно добровольный и сознательно проведенный интровертный процесс, и тем самым достижение гармонии с внутренним миром, приводящее в конце концов в к восстановлению утраченной дееспособности.

В дальнейшем я хотел бы привести только одно сновидение, которое помогает хорошо увидеть, как психика пациентки начинает перерабатывать вновь всплывающую сказку После вышеописанного сна пациентки я снова перечитал давно забытую ею самой сказку и обратил на нее внимание в разговоре, в том смысле, что это могло бы кое-что для нее значить. До этого очень беспокойная, вспыльчивая и напряженная пациентка впервые была спокойна и, расслабившись, была в состоянии слушать меня, лежа на кушетке, а затем задумчиво отправилась домой. При этом я пожалел, что чувство, возникшее у пациентки в связи с разговором, не получило выражения. На следующую ночь ей приснился следующий сон:

> Мне показывают через отверстие мою дочь. Она находилась внутри куриного яйца и мне надо было его осторожно держать. Я слышала из яйца ее еле слышный голос. Потом я была немного невнимательна, и яйцо

150 разбилось, она выбралась наружу и была теперь нормальной величины.

Этот сон был первым после прошедших до тех пор ста четырех сеансов, в котором с ребенком не случилось самого страшного, смерти или похищения. Он знаменовал наступление фазы, в которой пациентка начинала постепенно устанавливать связь со своим ребенком и принимать его внутренне и внешне. Ребенок передан ей во сне, и в интрапсихическом переносе своей связи с ребенком здесь проходит процесс рождения, во время которого он из инфантильного, пищащего, находящегося еще в яичной скорлупе, вырастает до нормальной величины. Мне представляется важным, что существовавшая до сих пор сильная агрессия, направленная на ребенка, в сновидении содержится только в незначительной степени. Она выражается в неловкости, из-за которой разбивается яйцо. Но здесь, собственно, агрессия используется лишь для осуществления процесса рождения. Подобно многим матерям с сильными агрессивными

расстройствами, моя пациентка также была не в состоянии найти подходящую форму влиять на свое очень живое дитя. Даже за те несколько часов, которые предоставлялись ей для посещения, она приходила в изнеможение, так как выполняла практически все, что ребенок от нее требовал. Не раз она беспомощно забивалась в угол комнаты, потому что ребенок не обращал внимания на ее робкие просьбы быть немного поспокойнее. Когда ей удалось в ходе анализа противопоставить энергии ребенка некоторую стабильность и тем самым ввести экспансию живой девочки в приемлемые для них обеих рамки, это означало значительное облегчение и улучшение отношений между нею и дочерью. Вместе с тем пациентка также сознательно разрушила скорлупу романтичного представления о восхитительном маленьком существе, которое воспитывают исполнением всех его желаний.

Однако приведенная здесь форма проработки агрессии является только одной стороной смысла обращенных к пациентке жестоких действий сказки и сновидения с отре-

151

занием рук. Она никак не объясняет глубокого процесса трансформации, вызванного этим сновидением и сказкой. Если ограничиться этим, то проявляющуюся по отношению к девушке в сновидении и в сказке жестокость следовало бы рассматривать как патологическую самоагрессию, лишенную всякого глубокого смысла. В своей работе о самоубийстве и душевных трансформациях Хиллман исходит из того, что только «анималистическая безусловность страдания и полная идентификация с ним является смиренной предпосылкой трансформации. Отчаяние открывает дверь опыту смерти и одновременно является предпосылкой воскресения. Жизнь, какой она была до сих пор, status quo ante, умирает с рождением отчаяния. Есть только мгновение, такое мгновение, когда может появиться росток — если суметь быть на страже. Способность быть на страже — это все...»[17].

Здесь мы обращаемся к другой стороне событий, вытекающей уже из знания примитивных обрядов инициации, которая добавляет, что мучительная смерть и деструкция предыдущей душевной констелляции представляет собой предпосылку для возникновения трансформации. Очевидно, что в нашем случае в этом процессе затребована очень высокая степень внутренней энергии, что может подтвердить каждый, кто сам пережил процесс трансформации. Этому отвечает и то, что следующее сновидение пациентки содержит лишь очень незначительную степень агрессии.

В связи с этим, мне представляется имеющим смысл коснуться концепции Конрада Лоренца. Исходя из первичного существования агрессивного инстинкта, Лоренц видит в современном человеке «существо, вырванное из своей естественной среды обитания». Поскольку врожденные нормы активно-реактивных проявлений человека, подобно всем органическим структурам, могут изменяться только в соответственном медленном филогенетическом темпе, он как бы сидит на потенциале агрессивности. «Для шимпанзе и даже еще для людей каменного века, это, без сомнения, было весьма ценно и необходимо, в смысле поддержания самого себя, своей семьи и всего вида, чтобы, так сказать, внутреннее производство агрессивных реакций дос-

**152**

тигало двух вспышек ярости в неделю»[18]. Возможность разрядки этой накопившейся и уже не поддающейся рациональному использованию энергии Лоренц видит только в выходе наружу[19], что в коллективных рамках нашей культуры в настоящее время представляется ему единственной возможностью. Слишком мало внимания, на мой взгляд, уделяется имеющейся налицо в процессе созревания и развития способности либидо к транспозиции. Согласно концепции неспецифической теории либидо, и агрессия не более чем потенциальная сила, которая при направлении ее внутрь может найти применение в процессе формирования и дифференциации психического. Как указывает Адлер[20], эмпирическим фактом является то, что «изначальная, еще не проявленная противоположность явно стремится к испытанной гармонии, в которой даже негативное бессознательное обнаруживает скрытую тенденцию к интеграции». Этому отвечает роль, которую мы прежде отводили черту как силе, подгоняющей к развитию. Сколь велико количество необходимой для подобного процесса энергии, мы уже видели.

Явно мазохистскую компоненту, которая налицо в отрубании рук, можно рассматривать под более глубоким и конструктивным углом зрения. Так, у пациентки, конечно, соответственно тяжести картины болезни была налицо фригидность с очень тяжелой формой сексуальной закрепощенности. Мазохистская тенденция может символизировать здесь глубокое стремление к женской подчиненности, к приобретению веры в сверхличностный порядок,— черта, отчетливо выраженная в этой сказочной фигуре. Подобная установка дала бы возможность принять все страдание, утраты и жертвы, которых требует от нее жизнь. Именно эти качества полностью отсутствовали у пациентки. Бессознательное предлагает себя в сновидении и сказке в качестве компенсации излишне узкой установки сознания. Эта еще неразвитая возможность женского переживания проявляется во втором сновидении в виде вылупляющейся из яйца дочери. Жестокая,

направленная на Я агрессия далеко на заднем плане осуществляет функцию разрушения жесткой структуры Я-комплекса, преж-

**153**
ний гештальт которой больше не отвечает теперешней ситуации, и возвращения к инфантильному Я для выполнения необходимой трансформации.

Я пытался, исходя из этого отдельного случая, показать, как за жестокостью сказочного мотива может скрываться глубоко осмысленный процесс развития. Мне кажется вообще свойственной всем людям уже с детства глубокая потребность повстречаться в с жестокостью и ужасным в мире, чему пример — маленькая девочка, пожелавшая встретить волка. Этот волк находится не только снаружи, но также и в нас самих. Человек как природное существо содержит в себе не только благотворную сторону природы, но и ее ужасающий аспект. И на своем пути к сознательному становлению человеку необходимо встретиться со страшным, взаимодействовать с ним и его преодолеть. Образный мир сказки может послужить ему средством для этого, что само по себе не ограничивается только детством. Первоначально сказки, вероятно, предназначались совсем не детям. И сегодня многие взрослые, особенно люди творческие, склонны обращаться к сказочным мотивам, чтобы вновь и вновь с их помощью постигать и придавать форму своему внутреннему миру И та жестокая сторона сказки, которую мы наблюдаем, является имманентно присущей ей составной частью, которую нельзя опустить или обойти.

154

#### СКАЗКА КАК ВОЗМОЖНОСТЬ ФОРМИРОВАНИЯ СТРУКТУРЫ В ПРОЦЕССЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Многое из того, что имеется у нас в душе, нам не удается выразить рациональными средствами и сделать понятным для других людей. Порой у нас в душе возникает какое-то неясное томление. Оно может быть столь слабым, что мы его едва замечаем, а может усилиться настолько, что будет влиять на все наши чувства, настроения и поступки. При этом если спросить человека, чем вызвано это томление или куда оно направлено, чаще всего у него не найдется ответа. Эти порывы и стремления, откуда-то всплывающие в нашей душе, так неопределенны и неуловимы, что могут представляться сознанию чуждыми и необъяснимыми. Такой характер имеет все то новое, что еще не пережито и не воплощено в опыте, но поднимается из глубины нашего внутреннего мира, стремясь к осуществлению. Если человек захочет осознать то неизвестное, которое находится в нем самом, не только знать о том, что нечто существует, но и понять, что же это такое, то он попытается придать форму бесформенному, выразить невыразимое и внести порядок в бурлящий хаос. Та частица творящей образы силы, которая присуща каждому человеку, помогает перенести в этот мир все новое и неизвестное, находящееся по ту сторону мира сознательного и знакомого.

Подобный процесс осуществляется в любой глубинной психоаналитической практике, направленной на расширение сознания и изменение личности. Многие пациенты спонтанно обращаются к краскам, глине, пластилину или перу, с помощью которого записывают стихи или истории. Иногда погружение в свой внутренний мир происходит в форме имагинативной (образной) медитации. Все это про-

**155**
делывается для того, чтобы выразить себя и придать форму своему внутреннему миру. «Ибо опыт показывает, что чем глубже проникает аналитическая работа и чем больше появляется символического материала, тем сильнее становится потребность каким-то способом дать образное выражение тому душевному содержанию, которое трудно сформулировать при помощи слов. Потому что не перенесение или вытеснение неприятных содержаний, но лишь выявление и созерцание их может помочь становлению сознания и тем самым излечению и освобождению», — говорит швейцарский психолог Якоби'. В таких образах, или гештальтах, нередко важную роль играют сказочные элементы. Сказочные мотивы, подобные тем, которые известны нам из анализа сновидений, бывают представлены на картинах или в пластике. Здесь неважно, идет ли речь о прекрасных, может быть, даже отмеченных ярким дарованием образах или о беспомощных детских попытках. Создаваемое имеет значение только для двух людей, врача и пациента, не важна общечеловеческая ценность, важен лишь тот факт, что нечто неопределенное стало ясным и смогло получить выражение. Таким образом подобные (внутренние) содержания получают возможность приблизиться к сознанию. Придание им формы представляет собой важное средство, помогающее терапии. Часто поражает, как много вытесненной душевной энергии способно излиться в этой деятельности и какой заинтересованностью, интенсивностью и облегчением сопровождается она у людей, которые никогда прежде ничего подобного не делали. Тем самым этот процесс оказывается ценным сам по себе. Он может привести к освобождению от мучительной симптоматики или, по крайней мере, значительно ее облегчить. Однако до тех пор, пока представленное содержание не пережито сознательно, это освобождение остается чем-то временным, неустойчивым. Существует также опасность, что пациент останется в плену образов своей фантазии. Тогда он будет рисовать или описывать, вместо того чтобы переживать в чувствах и опыте,

и чем больше будет таких выразительных образов, чем прекраснее и живее они будут, тем сильнее они будут способствовать пребыванию пациента в мире своих мечтаний.

**156**

Очень выразительно описала эту опасность в сочиненной ею сказке одна из моих пациенток, одновременно обнаружив скрытые до того причины своего собственного болезненного поведения. (За этот материал я признателен моему коллеге, доктору медицины Хансу Лаку (Hans Lack), вместе с которым мы проводили анализ данной пациентки). Речь идет о девятнадцатилетней девушке, которая, наряду с другими симптомами, страдала мутизмом. Мутизм — это относительно редкое расстройство, которое состоит в том, что пациент утрачивает способность говорить в присутствии других людей, делая исключение лишь для немногих. В каком-то смысле он утрачивает язык. Во время первых сеансов пациентка могла только рисовать картинки. Однажды, в то время, когда она уже начала понемногу говорить, она написала следующую сказку:

Далеко на севере, там, где солнце появляется на небе лишь на несколько часов, много лет назад жил человек, который был садовником. Однако его сад отличался от всех прочих тем, что росли в этом саду только больные растения. Это была настоящий цветочный лазарет. Печально и устало выглядели здесь растения, многие были полузасохшими, другие изъедены гусеницами. Свои маленькие головки цветы держали низко склоненными, и только иногда, когда садовник приближался, чтобы полить их, они открывали глаза, глядя на него с благодарностью, однако сказать ему они ничего не могли, так как голоса цветов слишком тихи и нежны для того, чтобы человек мог их расслышать.

Каждый день садовник сажал новые цветы, потому что в той местности было много больных растений, и каждое, которое ему попадалось, он относил в свой сад. Когда цветы выздоравливали, он вновь пересаживал их туда, где нашел. Обычно благодаря его заботам цветы поправлялись, одни быстрее, другие медленнее, потому что сад раскинулся широко и свободно и солнце посылало туда со своими лучами свет и тепло.

Всех дольше находился здесь василек: несколько месяцев назад садовник нашел его полуувядшим в поле и принес с собой. Давно уже все его подруги были здоро-

157

вы и другие больные цветы росли на их месте, но васильку не становилось лучше.

Поначалу, правда, казалось, что он тоже скоро поправится. «Если бы я только знал, чего тебе не хватает», часто говорил садовник и замечал, глядя на цветок, что день ото дня тот становится все печальнее.

Однажды утром он снова стоял около василька, сравнивая его с другими цветами, и решил, что все его усилия и заботы бесполезны. «Все, что мог, я сделал, — сказал он, потеряв терпение. — Теперь я подожду еще пару дней, и если, несмотря на все мои усилия, успеха не будет, я тебя вырву»,

Испуганно смотрел на него цветок, однако сказать ничего не мог Печально и одиноко чувствовал он себя, и не было у него сил, чтобы стать здоровым.

Ночью, когда все уснуло, появилась в саду добрая фея цветов, покровительница всех растений, цветов, деревьев и кустарников. «Я дам тебе на одну ночь голос, — сказала она цветку. — Явись садовнику во сне, может быть, он тебя услышит». Бережно взяла фея в руки цветок и незаметно перенесла его в сновидение садовника. Всю ночь печально говорил с ним цветок, но голос его не был услышан.

Днем садовник пришел с большой мотыгой, и с первым же ее ударом вылетела из цветка его душа. Больше он не чувствовал боли, он почувствовал себя свободным и счастливым и устремился к небу. Там он увидел светлые облака, солнце, сиявшее ярче прежнего, и, наконец, увидел рядом с собой лик прекрасного ангела.

«Куда мы летим?» — спросил у него василек. И ангел рассказал ему о далеком небе, высоко-высоко, у самого Бога, там всегда светит солнце, а небо такое голубое, каким его никогда не увидишь с земли. Там, наверху, рассказывал ангел, нет больных цветов, все они здоровы и счастливы. «Но как это так, — спросил цветок у ангела, — что там нет больных цветов?» Ангел улыбнулся: «Расскажи мне о себе, — попросил он. — Расскажи, маленький цветочек, почему ты не становился здоровым?» Василек поднял свое лицо к ангелу и заглянул в его теплые добрые глаза. «Если бы я стал здоровым, — тихо прошептал он, — мне пришлось бы

158

покинуть сад. Со всеми цветами так. Но я был там так счастлив и боялся снова остаться один в огромном широком поле»

Выше и выше поднимался ангел с цветком в руках. «Смотри, — сказал он ему. — Теперь мы у Бога; здесь, наверху, ты попадешь в самый прекрасный сад, и твоя душа преисполнится радости, потому что

Бог любит тебя, вот поэтому и нет на небе больных цветов».

Любимой детской сказкой этой девушки была сказка Андерсена о Дюймовочке. Стоит провести сравнение между сказкой Андерсена, сказкой пациентки и ее проблемами. Но сначала приведем краткое содержание «Дюймовочки»:

> В этой сказке одинокая женщина страстно мечтает о ребенке и получает от ведьмы ячменное зерно, из которого вырастает прекрасный тюльпан. Когда он распускается, в нем сидит маленькая девочка, ростом не больше дюйма, почему она и получает имя Дюймовочка. Однажды ее похищает крот и хочет выдать замуж за своего сына. Однако с помощью рыбы ей удается спастись. После долгого опасного путешествия, во время которого происходит много приключений, она, наконец, попадает на спине ласточки в теплую южную страну. Там в саду каждый цветок увенчан маленьким замком «цветочного ангела». Дюймовочка выходит замуж за своего принца. На свадьбу она получает в подарок пару крыльев, чтобы, подобно остальным, перелетать с цветка на цветок.

В своей фантазии девушка бессознательно заимствует некоторые мотивы из своей любимой детской сказки. Прежде всего это мотив цветочного существа. В «Дюймовочке» это тюльпан, у пациентки — василек. Затем это тихий, еле слышный голосок, и, наконец, обе сказки содержат мотив полета и присутствия ангела. Различие, однако, состоит в том, что у Андерсена из цветка появляется человеческое или похожее на человека, существо, в то время как у пациентки сам цветок очеловечивается, то есть наделяется голосом и человеческими чувствами. Таким образом она остается в вегетативном состоянии, отчужденном от сознания. Не уди-

**159**

вительно, что она также не в состоянии осуществить контакт с садовником-лекарем, и ее голос остается не услышанным. Нежный голосок Дюймовочки, напротив, хорошо слышен окружающим и, кроме того, «еще она умела петь, о, так нежно и прекрасно, как еще никому не приходилось слышать». Люди и животные влюбляются в ее пение. В конце сказок оба персонажа попадают в другой мир, но Дюймовочка остается на этой земле и, выходя замуж, обретает собственную способность к полету, в то время как василек покидает землю и переносится на небо ангелом.

Если в обоих случаях цветочное существо понимать в качестве символа мира фантазии соответствующих авторов, то хорошо видно, что творческая фантазия поэта сохраняет контакт с миром. Истории и рассказы, порожденные его воображением, при всей их нежности и красоте, все же остаются в этом мире. В них речь идет об опасностях и приключениях, но не о том, чтобы постоянно оставаться погруженным в болезнь, сопровождающуюся опасным желанием вынуждать другого человека к любви и заботе о себе. Сказка пациентки, в противоположность сказке поэта, очень ясно отражает ее в значительной степени разрушенный внутренний мир, откуда следует ее неспособность говорить, вступать в отношения с другими людьми и ее тенденцию ускользнуть из этого мира в небесное царство своей фантазии, из которого уже ничего не сможет попасть наружу. Однако, несмотря на все это, ценно то, что с помощью сказки ей удается высказаться о существующих у нее стремлениях и конфликтах. Тем самым сказка ведет ее в область возможности излечения.

В качестве следующего примера всплывания сказочных мотивов в процессе формирования психических образов, или гештальтов, я хотел бы привести медитативные образы одного своего пациента. Способность испытывать состояние, когда человек позволяет возникать внутри себя медитативным образам и сам активно участвует в происходящем, является очень сложным психическим процессом, по всей вероятности требующим определенной предрасположенности. Во всяком случае, отнюдь не всем это удается, хотя до некоторой степени этот феномен поддается изучению; ме-

**160**

дитации можно обучить. Здесь речь идет не о так называемых мысленных кинофильмах, когда, при закрытых глазах, мимо пробегает череда образов, как в кино, но о настоящих событиях, которые Я переживает и претерпевает при участии всех органов чувств. В аналитической психологии это обозначается как «активное воображение»[2].

Пациент на аналитическом сеансе рассказал о сновидении, в котором он, будучи в сопровождении двух товарищей или подруг на лугу, нашел очень большой круглый стеклянный диск около десяти сантиметров толщиной. Ему было мало толку от этого символа, и поначалу его идеи, возникавшие во время сеанса, никуда нас не привели. Однако это круглое стекло настолько его интересовало и притягивало, что дома он решил взять его в качестве объекта для медитации. На следующее занятие он принес это описание:

> Я дважды начинал медитировать и концентрироваться на этом диске. В первый раз он превратился в большую круглую мраморную глыбу. Потом к ней присоединился помост, на котором работали египтяне. Они высекали на мраморе иероглифы, которые я, однако, не мог прочесть. Потом глыба покатилась к лесу, находящемуся на заднем плане, становясь все меньше и меньше, и наконец скрылась. Потом она превратилась в большую желтую летящую змею. Я сам тоже находился в лесу,

двигаясь без цели и ощущая сильное волнение. Потом я сел на змею и полетел на ней в Тибет, к монастырю. Возникло чувство отвращения. Я не хотел там оставаться и повернул назад. Я прекратил медитацию, чтобы вернуться к ней позже.

На этот раз диск превратился в медленно вращавшийся земной шар, который сначала я наблюдал издали. Он медленно приближался, в то время как я парил где-то над Африкой. Внизу лежал утренний туман, был солнечный день и передо мной снова был широкий лес. Я лежал в поле, уткнувшись носом в землю и разглядывал большого золотого жука. Тот пришел в движение, и я отправился за ним. Он привел меня к огромной пещере, вход в которую был закрыт каменными плитами. Когда я приблизился, они отошли в сторону. Я вошел и нашел там великих персонажей римской истории, со-

161

бравшихся на банкет. Один мужчина предложил мне золотой бокал с красным вином. Потом пещера обрушилась. Я снова был в поле и пахал. В плуг был впряжен удивительно красивый бык. После этого я сеял пшеничные зерна. Наконец мы с быком пришли к реке и оба из нее пили.

У пациента, очень рафинированного человека средних лет, речь здесь шла о проблеме его продуктивной дееспособности. Стеклянный диск, найденный им в сновидении и вызвавший медитативный процесс, напоминает о функции стеклянного шарика в индийской сказке «Crystal-gazing», который в качестве «янтры» используется для того, чтобы сделать видимыми бессознательные содержания. Похожее сновидение, в котором этой цели служит драгоценный камень, сообщает С. А. Meier[3]. Стекло напоминает о сказочном зеркале, в котором можно увидеть весь мир, символ, с которым мы встречались в первой из рассмотренных в этой книге сказок.

Затем возникают два потока образов, которые содержат вполне сказочные события. В первом из них пациент перенесен летающей змеей в монастырь, что, однако, ему явно не по вкусу, и он прерывает эту медитацию. Символ змеи также известен нам из первой сказки в качестве олицетворения глубокой инстинктивной силы. Здесь к нему прибавляется мотив полета, который также известен нам из сказки. В арабском цикле сказок «История о носильщике и трех дамах»[4] в четвертой истории змея переносит героиню домой с уединенного острова, на который она выброшена кораблекрушением. Змея — это благодетельное демоническое существо, которое оказывается благодарным за оказанную прежде услугу. В медитации летающая змея соответствует сильному выбросу психической энергии в сторону интроверсии, которую означает монастырь как место, используемое в качестве символа полной отстраненности от внешнего мира и концентрации на внутреннем. Можно придерживаться разных мнений относительно того, является ли правильным решение пациента отказаться от этого предлагаемого бессознательным направления. Какой выбрать путь, должен решить сам пациент. Здесь оче-

**162**

видно, что он опасается усиления отчуждения от мира. Тибет очень далек от нас, и безучастность буддийской мистики по отношению к сансаре (миру явлений) обычно чужда западному человеку. Вероятно, для пациента предпочтительнее попытка присоединения (AnschluB) к «первообразам» собственной культуры, что и происходит во второй медитации. Фауст также вынужден был прервать свою связь с духом земли, потому что она превышала его возможность постижения. Слишком великие видения часто приводят к психической инфляции, которая, с другой стороны, сопровождается полной безответственностью, хорошим примером чему является святой Николай фон Флюе (Nikolaus von Flue), позволивший своей жене и детям впасть в полную нищету[5].

Итак, во второй медитации пациент уткнулся носом в землю, в чем можно видеть точную противоположность небесному полету змеи. Здесь он сначала видит золотого жука, который, очевидно, представляет собой ведущий инстинкт и соответствует сказочному мотиву животного-помощника. Он приводит его к пещере, закрытой каменными плитами, которая при приближении открывается, что тоже является обычным сказочным мотивом.

X. фон Байт цитирует рассказ Паулуса Дья конуса (Pau-lus Diaconus), согласно которому король франков Гунтрам (умер в 1593 г.), устав на охоте, уселся отдохнуть под деревом. Он положил голову на колени своему спутнику, своему верному слуге. Вдруг тот увидел, как изо рта короля показалось животное, похожее на змею, направилось к источнику и напрасно старалось переправиться через вытекавший из него ручей. Тогда он вынул из ножен свой меч и положил так, чтобы животное могло по нему проползти. На другой стороне ручья оно скрылось в горной пещере, а потом с помощью меча вернулось назад и вновь заползло в рот королю. Проснувшись, тот рассказал своему спутнику, что ему приснилось, будто он переправился через реку по железному мосту, проник внутрь горы и увидел там кучу золота. Тут верный слуга рассказал королю о том, что он видел, а когда они вместе добрались до того места, куда вползала змея, то нашли бесчисленные сокро-

**163**

вища[6]. Очевидно, что здесь животное представляло персонификацию одной из частей психики короля.

Находящиеся в пещере римляне из медитации тесно связаны с существовавшей в то время у пациента проблемой. По профессии он был историком, и римская история в это время входила в сферу его профессиональных интересов. Таким образом, здесь в медитации открывается до этого запертая и замкнутая в бессознательном связь с областью его профессиональной деятельности. После того, как он выпил бокал вина, то есть вступил в связь с этой областью, пещера вновь исчезла, и теперь он мог, вместе с быком, символом человеческой силы и мощи, возделывать поле своей жизни, вновь ставшее плодородным. В соответствии с этим выводом в дальнейшем оказалось, что терапия с учетом такого пониманием содержания медитации привела к заметному ослаблению симптомов.

Согласно К. Г. Юнгу[7], противоположность змеи и вола представляет собой противоречивость психической энергии как таковой. Эта энергия не только стремится наружу, являя собой волю к жизни и созиданию (вол), но также назад, внутрь, чтобы почерпнуть там силы для обновления жизни (змея). В нашем примере путь змеи отвергается, так как очевидно, что еще необходимо деятельное осуществление жизненного строительства.

В конце своей книги мне хотелось бы поместить сказку, написанную пациентом сорока одного года. Он страдал от сильного расстройства чувств (Gefuhlskonflickt), причин которого сам не мог понять и объяснить. В течение нескольких недель это расстройство увеличивалось, так что, несмотря на все усилия, ему не удавалось сосредоточиться на своей работе. Наконец спонтанно возникла эта фантазия, вызвавшая у него потребность обработать ее и записать. После этого наступило заметное облегчение. Хотя проблема не была решена, все же напряжение, препятствовавшее его работе, снизилось. В персонажах рассказа отчетливо персонифицированы его собственные характерные стремления и имеющийся в это время конфликт, а также поиск возможности его разрешения, ему самому еще неясного. Вскоре (спустя несколько дней) после того, как

**164**

эта история всплыла в сознании, она была обработана и записана. По моему мнению, она может послужить хорошим завершением нашего путешествия по сказочной стране, пребывающей в душе человека.

> Давным-давно и еще за сто лет до того в деревне, что расположена была неподалеку от столичного города Цунтрапеза, жил на берегу моря юноша. Отец его был кузнецом, но сын был не слишком силен, да к тому же расположен к мечтаниям, и потому предпочел писать картины, которые время от времени покупали богатые горожане. Зарабатывал он этим немного и потому жил в простой хижине со своими пернатыми друзьями, вороном Якобом и совой Мандой. Якоба юноша нашел однажды в лесу под деревом, должно быть, птенец, похожий в то время на пищащий пучок перьев, выпал из свитого на этом дереве гнезда. Юноша взял его в дом, выходил, а после того, как птенец вырос и мог уже сам о себе позаботиться, он добровольно остался у юноши и стал ему верным другом. Манда, сова, попала к нему два-три года спустя и была тогда уже взрослой птицей, а случилось это так: мышь, за которой она охотилась, скрылась под половицами дома, и сова стремглав бросилась за ней. Однако за несколько дней до этого художник натянул перед домом тонкую проволоку для ограды, и, на свое несчастье, птица, не заметив ее, налетела на эту проволоку. В результате на следующее утро он нашел ее лежащей со сломанным крылом перед своей дверью. Юноша взял сову в дом, наложил ей на крыло шины и заботился о ней до тех пор, пока она вновь не стала здоровой. В благодарность сова тоже осталась у него, и так они жили втроем счастливо и весело в маленькой хижине на берегу моря. Счастливый случай помог им хорошо понимать друг друга, а произошло это так: однажды волны вынесли на берег старый сундук, и художник нашел в нем несколько книг, принадлежавших перу знаменитого доктора Дулитла, занимавшегося лечением животных, и среди прочего там оказался полный лексикон птичьего языка. Конечно, наш художник прилежно его изучил и вскоре смог вести беседы с вороном Якобом и совой Мандой. Так он узнал о том,

**165**

что Манду, собственно, звали совсем не Мандой, а Амандой. Когда она налетела на проволоку, у нее не только сломалось крыло, но из-за сильного удара из ее имени выпала эта первая гласная, и все дальнейшие поиски, которые вместе с ней вели юноша и ворон, не помогли ей отыскать потерянную А. Манду это очень огорчало, потому что именно А ей особенно хотелось иметь, и порой она с завистью косилась на Якоба (Jakob), с которым такого не могло произойти, потому что обе свои гласные он заботливо укрыл между согласными. Правда, со временем она утешилась тем, что в ее имени все же остались две другие «А».

Все было бы хорошо, если бы страну, в которой они жили, не постигло уже давно ужасное бедствие, а произошло это так: королевская дочь, юная, прекрасная и очаровательная принцесса, по никому не известной причине потеряла свою тень и с тех пор стала совершенно удивительным существом. У себя в королевском дворце она не могла терпеть ничего, что хоть немного было связано с грязью или не содержалось в образцовом порядке, и из-за этого она целыми днями старалась удалить каждую пылинку, если только где-нибудь ее находила. Это заходило так далеко, что старый слуга однажды был поражен, увидев, как в огромном коронационном зале с многочисленными коврами она удаляет с каждой ворсинки пылинки и

укладывает их рядами, как солдат личной гвардии. Сколько-нибудь разумной работой она вообще не могла заниматься. И хотя это очень ее огорчало, плакать, однако, она тоже не могла, равно как и смеяться, так как это привело бы в беспорядок ее косметику или ее прическу, которой она ежедневно посвящала немало часов, заботясь о том, чтобы каждый волосок находился на отведенном ему месте. Так же обстояло дело и с одеждой, ни одно платье она не могла носить сколько-нибудь долго, и переодевалась, как только оно хоть чуточку пачкалось. Потребность ее в обуви была так велика, что ее отец, старый король, завел собственную королевскую обувную фабрику, потому что покупать столько обуви было бы слишком дорого. Некоторые злонамеренные люди в государстве, например, социалдемо-

166

краты, не верили, что она так поступала из-за страха перед грязью, и называли ее за спиной модной куклой, гордой и тщеславной, однако это было совсем не так. Во всем свете не найти было никого скромнее и смиреннее принцессы, ведь она исполняла каждое желание своего отца, а также и всех прочих людей, которых любила, и все происходящее причиняло ей боль, однако она никогда не жаловалась старому королю. Кроме того, она странным образом не могла выносить запах собственного тела, хотя он совсем не был плох, и каждое утро приказывала своей камеристке выливать на нее целый флакон духов. Некоторые слишком чувствительные люди падали в обморок, если им приходилось долгое время находиться с ней в одном помещении, и их надо было выносить оттуда. Однажды принцесса покачала головой, глядя на это, но больше не осмеливалась так поступать, потому что после этого вместо 756 волосков с левой стороны от ее пробора оказалось 758, и горничной понадобился целый час, чтобы отыскать и вернуть на место два лишних волоска. У принцессы было много женихов, добивавшихся ее руки, но всем им она предлагала попытаться вернуть ей ее тень, которая должна находиться на далеком острове, и все они отправлялись туда, но никто не возвратился. Это очень огорчало девушку, а так как, будучи юной принцессой и наследницей, она олицетворяла плодородие и рост в государстве, то плохо обстояли дела и во всей стране. Деревья больше не приносили плодов, колосья на полях были пусты, а вместо крупных картофелин вырастали только жалкие корешки, которые нельзя было употреблять в пищу.

Так как все вокруг вздыхали и терпели нужду, наш молодой художник тоже вздыхал и терпел нужду, потому что горожане больше не могли покупать его картины, ведь они должны были тратить слишком много денег на покупку зерна за границей. Манду, сову, это так огорчало, что однажды ночью она тайком полетела во дворец в спальню принцессы, потому что надеялась что-нибудь там разузнать. Ей повезло, так как принцесса имела обыкновение разговаривать во сне, и таким образом Манда кое-что узнала уже в первую ночь. После

167

этого она каждую ночь летала туда, к спящей принцессе, и когда провела так семь раз по семь ночей, узнала всю историю и рассказала ее молодому художнику.

До своей болезни принцесса была веселой молодой девушкой, которая к тому же была очень любопытна. Однажды ночью, когда она долго не могла заснуть, она поднялась с постели и прошлась по комнатам дворца. Тут она услышала доносящийся снизу, из погреба отдаленный шум, казалось, будто сразу говорит множество людей. Любопытство заставило ее спуститься по лестнице в погреб, и там она обнаружила, что из дверной щели запретной комнаты падает луч света и слышен шум. Эту комнату оставил запертой еще дедушка старого короля, потому что в ней водились привидения. В прежние времена короли Цунтрапеза еще не были такими культурными и благонравными людьми, как сегодня. Это были дикие молодцы, которые бродили по лесу в медвежьих шкурах, пили много ячменного пива, постоянно дрались и грубо шутили с девушками. Даже отец принцессы в юности был замечен в подобных вещах. И эти-то молодцы, которые не могли успокоиться после смерти, устраивали во дворце по ночам свои грубые игры. Наша любопытная принцесса приблизилась к двери и кое-что разглядела сквозь замочную скважину, правда, совсем немного, и вдруг дверь распахнулась и оттуда вышел ужасный старик с всклокоченной бородой и налившимся кровью глазами. В руке он держал большой острый нож, зловеще блестевший в свете горевших в зале свеч. Он схватил дрожащую маленькую принцессу и закричал: «Ну, кого же мы поймали?» От страха принцесса не могла отвечать и едва выговорила свое имя. Но как только Змеиный Князь, так называли этого человека, услышал ее имя, он пронзительно захохотал и воскликнул: «Если ты не хочешь, чтобы я утром рассказал твоему отцу, как ты непристойна и любопытна и как ты вынюхивала что-то в запертой комнате, ты должна мне что-нибудь подарить». «Все, все что у меня есть, я подарю тебе, — взмолилась принцесса. — Я сейчас же уйду отсюда и принесу тебе мою любимую куклу». Тут злодей снова захохотал и закричал: «Мне не нужна твоя кукла, можешь оставить ее себе, я хочу по-

168

лучить твою тень». «Мою тень? — удивилась принцесса. — Но как же ты сможешь ее получить?» «Так», — ответил он и резко взмахнул своим острым ножом у ее пяток, одним движением отделив тень. После этого он опять громко расхохотался, взял тень под руку и скрылся с ней, не забыв запереть за собой дверь. Принцесса же печально и смущенно прокралась обратно в свою комнату, и с тех пор ее больше никто не видел веселой. Она пребывала в страхе, оттого что каждую ночь ей снился злодей, угрожавший ей ножом, так что она с криком просыпалась в холодном поту. «Может быть, она употребляла столько духов, — заметила Манда, которая была очень практична, — потому что потела от страха?» Но тут же поправила себя

и сказала: «издавала запах», потому что слово «потеть» не подходит для принцессы. «И куда же Змеиный Князь увел тень принцессы?» — спросил художник. Манда знала и это, дело в том, что принцесса прочитала однажды в старых хрониках, что жилище Змеиного Князя находится на далеком морском острове, в глубокой подземной пещере, и к этому-то острову она и посылала теперь всех женихов, которые к ней сватались.

Когда молодой художник услышал эту историю, он побледнел от гнева и ярости, потому что хоть он и был очень мечтателен, но, однако, обладал сильными чувствами. Вся его кровь пришла в волнение, а его сердце так громко стучало в груди, что еле слышавшая вдова пономаря, жившая за два дома от него и ужинавшая у себя за столом, крикнула: «Войдите!», потому что ей показалось, будто кто-то стучит в дверь. И тогда он решил испытать свое счастье и попытаться вернуть принцессе ее тень.

Когда на следующий день он прибыл ко двору, король был слегка удивлен, увидев этого необычного жениха. Одет он был отнюдь не в шелка и бархат, напротив, на куртке его видны были заплаты, и даже брюки были аккуратно заштопаны. Он не мог прибавить принцессе славы и величия и не только не принес богатых подарков, но даже попросил у старого короля денег, чтобы купить билет третьего класса для путешествия к острову. Ведь в последнее время его картины продавались

169

совсем плохо, а плыть зайцем казалось ему неблагородным. Старый король глубоко вздохнул, но поскольку нужда была слишком велика, а никто из прежних женихов еще не вернулся, он дал молодому художнику свое благословение и деньги на билет третьего класса.

В тот же день художник со своими друзьями, Якобом и Мандой, отправился в путь из гавани Цунтрапеза. Перед этим он ненадолго зашел в дом отца и, вспомнив одну слышанную в детстве сказку, решил, подобно герою этой сказки, сковать себе три железных кольца, чтобы заключить в них свое сердце, потому что он полагал, что это ему пригодится. Ведь от гнева его сердце так сильно стучало в его груди, что встречные оборачивались на него, пока он не надел свои железные кольца.

Сорок дней плыл корабль к острову по многочисленным дальним морям и, наконец, приплыл к острову, на котором жил Змеиный Князь с принцессой-тенью Незадолго до того, как они высадились на острове, Якоб полетел вперед на разведку. Таким образом, еще до того, как он ступил на остров, художник уже знал, что тень принцессы жила в небольшом замке, который был выстроен в долине между горой, на склонах которой рос виноград, и оливковой рощей. С полными чувственными губами и длинными кроваво-красными ногтями, она была прекрасна мрачной ослепительной красотой. До глубокого полдня она обычно спала и вообще, в отличие от своей светлой сестры, была чрезвычайно ленива, почти весь день она лежала на диване, курила много сладких сигарет, а ночью, как рассказывали в тех местах, выпив вина, она скрывалась внутри горы, где жил Змеиный Князь. С мужчинами же и юношами, которые прибывали на остров, чтобы ее освободить, происходили чудовищные вещи. Каждого из них встречала она очень приветливо. «Здравствуй, милый, — обычно говорила она, — чему я обязана твоим посещением?» Когда он отвечал, что прибыл, чтобы увезти ее с острова, она делала вид, что согласна. «Но, — так говорила она, — только в ночь, когда один год приходит на смену другому, могу я покинуть остров и последовать за тобой. До тех пор ос-

170

тавайся здесь у меня, и мы вместе проведем оставшееся время». И неразумные женихи оставались у нее, позволяли ей подавать сладости и лакомства и пили опьяняющие напитки. Ее мрачная красота днем делала их такими неразумными и слепыми, что они уже плохо соображали, что делают, а когда наступал вечер, она вела каждого в богатые спальные покои, натирала мазями и благовониями и обещала, что ляжет рядом и будет ласкать и целовать его всю ночь. Сама же клала в постель опьяненному и ослепленному страстью посланцу принцессы большую резиновую куклу, каких дают детям для игры, и кукла эта пищала, когда на нее нажимали. Но сама она исчезала и спешила к Змеиному Князю, где оставалась до утренней зари. Для посторонних было очень комично наблюдать, как бедный жених всю ночь лежал с резиновой куклой в руках, ласкал и целовал ее, разговаривал с ней и радовался каждый раз, когда она пищала, потому что принимал этот писк за слова любви и обещания. Так повторялось каждую ночь, в то время как днем темная принцесса становилась совсем другими существом. Она больше не бывала с ними приветливой и дружелюбной, напротив, бедняги должны были целый день заботиться только о том, чтобы исполнять все ее приказания. Она заставляла их натирать полы, запрягать карету, в которой она ехала развлекаться, в то время как они должны были без устали работать в саду, в пути же она обращалась с ними как со своими лакеями. Однако когда приходил срок, назначенный для возвращения домой, в ту самую ночь, когда один год сменяет другой, она никому неведомым способом превращала их в животных. Эти животные бродили по острову, влача самое жалкое существование, и никто не мог положить конец этому бесчинству, потому что велико было могущество старого хозяина горы. Змеиного Князя.

Например, один принц был превращен ею в петуха. До этого он был очень тщеславен, любил пышность и титулы и бегал за каждой юбкой. Ни одна девушка у него во дворце не чувствовала себя с ним в

безопасности. Теперь он был петухом, и как таковой он великолепно

171

кукарекал, заглядывал в чужие курятники, флиртовал там с курами и дрался с другими петухами, пока, наконец, жена бургомистра, не поймала его и не посадила в клетку. Она была женщиной строгих нравов, которая, будь ее воля, запретила бы спариваться даже комнатным мухам. Другой принц, очень юный, был превращен в собаку, вислоухую и пускающую слюни, и должен был в течение многих дней выть и скулить перед дверью замка, скрестись у порога и причитать так жалобно, что это могло бы растрогать камень, пока наконец не прибыла его старая мать и не увела его на веревке. Наконец, третьего принцесса-тень превратила в селезня, который непрестанно плавал по пруду, при этом он был так увлечен своим гоготанием, что ему было некогда искать корм, и он жил лишь парой хлебных крошек, которые иной раз из скуки бросала ему принцесса.

Так обстояли дела на острове. После того, как юный художник узнал об этом от Якоба, он поблагодарил Бога, что ему пришла в голову мысль о кольцах, в которые заключил он сердце, потому что иначе оно могло бы разорваться. Потом же он впал в глубокое раздумье и решил прежде всего ни в коем случае не жить у принцессы в замке, а также не брать ничего из ее кушаний и напитков. И он остался верен этому решению, хотя когда он предстал перед нею, ее мрачная сверкающая красота поразила его, и три кольца заскрипели — так сильно забилось его сердце от избытка чувств. Она была очень любезна с ним, пообещала, как и другим, что в ночь, когда один год сменяет другой, она вернется с ним домой, а затем предложила ему фрукты и напитки. Но он ничего не взял и заявил, что хотел бы подождать. Также отказался он от помещения в замке, отговорившись тем, что он для такой чести недостаточно важная персона, и снял небольшую хижину у моря, в которой вместе со своими друзьями ожидал назначенного срока и прилежно писал в это время картины.

Принцесса была удивлена и раздосадована его поведением, так как она не получала над ним никакой власти и не могла подействовать на него своими чарами. «Если он не идет ко мне, — подумала она, — то при-

172

дется мне самой пойти к нему», и, взяв с собой хозяйственную сумку, полную разных лакомств и опьяняющих напитков, отправилась вниз к его хижине. Но сколько она туда ни ходила, все было безуспешно. Правда, художник всегда был с нею любезен, и они много беседовали, но он не брал ничего из ее даров и не позволял ей придираться или поручать ему низкую работу, которую, по его словам, она и сама могла бы выполнить. Поначалу она, правда, делала такие попытки, но скоро заметила, что это не имеет результата, и только иногда проявлял он к ней внимание или делал какое-то одолжение как даме. При этом она, собственно, не была настоящей дамой, но художник не делал такого различия, во всяком случае, насколько это относилось к его поведению.

Так прошел год, и когда пришла ночь, в которую старый год прощается с новым, он пришел со своими птицами к замку за принцессой. У него было тревожно на душе, потому что он знал, что случалось в такие ночи с другими. Принцесса в прекрасном платье стояла в большой ярко освещенной зале своего замка и держала в руке чашу с прекрасными плодами. Она поклонилась ему и сказала: «Мой господин и повелитель. Я хочу пойти с тобой, так как это определено судьбой, но прежде, чем мы отправимся в путешествие, возьми эти плоды из моего сада, чтобы я видела, что ты ко мне расположен». Юный художник, однако, услышав предостережение Манды, которая заметила насмешливую улыбку на склоненном лице принцессы, вспомнил о судьбе своих предшественников и выбил правой рукой чашу из ее рук, так что она разбилась, а фрукты покатились по земле. В то время как принцесса побелела от гнева и ярости, рука художника, которой он коснулся чаши с плодами, стала вдруг менять свой вид и на ней начала расти свиная щетина. Тогда ворон положил на нее свое крыло, и вместо свиной ноги правая рука художника превратилась в воронье крыло. «Так жди теперь следующего года, дурак», — воскликнула принцесса и превратилась в серого волка, который выбежал из залы и побежал к горе, где было жилище Змеиного Князя. Однако Манда последовала за

173

ней, и так как она хорошо видела в темноте, то смогла лететь за волком по всем подземным коридорам, ведущим в покои князя.

Он восседал, как на троне, на огромном крабе с ужасными клещами, у его ног сидел отвратительный паук величиной с овчарку, а вместо колонн вытянулись живые змеи, издававшие жуткое шипение. Обратившаяся в волка принцесса с плачем бросилась к ногам Змеиного Князя и рассказала ему, как все случилось, но он схватил бич и бил ее до тех пор, пока не показалась кровь, а потом закричал ей: «Ты, потаскуха! **Не** давал ли я тебе все что пожелаешь, чтобы ты обманывала и соблазняла людей? Это золотое кольцо, которое ты носишь на правой руке, не моя ли награда за твою злобу? Какой опасности ты подвергаешь меня! Если здесь окажется тот, кто семь раз откажется от ядовитых плодов, превращающих людей в животных, то мне придется умереть. Постарайся же, жалкая девка, и принеси его в жертву на будущий год, и получишь золота сколько душе угодно».

Манда услышала достаточно и полетела обратно к маленькому домику у моря, где художник, у которого теперь вместо правой руки было воронье крыло, сидел вместе с Якобом и печально смотрел на море. Когда

они услышали рассказ Манды, у него снова появилась надежда и он решил остаться на острове. Правда рисовать ему теперь приходилось левой рукой, и дело шло не слишком успешно, хотя он и очень старался. Принцесса же из страха перед Змеиным Князем приходила к нему почти каждый день, и всякий раз на ней было новое изысканное платье, иногда она даже не надевала бюстгалтер, чтобы ее юная грудь была заметнее под одеждой. Приносила она и всевозможные лакомства, которые он по-прежнему отвергал и продолжал жить по-старому. Когда пришла следующая новогодняя ночь, случилось то же самое, только на этот раз он опрокинул чашу на землю левой рукой, и теперь левая рука превратилась в воронье крыло. Вновь обернулась принцесса волком и поспешила к Змеиному Князю, который ее жестоко избил, но когда она вернулась к себе и заснула, ей приснился следующий сон:

Она находилась в большом театре, на сцене которого сменяло друг друга все, относящееся мишуре и блеску нашей ярмарки тщеславия. Но все золото и все драгоценные камни, все жемчужины и бриллианты показались ей такими пустыми и ничтожными, что она покинула театр и пошла ночными улицами, пока не подошла к ограде. Она прошла в калитку, и встретила за оградой юного художника. Он показался ей таким прекрасным и привлекательным, что она без страха приблизилась к нему. Тут на нее вдруг напал волк, тот самый, в которого она сама превращалась по ночам. Но юноша бросился на зверя. Он боролся с ним, выколол ему глаза и, наконец, задушил. Таким образом она была спасена.

Когда наутро принцесса проснулась, у нее было очень легко на сердце, а придя днем в дом художника, она заметила, что ей приятно его видеть

С тех пор она начала меняться. В ней что-то произошло, и она стала помогать юноше в его работе, а временами она даже готова была вставать в девять часов утра и отправляться вниз к морю. Ему было теперь совсем плохо, юному художнику, потому что он не мог больше пользоваться обеими своими руками, не мог удержать карандаш, не мог двигать кистью. Несмотря на это, он не терял мужества. Кисть или карандаш он брал в рот и медленно двигая головой наносил линии на бумагу или на холст. Должно быть оттого, что он все время думал о принцессе, у него выходило только очень маленькое, почти кукольное личико девушки и открытая грудь, на которой вместо сосков он рисовал маленькие сердечки. Может быть, думал он про себя, это место, где женская природа является наиболее плодоносной, питающей и жертвенной, это место у его принцессы сильнее связано с сердцем, сильнее, чем с ее страстями. Очень неприлично, безжизненно и по-детски выглядели эти фигурки, и немногие, глядя на них, могли подозревать о его таланте.

Так шли годы. Каждый день принцесса спускалась к морю. Ее одежда стала проще и, благодаря этому, благороднее и элегантнее, ее ногти больше не были такими кроваво-красными, и иногда даже видели, как она

174

помогает художнику прибирать его жилище. Чаще играла она на берегу с маленькой деревенской девочкой, а ее радостные крики в время охоты доносились до художника, в котором все больше становился вороньего Каждую новогоднюю ночь стояла она перед ним со своей чашей. На третий год он опрокинул чашу левой ногой, на четвертый — правой, и обе его ноги превратились в вороньи лапы. На пятый год он оттолкнул чашу бедром, а на шестой — плечом. Каждый раз ворон не позволял ему стать жирной свиньей и давал свое собственное обличье, так что на седьмой год только голова художника оставалась человеческой.

Однако, в то время как художник превращался в ворона, менялась и принцесса. С каждым годом ей становилось все труднее принимать волчье обличье, и ее человеческая натура держалось все крепче. А так как Змеиный Князь имел власть только над ее волчьей сущностью, он постепенно утрачивал свое влияние на нее. Все злее и страшнее неистовствовал он в своей пещере и от злости рвал волосы из своей бороды.

В далеком Цунтрапезе тоже происходили удивительные вещи. Что касается королевской дочери, то она перестала приводить в порядок ворсинки на коврах, не мыла так часто руки, а понюхав их как-то, нашла, что не чувствует отвращения, так что она даже решилась уменьшить употребление духов. Бесспорно, что от этого очень выиграла государственная казна. Она также перестала быть такой уступчивой и однажды даже осмелилась возразить своему отцу, королю, о чем, конечно, на следующий день с плохо скрываемой радостью напечатали в своих сообщениях все городские газеты.

Когда наконец наступила седьмая новогодняя ночь, художник вновь стоял перед принцессой и с тревогой смотрел на чашу с плодами в ее руках. На этот раз случилось так, что сомнения овладели его сердцем и мужество покинуло его. Его разум говорил ему, что освобождение принцессы не единственное дело на земле и что он напрасно потерял свой человеческий облик, и, не находя ответа на свои тяжелые сомнения, он почувствовал себя одиноким, как никогда прежде. Однако

175

было в нем нечто такое, что было сильнее его самого и что заставило его поднять голову и из всех сил ударить ею по чаше. И тут же он полностью потерял свой человеческий вид и стал вороном. Но в тот же миг, когда его человеческое лицо превратилось в воронье, обрушилась гора, и темный Змеиный Князь встретил свою смерть. В гавани же оказался корабль с поднятыми парусами, на который поднялась принцесса, чтобы отправиться домой. Вокруг мачт корабля кружились три птицы и сопровождали его почти до побережья Цунтрапеза. Там царила великая радость и звучали все колокола по случаю возвращения темной принцессы,

а когда обе они обнялись при встрече, темная и светлая, то снова слились в одну, и безжизненная модная кукла стала настоящей молодой девушкой. Корабль при этом (что можно отнести к многочисленным чудесам этой истории) вместо сорока дней плыл только четыре.

А в хижине художника сидели в это время на спинке стула три птицы. Якоб спал, однако ворон, который прежде был художником, не мог спать, не спала и Манда, потому что у сов принято бодрствовать по ночам. «Почему же, — с тоской произнес художник, — Бог допустил, чтобы я стал вороном? Ведь я справился со своей задачей. Разве я вел себя недостойно, а сердце мое не чисто?» Манда захлопала глазами и после небольшой паузы ответила: «Я думаю, ты действовал против природы любви. Принцесса полюбила тебя, а ты ее, и несмотря на это ты отвергал ее и ее дары, хотя все это тебе не раз предлагалось. Это бесчеловечно, и поэтому ты теперь стал вороном». Задумался художник. «Если бы я принял их, то теперь был бы свиньей». «Это так, — сказала Манда, — у людей всегда оказывается так, что в известных случаях не остается ничего другого, как стать свиньей или вороном».

Как раз при этих ее словах распахнулась дверь и на пороге стояла принцесса. Волосы ее были не причесаны, а руки пахли землей и даже немного навозом, потому что она пришла из своего сада, где работала, чтобы вновь сделать землю плодородной. Однако художнику она понравилась еще больше, чем прежде. Она стояла перед ним, и когда увидела его в обличье ворона, то по-

176ч

увствовала в своем сердце что-то такое, чего она никогда прежде не знала и что люди называют жалостью или состраданием. Это чувство было таким острым, что пересилило ее болезненную гордость, и она заплакала. И эти слезы, которые упали на вороньи перья, вновь превратили ворона в человека, так что они все были счастливы, и картины, которые он после этого писал, стали еще прекраснее. Удивительным образом в то же мгновение нашлась давно потерянная А из имени Ман-ды. Она застряла под той половицей, которую художник теперь в своем сердце поднял, и никто не знал, как она туда попала. И никто не радовался этому больше, чем сама «А»манда.

При попытке толкования этого рассказа здесь мы можем коснуться только основного хода событий, не входя в многочисленные детали. Совершенно очевидно, что речь идет о проблеме тени. В психологии К. Г. Юнга под тенью понимают персонификацию того внутреннего содержания, которое в продолжение нашей жизни ощущается как неполноценное или злое и вследствие этого не допускается в сознание, вытесняется или отбрасывается. Что касается коллективного аспекта, по «тень символизирует темные глубины общечеловеческого: присущее от рождения любому человеку стремление к темному и низшему»[8]. В нашей сказке тень представлена Змеиным Князем, и связана с проблемой рассказчика, хорошо различимой уже во многих предшествующих поколениях. Действительно, в семье этого человека уже в поколении родителей и дедов осуществлялось характерное для той эпохи сильное табуирование сексуальности и агрессивности. Благодаря этому значительная часть невостребованной витальности была вытеснена в бессознательное. С психологической точки зрения, принцесса в качестве женского аспекта рассказчика выражает его чувственную сторону, которая в связи с этими обстоятельствами уже с детства была значительно искажена. Из-за того, что все темные чувства выпали в бессознательную область тени, его чувственный мир оказался разрушенным, и возник тот стерильный порядок, который ведет к бесплодности и пустоте. В сказке обнаруживается

**178**

путь к разрешению этой проблематики. Фигура художника воплощает новую художественную сторону, которая была еле заметна в этом, в основном рационально ориентированном, мужчине. Излечение может прийти только от этого персонажа, с простотой и достоинством служащего образам (Gestaltungen), всплывающим из бессознательного. Пассивность героя-художника, сила которого заключается преимущественно в терпении и перенесении страданий от превосходящей силы, соответствует предстоящей индивидуации второй половины жизни. Начавшийся в ходе анализа путь к ней состоит в постижении своей собственной темноты, которое он переживает в морском путешествии, означающем погружение в бессознательное. Он должен суметь перенести все то, что лежит в темной глубине его существа, должен овладеть всем этим и тем самым претерпеть метаморфозу. Это изменение представлено постепенным потемнением и переходом в анимистическую область. Это означает, что Я временно поглощается миром темных негативных идей. Этот темный мир символизируют обе птицы-помощницы, а их способность летать говорит о причастности к миру фантазии. Будучи совой и черным вороном, они относятся, с одной стороны, к ночной и темной стороне жизни, с другой же стороны, это птицы мудрости. Мудрость, однако, достигается только тем, кто глубоко постиг и темную сторону людского.

ПРИМЕЧАНИЯ

**Сказка и сновидение**

1. Deutsche Marchen seit Grimm. Hrsg. Von P. Zaunert.
2. Nordische Volksmarchen. Hrsg. Von F. v. d. Leyen und P. Zaunert.
3. Es war einmal. Marchen der Volker. Hrsg. Von S. v. Massenbach.

4. Inselmarchen des Mittelmeeres. Hrsg. Von F. Karlinger.
5. C. *G. Jung.* Ober psychische Energetik und das Wesen der Traume.
6. *M.-L. v. Fran-г..* Bei der schwarzen Frau.
7. *H. v. Belt.* Das Marchen.
8. *V.-L. v. Franz.* Bei der schwarzen Frau.
9. *W. Laiblin.* Der wilde Mann und dergoldene Vogel. 10 *A. Jaffe.* Bilder-Synbole aus E. T A. Hoffmann Marchen «Der goldene Topf».
11. *B. Bettelheim.* Kinder brauchen Marchen.
12. *V. Kast.* Marchen als Therapie.
13. Reihe «Weisheit im Marchen».
14. *H. Dieckmann.* Der blaue Vogel.
15. Kinder- und Hausmarchen.
16. *F. v. d. Leyen.* Die Welt der Marchen.
17. Pantschatantra.
18. Das Papageienbuch.
19. *C. G. Jung.* Die Lebenswende; vgl. auch: *H. Dieckmann.* Pro-bleme der Lebensmitte.
20. *E. Jung.* Ein Beitrag zum Problem des Animus.
21. *H. Dieckmann.* Probleme der Lebensmitte.
22. *M. Liithi.* Das europaische Volksmcirchen.
23. *Apuleius.* Amor und Psyche.
24. C. *G. Jung.* Psychologische Typen.
25. Обстоятельное толкование этой сказки, которое я здесь вкратце излагаю, можно найти в книге X. фон Байта «Символика сказки», т. 1, с. 337 и след.).
26. Можно было бы исходить из того, что этот тип сказки о короле и его трех сыновьях особенно плодотворен для проблемы определения типов. Однако, к сожалению, это предположение обманчиво, и попытка связать сказку с психологическими функцио-нальными типами чрезвычайно трудна и многообразна. Вопрос

180

о том, какой из четырех функций соответствует герой сказки, остается открытым. То же относится к классификации типов, так как редко можно говорить о чисто интровертном или экстравертном герое, поскольку последний на своем пути проходит фазы как интроверсии, так и экстраверсии. В выбранной нами сказке младший сын должен, оставаясь на месте, спускаться под землю, в то время как его братья для решения задачи могут отправиться на Запад и Восток. Из этого можно было заключить, что он интроверт. Но, с другой стороны, когда он выносит на поверхность подаренные жабой сокровища, ковер, кольцо и невесту, одерживая тем са-мым победу над братьями, он действует как экстраверт. Ни его образ действий, ни символика не позволяют отнести его к тому или иному функциональному типу. Можно было бы согласиться с тем, что его *мышление* неразвито, почему его и считают дураком; и действительно, относительно его мышления мы ничего не знаем: он печально сидит рядом со своим упавшим на землю пером *(ощущение).* Он видит дверь, которая ведет в жабью нору *(чувство)* и, наконец, превращение обыкновенной репы в карету с принцессой предполагает наличие *интуиции.* Правда, его братья полагают, что ничего стоящего дураку не добыть, и не предпринимают никаких усилий для достижения ценности, но на деле именно их мышление оказывается неполноценным, и они не становятся умнее после очередного своего поражения. Таким образом можно склониться к тому, чтобы лучшее мышление, специально не упоминая об этом, приписать именно дураку. По моему мнению, в данной сказке остается полностью открытым вопрос о том, какая из функций с помощью героя привносится в сознание, и сказка, собственно, только обозначает основные проблемы развития недоразвитой функций.

Трудность соотнесения сказочного героя с определенной функцией не является правилом, так как немало сказок, в которых это ясно обозначено. В подробно рассмотренном мной восточном цикле «Истории носильщика и трех дам» герой истории второго слепого нищего соответствует мыслительному типу (X. Дикманн. Индивидуация в сказках из сборника «Тысяча и одна ночь»). Он должен, согласно моей интерпретации, сопоставить развитие своей вспомогательной функции чувства со своим не-дифференцированным ощущением, функцией, при интеграции которой он в конце концов терпит крушение. Таким образом, сама сказка позволяет открыть нечто новое относительно проблемы дифференциации типов, и что в некоторых случаях может со-ответствовать человеку, который выбирает определенную сказку, к чему я еще вернусь в главе о любимой сказке. Более подробно

181

я исследую эту проблему в другой своей работе *(H. Dieckmann.* Typologischen Aspekte im Lieblingsmarchen).

27. Altagyptische Marchen. Hrsg. von F. v. d. Leyen.

Только ли для детей предназначены сказки?

1. *E. Casslrer.* Philosophic der symbolise hen Formen.
2. *W. Pauli.* Der Einfluss archetypischer \brstellungen auf die Bildung naturwissenschaftlicher Theorien bei Kepler.
3. GEO - Wissen Nr. 2. v. 7. 5. 1990.
4. *W. Hauff.* Samtliche Wferke.
5. *W. Keller.* Und die Bibel hat doch recht.
6. *H. Traxler.* Die W^rheit fiber Hansel und GreteL
7. *D. Chaplin.* Das arztliche Denken der Hindu.
8. Kinder- und Hausmarchen. Hrsg. von F. v. d. Leyen.
9. *F. Schiller.* **Die** Wsltweisen.
10. *M. Luthi.* Das europaische \folksmarchen.
11. Nordamerikanische Indianermarchen. Hrsg. von G. A. Konitzky.
12. Russische 'Volksmarchen. Hrsg. von F. v. d. Leyen.
13. *R. A. Spitz.* Die Entstehung der ersten Objektbeziehungen.
14. *L. Levy-Bruhl.* Die geistige Wfelt der Primitiven.

Сказочные мотивы в сновидениях и фантазиях

1. *S. Freud.* Marchenstofie in Traumen.
2. 0. *Rank.* Das Inzestmotiv in Dichtung und Sage.
3. C. *G. Jung.* Psychologische Typen.
4. Kinder- und Hausmarchen. Hrsg. von F. *ч.* d. Leyen.

5. Siidamerikanische Indianermarchen. Hrsg. von Th. Koch-Griinberg.
6. *K. Rasmussen.* Die Gabe des Adiers.
7. *L. Levy-Bruhl.* Die geistige Welt der Primitiven.
8. Andersens samtliche Marchen.
9. *F. de la Molte Fouque.* Undine.
10. *W.* К *Evans-Wentz.* Das tibetanische Buch der grossen Befreiung.
11. *E. Hording.* Das Geheimnis der Seele.
12. *M.-L. V. Front.* Das Bose im Marchen.
13. Andersens samtliche Marchen.
14. Deutsche Marchen aus dem Donauland. Hrsg. von P. Zaunert.
15. *J. L. Borges.* Einhorn, Sphinx und Salamander.
16. Deutsche Marchen aus dem Donauland. Hrsg. von R Zaunert.

182
17. *H. Dieckmann.* Individuation im Marchen aus 1001-Nacht.
18. Homers Odyssee.

Любимая сказка из детства

1. C. *G. Jung.* Psychologische Typen.
2. *Я. Dieckmann.* Typologische Aspekte im Lieblingsmarchen
3. *J. Gebser.* Ursprung und Gegenwart.
4. *E. Neumann.* Das Kind.
5. *H. Dieckmann.* Magie und Mythos im menschlichen Unbewussten.
6. Andersens samtliche Marchen.
7. *E. Jung.* **Die** Anima als Naturwesen.
8. *J. W. v. Goethe.* Der Fischer.
9. *W. Hauff.* Samtliche Werke. Bd. 4.
10. C. *G. Jung.* Psychologische Typen.
11. *H. Dieckmann.* Das Lieblingsmarchen der Kindheit als thera-peutischer Faktor in der Analyse.
12. *G. Adier.* Methods of Treatment in Analytical Psychology
13. *C. G. Jung.* **Die** transzendente Funktion.
14. *Я. Dieckmann.* Komplexe und ihre Bedeutung in Diagnostik und Therapie.
15. *W. Hauff.* Samtliche Werke. Bd. 4.
16. *Я. Dieckmann.* Typologische Aspekte im Lieblingsmarchen.
17. *0. Graf Wittgenstein.* Das Reifungserleben im Marchen.

Идентификация с героем или героиней сказки

1. *U. Baumgardt.* Konig Drosselbart und C. G. Jungs Frauenbild.
2. *R. Blomeyer.* Symbole. Einstellungen — Definitionen — Wirkun-gen.
3. *J, Hillman.* Selbstmord und seelische Wandlung.
4. *V. Kast.* Weibliche Werte im Umbruch.
5. *Я. Dieckmann.* Dogma und freier Geist.
6. *M. -L. v. Franz.* Bei der schwarzen Frau.
7. *Я.* v. *Beit.* Symbol ik des Marchens.
8. *E. Jung.* Ein Beitrag zum Problem des Animus.
9. Danische \blksmarchen.
10. Schwedische Volksmarchen.
11. Данный случай, в несколько измененном виде, я уже представил в Praxis der Psychotherapie. Bd. XIX. S. 27—37
12. *E. Neumann.* Umkreisung der Mitte.
13. *W. Alex.* Depression in Women.
14. *E. Jung.* Der Grossinquisitor. Ein Beitrag zum Archetyp des Grossen Vaters.

183

15. *E. Berne.* Spiele der Erwachsenen.
16. *Я. Dieckmann.* Das Lieblingsmarchen der Kindheit als therapeutischer Faktor der Analyse.

Жестокость в сказке

1. Altagyptische Marchen.
2. Kinder- und Hausmarchen. Hrsg. von F. v. d. Leyen. 3 /. *£iU.* Marchengeschehen und Reifungsvorgange iinter tiefenpsychologischen Gesichtspunkten.
4. *M. Eliade.* Schamanismus und archaische Ekstasetechnik.
5. *C. G. Jung.* Die Visionen des Zosimus.
*6. H. Dieckmann.* Der Wert des Marchens fur die seelische Entwicklung des Kindes.
7. *H. Dieckmann.* Marchen und Traume als Heifer des Menschen.
8. Russische Volksmarchen.
9. Japanische Marchen. Hrsg. von F. v. d. Leyen.
10. Franzosische Volksmarchen. Hrsg. von F. v. d. Leyen und P. Zaunert.
11. Deutsche Marchen aus dem Donauland. Hrsg. von F. v. d. Leyen und P. Zaunert.
12. *H. v. Belt.* Symbolik des Marchens.
13. *E. Neumann.* Das Kind.
14. *A. I. Allenby.* Angels as Archetype and Symbol.
15. *E. Jung.* Ein Beitrag zum Problem des Animus.

16. *H. v. Belt.* Symbolik des Marchens.
17. *J. Hillman.* Selbstmord und seelische Wandlung.
18. *К. Lorenz.* Ober tierisches und menschliches Verhalten.
19. *К. Lorenz.* Das sogenannte Bose.
20. *G. Adier.* The Living Symbol.

Сказка как возможность формирования структуры в процессе эмоционального развития

1. *J. Jacobi.* Das Religiose in den Malereien von seelisch Leidenden.
2. С. *G. Jung.* Mysterium Coniunctionis. Bd. 2. Ges. Werke. Bd. 14/2.
3. С. *A. Meler.* Antike Inkubation und moderne Psychotherapie.
4. Я. *Dieckmann.* Individuation in Marchen aus 1001-Nacht.
5. *M.-L. v. Franz.* Die Visionen des Nikolaus von Flue.
6. Я. v. *Beit.* Das Marchen.
7. С. *G. Jung.* Symbole der Wandlung.
8. /. *Jacobi.* **Die** Psychologie von C. G. Jung.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

G. Adier. The Living Symbol. Routledge and Kegan, London, 1961.

G. Adier. «Methods of Treatment in Analytical Psychology», in:

Psychoanalytic Techniques. Hrsg. v. B. B. Wolman, Basic Books Inc., 1967.

W. Alex. Depression in Women. Professional Reports. 16th Annual Joint Conference of the Societies of Jungian Analysts of Northern and Southern California, 1968.

A. I Allenby. «Angels as Archetype and Symbol», in: **Der** Archetyp. Verhandlungen des 2. internationalen Kongresses fur Analytische Psychologie 1964, Basel—New York.

Altagyptische Marchen. Ubertr. u. bearb. v. E. Brunner-Traut. Hrsg. v. F. v. d. Leyen, Dusseldorf—Koln 1963.

H. C. Andersen. Gesammelte Marchen. Manesse Bibliothek der Weltliteratur, Band 1. **Hrsg.** v. **F.** Storrer-Madelung, Zurich o. J.

Apuleius, Amor und Psyche. Mit einem Kommentar von E. Neumann, Zurich, 1951.

U. Baumgardt. Konig Drosselbart und C. G. Jungs Frauenbild. Kritische Gedanken zu Anima und Animus, Olten und Freiburg 1987.

H. v. Beit. Symbolik des Marchens, Bd. 1—3, 2. verb. Aufl., Bern 1960.

H. v. Beit. Das Marchen, Bern 1965.

E. Berne. Spiele der Erwachsenen, Reinbek 1967.

B. Bettelheim. Kinder brauchen Marchen, Stuttgart 1977.

J. Bilz. «Marchengeschehen und Reifungsvorgange unter tiefenpsychologischen Gesichtspunkten», in: Buhler-Bilz. Das Marchen und die Phantasie des Kindes, Munchen 1961.

R. Blomeyer. «Symbole: Einstellungen — Definitionen — Wirkun-gen», in: Analytische Psychologie 7/1. Basel 1976.

Jorge Luis Borges. Einhom, Sphinx und Salamander, Munchen 1964.

E. Cassirer. Philosophic der symbolischen Formen, Berlin 1923—1929.

D. Chaplin. Das artzliche Denken der Hindu, Leipzig 1930. Danische Volksmarchen. Hrsg. v. Laurits Bodker, Dusseldorf—Koln1964.

Deutsche Marchen aus dem Donauland. Hrsg. v. P. Zaunert, Dusseldorf-Koln 1958.

185

Deutsche Marchen seit Grimm. Hrsg. v. P. Zaunert, Dusseldorf— Koln 1964.

H. Dieckrnann. Marchen und Traume als Heifer des Menschen, Stuttgart 1966.

H. Dieckrnann. «Der Wert des Marchens fur die seelische Entwicklung des Kindes», in: Praxis der Kinderpsychologie und Kindeфsychiatrie, Heft 2/1966.

H. Dieckrnann. Probleme der Lebensmittel. Stuttgart 1968. H. Dieckrnann. «Das Lieblingsmarchen der Kindheit als therapeutischer Faktor in der Analyse», in: Praxis der Kinderpsychologie und Kinderpsychiatrie, 17. Jg., H. 8/1968.

H. Dieckmann. «Magic und Mythos im menschlichen UnbewuBten», in. Wege zum Menschen, 21. Jg., H. 6/Juni 1969.

H. Dieckmann. Individuation in Marchen aus 1001-Nacht, Stuttgart 1974.

H. Dieckmann. «Typologische Aspekte im Lieblingsmarchen», in:

Analytische Psychologie 6/1975.

H. Dieckmenn. Der blaue \bgel. Reihe «Weisheit im Marchen», Zurich 1986.

H. Dieckmann. Komplexe und ihre Bedeutung in Diagnostik und Therapie, Heidelberg 1990.

H. Diecmkann. «Dogma und freier Geist. Uberlegungen zum sogenannten System der Analytischen Psychologie C. G. Jungs». Unveroffentlichter Vortrag auf der Friihjahrstagung der Deutschen Gesellschaft fiir Analytische Psychologie in Bad Schwalbach, Marz 1990.

M. Eliade. Schamanismus und archaische Ekstasetechnik, Zurich 1956.

Es war einmal. Marchen der Volker. Hrsg. v. Sigrid v. Massenbach, Baden-Baden 1958.

W. Y. Evans-Wentz. **Das** tibetanische Buch der grofien Befreiung, Munchen 1955.

M.-L. v. Franz. Die Visionen des Nicolaus von Fliie. Studien aus dem C. G. Jung-Institut, Zurich 1969.

M.-L. v. Franz. «Bei der schwarzen Frau. Studien zur analitischen Psychologie C. G. Jungs», in: Festschrift zum 80. Geburtstag von C. G. Jung, Zurich 1955.

V.-L. v. Franz. Das Bose im Marchen. Studien aus dem C. G. Jung-Institut, Zurich **XIII,** Zurich 1961.

Franzosische Volksmarchen. (Marchen der Wfeltliteratur. Hrsg. von F. v. d. Leyen/P. Zaunert), Jena 1923.

S. Freud. Marchenstoffe in Traumen. Ges. Werke, in Einzelbanden Bd. 10, London 1946, Frankfurt/Main.

J. Gebser. Ursprung und Gegenwart, Stuttgart 1953.

186

GEO-Wissen Nr. 2 vom 7. 5. 1990.

J. W. v. Coethe. Der Fischer. Propylaen-Ausgabe-Goethes samtl. Wfcrke, Bd. 3. Propylaen-\ferlag, Berlin o. J.

E. Harding. Das Geheimnis der Seele, Zurich 1948.

W. Hauff. Samtliche Werke, Gera 1896.

J. Hillman. Selbstmord und seelische Wandlung, Zurich 1966.

J. Hillman. «Anima», in. Spring, Dallas 1973.

Homers Odyssee. Nach der ersten Ausgabe von J. Hoss, Stuttgart und Berlin o. J.

Inselmarchen des Mittelmeeres. Hrsg. v. Felix Karlinger, Dusseldorf-Koln 1960.
J. Jacobi. Die Psychologie von C. G. Jung, Zurich 1957.
J. Jacobi. «Das Religiose in den Malereien von seelisch Leidengen», in. Neurose und Religion. Hrsg. von J. Rudin, Olter und Freiburg o. J.
A. Jaffe. Bilder — Symbole aus E. T. A. Hoffmanns Marchen «Der goldene Topf». Psychologische Abhandlungen, Bd. VII, Zurich 1950, Neuausgabe: Hildesheim 1978.
Japanische Marchen (Marchen der Weltliteratur. Hrsg. v. d. Leyen), Dusseldorf—Koln 1964.
C. G. Jung. «Die Lebenswende», in: Seelenprobleme der Gegenwart, Zurich 1931.
C. G. Jung. Uber psychische Energetik und das Wesen der Traume. Allgemeine Gesichtspunkte zur Psychologie des Traumes, Zurich 1948.
C. G. Jung. «Die Visionen des Zosimus», in. Psychologische Abhandlungen, Bd. 9, Zurich 1954.
C. G. Jung. Psychologische Typen. Ges. Werke, Bd. 6., Zurich 1960.
C. G. Jung. Die transzendente Funktion. Ges. Werke, Bd. 8: Die Dynamik des UnbewuBten, Zurich 1967.
C. G. Jung. Mysterium Conjunctionis, Bd. 2, Ges. Werke, Bd. 14/2, Zurich 1968.
C. G. Jung. Symbole der Wandlung. Ges. Werke, **Bd** 5, Olten und Freiburg 1973.
E. Jung. **Die** Anima als Naturwesen. Studien **zur** Analytischen Psychologie C. G. Jungs. Festschrift zum 80. Geburtstag von C. G. Jung, Bd. 2., Zurich 1955.
E. Jung. «Der GroBinquisitor. Ein Beitrag zum Archetyp des groBen Vaters», in: Zeitschrift fur Analytische Psychologie und ihre Grenzgebiete 2/2, Berlin 1971.
V. Kast. «Weibliche Werte im Umbruch—Konsequenzen fur die Partnerschaft», in: Analytische Psychologie 10/2, Basel 1979.
V. Kast. Marchen als Therapie, Olten und Freiburg 1986.
W. Keller. Und die Bibel hat doch recht, Dusseldorf 1955.
Kinder- und Hausmarchen. Gesammelt durch die Gerb. Grimm. Hrsg. v. F. v. d. Leyen, Jena 1927.

187
W. Laiblin. «Der wilde Mann», in: Almanach 1960, Stuttgart.
W. Laiblin. «Dergoldene Vogel», in: Almanach 1961, Stuttgart.
L. Levy-Bruhl. Die geistige Welt der der Primitiven, Dusseldorf— Koln 1959.
F. v. d. Leyen. Die Welt der Marchen, Dusseldorf 1953.
K. Lorenz. Das sogenannte Bose. Wien 1963.
K. Lorenz. Uber tierisches und menschliches Verhalten, **Bd.** 2, Munchen 1965.
M. Liithi. Das europaische Volksmarchen, Bern 1947.
C. A. Meier. Antike Inkubation und moderne Psychotherapie, Zurich 1949.
E. Neumann. Umkreisung der Mitte, Zurich 1953.
E. Neumann. Das Kind, Zurich 1963.
Nordamerikanische Indianermarchen. Hrsg. v. G. A. Konitzky, Dusseldorf-Koln 1963.
Nordische Volksmarchen, Bd. 1. Hrsg. v. Fr. v. d. Leyen/P. Zaunert, Jena 1922.
Pantschatantra. Hrsg. und libers, v. L. Alsdorf, Bergen **II** 1952.
Das Papageienbuch. Ubertragung von J. Hertel, Dusseldorf 1959.
W. Pauli. Der Einfluss archetypischer Vorstellungen aufdie Bildung naturwissenschafllicher Theorien bei Kepler. Studien aus dem C. G. Jung-Institut, Bd. 4, Zurich 1952.
0. Rank. **Das** Inzestmotiv in Dichtung und Sage, Leipzig-Wien 1926.
K. Rasmussen. Die Gabe des Adiers. Eskimo-Marchen aus Alaska. Ubers. Und bearb. v. A. Schmucke, Frankfurt/Main 1937.
Reihe «Weisheit im Marchen», Zurich.
Russische Volksmarchen. Ubers. v. A. v. Lowis of Menar. Hrsg. v. F. v. d. Leyen, Dusseldorf—Koln 1959.
F. Schiller. Die Weltweisen. Samtl. Werke, 1. Band, Berlin o. J.
Schwedische Volksmarchen. Hrsg. u. ubers. v. Kurt Schier, Dusseldorf—Koln 1971.
R. A. Spitz. **Die** Entstehung der ersten Objektbeziehungen, Stuttgart 1960.
Sudamerikanische Indianermarchen. Hrsg. v. Th. Koch-Griinberg, Jena 1921.
H. Traxler. Die Wahrheit uber Hansel und Gretel, Frankfurt/Main 1963.
0. Graf Wittgenstein. «Das Reifungserleben im Marchen», in: Das Kraftfeld des Menschen und Forschers Gustav Richard Heyer.

**Приложение** Ханс Дикманн

# «МЕТОДЫ АНАЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ» (Главы из книги)** Перевод с английского Валерия Зеленского.

Предуведомление переводчика

В начале девяностых годов я был приглашен Берлинским психоаналитическим обществом посетить аналитическую общину Западного Берлина и прочесть лекцию «Перестройка в СССР глазами психолога». Таким образом, я провел чудесную неделю в обществе Ханса Дикманна и его супруги Уты, также юнгианского аналитика, любезно приютивших меня в своем доме на Шютцалле. Тогда же Дикманн подарил мне и экземпляры публикуемых здесь работ. По возвращении в Россию я использовал его книгу «Методы аналитической психологии* при подготовке своих лекций, а также в качестве пособия для совершенствования собственной аналитической техники. Предлагаемый здесь читателю материал представляет перевод нескольких глав из этой замечательной книги, необходимой всякому, кто всерьез интересуется аналитической психологией.

*Валерий Зеленский июнь 1999 г.*

## ВВЕДЕНИЕ

В данном случае речь пойдет только об индивидуальном анализе взрослых. На сегодня существует также детский анализ, групповой, семейный и терапия пар. Данный материал можно рассматривать как

вводный, снабжающий начинающего аналитика, практикующего психотерапевта, «базисными» материалами, с которыми они сталкиваются в каждом анализе. Иначе это можно назвать «сущностной» основой анализа. Не существует сколько нибудь долгого и глубоко идущего анализа, ведущего к индивидуации, который, в той или иной форме, не затронул бы проблем, предложенных в вышеуказанных главах.

Но эти проблемы нельзя рассматривать догматически, это не фиксированная система правил, но каждый раз личная позиция аналитика. Для свободного раскрытия той или иной личности не существует каких-то заранее предписанных, фиксированных указаний или рецептов. В контрпереносе аналитик должен сосредоточиться на собственной личности как субъективном факторе с его собственной индивидуальной специфичностью в лечении. Таким образом, каждый процесс индивидуации определяется во многом как личностью аналитика, так и трудностями и проблемами анализанда.

В сегодняшней глубинной психологии все больше доминирует позиция близкая юнговской, а именно, невротические болезни возникают не только под воздействием инфантильных начал, коренящихся в детстве, но также и из текущих конфликтов, в которых пациент обнаруживает себя. Иначе говоря, от своего отношения к обществу и собственной истории, в которой пациент живет и трудится. Юнг же был одним из первых, кто указал на то, что множество людей страдают от неврозов и психозов, главным образом, не из-за того, что тот или иной уровень сознания социальной группы, окружающей их, не подходит им, а

192

скорее, становятся больными именно потому, что нуждаются в более широком и более понимающем сознании и оказываются неспособными прорваться к нему (понимающему сознанию). На этом фоне я склонен выделить не только само невротическое пространство, саму болезнь, патологию и инфантильные элементы в аналитической работе с пациентами, но подчеркнуть также и наличие архетипической области, сферы здорового ребенка, внутри которой вынашиваются будущие синтетические возможности развития и зрелости, вычленяющиеся по ходу «пьесы» из бессознательной сферы психического. Эта точка зрения в последние десятилетия сделалась общепринятой в среде неоаналитических психологов, включая и такие общеизвестные фигуры, как Эрих Фромм и Карен Хорни. Разумеется, дело не идет настолько, чтобы заявлять, что спасение мира и лечение болезни должно ожидаться исключительно от изменения социальных условий, так как каждое общество, в конечном итоге, состоит из индивидов, а больные индивиды не могут привести к здоровому обществу.

Здесь речь идет, по моему глубокому убеждению, о диалектическом процессе, в котором мы не можем односторонне опираться либо на изменения в индивидуации индивида, либо на изменения в индивидуации общества. Обе стороны обусловливают друг друга, и мы не можем выбирать только одну, а должны работать на обоих полюсах этого диалектического процесса. Очень характерно, что Юнг поместил поиск индивидуального смысла, основания веры и саму задачу в этой жизни в фокус индивидуации. С одной стороны, вопрос смысла не может иметь коллективного ответа — скорее, каждый индивид должен обнаружить личностное чувство смысла и задачи в жизни внутри него самого. А с другой стороны, также необходимо жить в обществе, которое все это делает возможным, и—с практической точки зрения — позволяет индивиду обрести собственный смысл и жизненное назначение. Мы можем только печалиться по поводу того, как в действительности мало общество делает в этом направлении в нашем перенаселенном мире, где упор делается на пользе, признании, амбиции и гедонизме. Соответственно, методология, которая искрен-

193

не нацелена на индивидуацию, ни в коем случае не должна вести индивида к приспособлению к этим угрожающим теневым сторонам нашей современной системы цивилизации.

Две темы, относящиеся к фундаментальным проблемам анализа не рассматриваются здесь в отдельных главах. В книге, посвященной методам читатель вправе увидеть отдельную главу о сопротивлении и познакомиться с тем, что называют «проработкой» («working through»). Вопрос сопротивления возникает в каждой главе, поэтому отдельная глава свелась бы к резюме ссылок и размышлений, приводимых в других главах. То же самое может быть сказано и о «проработке», которая в действительности есть предварительное условие для всей интенсивной аналитической работы. Повторяющееся обхождение, старающееся привести бессознательный символизм в сознание и ухватить смысл, охватывает и описывает сам процесс проработки. Конечно, как уже упоминал выше, я не рассматриваю индивидуальную проблему исчерпывающим образом, а скорее, выбираю отдельные аспекты некоторых тем, которые кажутся особо значимыми на практике

194

**Глава 1**

## ПРОБЛЕМА МЕТОДА И ТЕХНИКИ В АНАЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

В противовес психоанализу Фрейда, в котором с самого начала и по настоящий день проявляется

интенсивный и подробный интерес к вопросам и проблемам аналитической техники и метода, существует очень мало работ в области аналитической психологии, посвященных исключительно этим темам, хотя Юнг довольно рано указывал на их важность*. Весьма упрощенно фрейдовский анализ исходит из положения, что в самой аналитической процедуре заложен фундаментально правильный оптимальный метод, в котором раскрываются поведение и переживание как аналитика, так и пациента, о чем и сообщается пациенту в начале лечения в виде набора инструкций или правил. Любые отклонения или несоблюдения этих правил рассматриваются как сопротивление или отреагирование и в соответствующее время истолковываются пациенту Среди основных правил «классической аналитической техники» Райкрофт (1968), к примеру, приводит следующие: пять сессий в неделю, использование кушетки, воздержание от дачи совета, запрещение использования медикаментов и вмешательства в жизненный сценарий пациента наряду с абсолютным требованием метода свободных ассоциаций и ограничением обращений аналитика к интерпретациям.

Шульц-Генке (Schultz-Hencke 1970), основатель неоаналитической школы в Германии, дает весьма дифференцированные, точные и ясные указания, связанные с правильной аналитической техникой в своем учебнике ана-

*** См.,** например: *К. Г. Юнг.* Психология бессознательного. М., 1995 (здесь и далее примеч. переводчика).

195

лиза. В формировании так называемого терапевтического соглашения в начале лечения Шульц-Генке упоминает, одиннадцать правил или инструкций, которые должны быть сообщены пациенту. Последние включают «базовое правило» правильно сформулированной ассоциации и лежания на кушетке, платы за лечение, продолжительности и частоты сессий (сеансов), адекватного поведения пациента в важных жизненных ситуациях при принятии им решений и правила взаимосогласования относительно перерывов на каникулы. Но даже среди фрейдистов и неофрейдистов нет четкого согласия по этому поводу. В любом событии этот вид психоаналитической техники приводит к избытку модификаций: последние широко описаны в различных психоаналитических публикациях. Психоанализ оказался необычайно плодородной почвой. И в ней словно грибы после дождя мы обнаруживаем все новые и новые методы, утверждающие, что они получают более быстрые и более лучшие результаты с помощью совершенно иных приемов, методы, которые добиваются мирового распространения и жадно поглощаются массовым читателем.

Тем не менее, в контексте подобной ситуации мы должны спросить самих себя: не делаем ли мы что-то фундаментально неправильное, когда сближаем процессы развития и взросления психики с идеей о том, что существует нечто вроде стандартизированного метода и техники, как, скажем, в хирургии, иначе говоря, определенного приема, который применим внешним образом к пациенту с тем, чтобы привести его к оптимуму эмоционального развития и здоровья. И здесь возникает проблемный вопрос:

нет ли здесь и в самом деле другого пути? Являются ли все наши вмешательства и усилия в этой области, опирающиеся на наши подтверждения того, что избранные нами специфические методы достаточно успешные, хорошие и правильные, действительно эффективными и могут и в дальнейшем применяться и к другим пациентам, хотя, возможно и с некоторыми изменениями?

Ответ на этот вопрос может прояснить экскурс в алхимию, расцвет которой пришелся на Средние века. Читатель

196

Юнга должен быть знаком с параллелями между символизмом психических процессов взросления и развития и алхимическим символизмом*. <...>

* Алхимический экскурс см.: *К. Г. Юнг.* Психология и алхимия. М., 1997; *К. Г. Юнг.* Mysterium Conjunctionis. М., 1997; *М.-Л. фон Франц.* Алхимия. СПб., 1997.

## Глава 2 ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ

Начало каждого анализа знаменует первоначальное интервью или анамнез, в зависимости от школы, к которой принадлежит (или которой придерживается) тот или иной аналитик. Кроме множества рассыпанных замечаний самого Юнга, имеется всего несколько работ по проблеме первоначального интервью (Лондонская школа—Adier 1961, американцы — Singer 1976, Whitmont and Kaufmann, 1973). Зачастую первоначальное интервью осуществляется естественным путем после того, как пациент решил пройти анализ, и установлен факт наличия того, что фрейдисты обычно называют «аналитический альянс», «терапевтический альянс» или «рабочий альянс». Рассматривая данный вопрос практически, мы прежде всего сталкиваемся с необходимостью принятия решения: среди большого количества поступающих пациентов, всякий раз необходимо придти к выводу: показан или нет аналитический подход в случае их заболевания или проблемы. Соответственно, необходимо сделать различимой

разницу между первоначальным интервью и процессом знакомства пациента с самим аналитическим методом. Эти области следует рассматривать отдельно. Далее встают два вопроса: первый, имеет ли смысл посвятить отдельную главу этой теме, и второй, не противоречит ли аналитик так называемому «духу» юнговского анализа, если он специфически структурирует эту первую встречу между врачом и пациентом? Ибо, как мы знаем, сущность, которая лежит в основе индивидуального человеческого бытия, есть свобода и творческое развертывание и самораскрытие.

Опыт мировой практики в аналитической психологии говорит, что первоначальное интервью является для аналитика и попыткой ответить на существенные вопросы диагноза и симптоматологии. Но здесь есть опасность — о ко-

198

торой знают аналитики — оказаться привязанным к закрытой системе, поскольку медицинская нозологическая структура (или номенклатура) далека от совершенства, и привязка к определенной нозологии плюс специфическая конкретная техника приводят к синдрому прокрустова ложа и более препятствуют процессу индивидуации, нежели способствуют ему.

И, однако, мы сталкиваемся с тем, что невозможно начинать анализ хаотически и необходимо как-то структурировать начальный этап. Мы вынуждены размышлять о клинической картине пациента и решать, хотя и нетрадиционно, и оценивать, подходит ли здесь аналитическое лечение или нет. Эта проблема ни в коем случае не ограничивается только аналитической психологией. Фрейдовский психоанализ имеет сходную проблему в первоначальном интервью. Не случайно, Аргеландер (Argelander 1967) говорит о первоначальном интервью, как о пасынке психотерапии. Существует целый ряд работ на эту тему, начиная с 1938 года (список авторов см.: Dieckmann 1991). В частности, Штекель (Steckel 1950) посвятил первую главу своей книги о технике аналитической психотерапии первоначальному интервью.

Анализ работ по данному вопросу при всей терминологической разнице с очевидностью показывает, что мы имеем дело с универсальной проблемой, проблемой, которая затрагивает не только аналитическую психологию, но характеризует любые аналитические попытки, как таковые, вне зависимости от школы, к которой принадлежит терапевт. Здесь должна быть внесена ясность: в большинстве областей медицины (за исключением психиатрии) есть четкое различие между диагностикой и терапией в подавляющем числе случаев, и очень редко диагностический процесс, которому подвергается пациент, имеет сопутствующий терапевтический эффект. Иначе обстоит дело в психиатрии, где каждый диагностический экзамен есть всегда терапевтическое вмешательство, меняющее психические процессы в большей или меньшей степени. Эти изменения могут быть относительно минимальными, но также могут быть и далеко идущими, что можно проиллюст-

199

рировать на клинических примерах. Если спросить пациентов об их реакциях, сопровождавших их первоначальное интервью, то почти все упоминают, что эта встреча вызвала интенсивную реакцию у них и изменила клиническую картину в ту или иную сторону. Только крайне шизоидные пациенты утверждают, что первое интервью совсем не вызвало у них реакции. Однако в процессе длительного анализа, если таковой случался, всегда становилось понятно, что необычайно глубокая и интенсивная реакция имела место именно у этих пациентов, несмотря на их показную индифферентность. Далее случаи с парой, которая начала развод после интервью, или с семьей, в которой социологи искали подтверждения фрейдовских отношений. После недельного пребывания их на беседах и записи разговоров членов семьи друг с другом, семья распалась, а у участников появились психические симптомы. Здесь проводится сравнение с миссионерами, принесшими христианство и разрушившими древние мифы, стабилизировавшие жизнь племени. Делается вывод, что порой простые процессы наблюдения во многом меняют все дело. Это примеры крайнего проявления влияния диагностического наблюдения на дальнейшее поведение пациента.

Интервью, проведенное экспертом, специалистом lege artis*, приводит, как правило, к наиболее незначительным улучшениям или ухудшениям симптомов, и в дальнейшем может препятствовать опасному деструктивному процессу, развивающемуся исподволь. Но в любом случае мы имеем дело с особенностью психологической болезни реагировать на каждое вмешательство и в гораздо большей степени, чем в случае органической медицины, так что диагностика в анализе всегда означает, что в то же самое время осуществляется и терапия. В положительном смысле это может вести пациента к более интенсивной рефлексии и сознательной конфронтации с основными базисными проблемами, но может также иметь и противоположный эффект усиления репрессии и формирования защиты.

* По всем правилам искусства *(лат.)*.

200

Основной аргумент против принятия структурированного биографического анамнеза покоится на том основании (предположении), что как таковая эта процедура не аналитична. Нацеленные вопросы и бессознательное давление аналитика с целью получения возможно более полной биографической картины

вызывают высокую степень самоконтроля, который мгновенно загоняет пациента в сферу сознания, лишая его возможности манифестировать бессознательный материал. Соответственно, с самого начала складывается неблагоприятная ситуация для проведения анализа, которая может разрушить структуру специфически аналитического взаимоотношения во всем многообразии его проявлений. Практически, скажем, в Берлинском Неопсихоаналитическом институте, «структурный анамнез» состоит из двух-трехчасового интервью, запись которого укладывается в четыре-восемь машинописных страниц. Этот анамнез состоит не только из субъективной автобиографии, но включает описание данных о других значимых людях и данных о социальном развитии, а также поведение и опыт интервьюируемого в области различных побуждений и самого описания ситуаций, в которых субъект искушался, и где он (она) потерпел фиаско, приведшее к решению искать терапии. Как правило, самые серьезные проблемы связаны с этой процедурой. Пациент, страдающий от невроза, и впервые пришедший к аналитику, обычно в высшей степени взволнован или пребывает в напряженном состоянии и, соответственно, уже находится в чрезмерно стрессовом состоянии, чтобы поставлять большое количество точных и релевантных фактов. К тому же, весьма значительные ляпсусы, упущения, погрешности, ошибки, и искажения памяти присутствуют в каждом случае. По собственному опыту могу сказать, что большинство данных, полученных в структурном анамнезе, исправляются самим пациентом в процессе анализа, и второй анамнез, составляемый в заключение успешного курса аналитической терапии, может часто представлять картину, абсолютно противоположную полученной вначале. Вот два примера.

Тридцативосьмилетний пациент, страдавший от паро-ксизмальной тахикардии, был послан ко мне из клиники,

201

где был проведен структурный анамнез. Первый приступ случился во время оперного спектакля — оперы Моцарта «Волшебная флейта», и пациент мог вспомнить то место в опере, во время которого начался приступ. Это был пассаж во втором акте, когда королева ночи поет арию «Отмщение Ада кипит в моем сердце» и дает кинжал в руки своей дочери Памины с обязательством, что она убьет Сарастро. В комбинации с некоторыми генетическими фактами и компульсивными (навязчивыми) чертами, которые имел пациент, первый интервьюер определил его болезнь как «агрессивную проблему господствующей невротической ком-пульсивной структуры» (aggressive problem of predominantly neurotic compulsive structure). Но только приблизительно после восьмого аналитического часа выяснилось, что этот приступ не был первым. Перед этим было два других приступа, которые пациент подавил и которые более ясно высвечивали действительную проблему, более впечатляюще проявившуюся в обстоятельствах первого приступа. Более того, обстоятельства первого приступа раскрывались только постепенно, в течение нескольких аналитических часов, когда стало возможно к ним подобраться. В той ситуации, которая первоначально запустила его сердечные симптомы, были вовлечены все последующие элементы. Пациент посещал популярную научную лекцию по сердечным недомоганиям. Во время лекции у него случился первый приступ, и он был вынужден покинуть комнату, когда показали изображение открытой грудной клетки с сердцем. Но в то же самое время другой маленький инцидент имел место, инцидент, который пациент подавил достаточно глубоко: сама лекция имела место в программе дополнительного тренировочного курса, а на этом курсе участником была одна женщина, в которую наш пациент, как он сам это понял, влюбился впервые в жизни. Он совершил, хотя и очень скромные, попытки сблизиться с ней и с очевидностью выстроил иллюзорную фантазию, что не будет ею отвергнут. Именно на том месте в лекции, где были запущены сердечные симптомы, его сосед прошептал ему, что эта молодая женщина совершила помолвку с кем-то как раз накануне. После тщательного расспроса выяснилось, что вна-

202

чале пациент сказал себе, что эта женщина была для него не столь уж важна, и только когда он услышал о ее помолвке, он по настоящему осознал, насколько сильно он влюбился в нее. Верно, пациент имел некоторые компуль-сивные характеристики, но центр его невроза (что все более отчетливо выяснялось в процессе его анализа) лежал в положительном материнском комплексе, в тесном психическом и физическом симбиозе мать-дитя, который сохранялся в бессознательном и сопровождался суровыми беспокойствами по поводу отделения. Так как это была, главным образом, проблема взаимоотношения на депрессивном уровне, и сама проблема агрессии лежала скорее в его неспособности освободить себя от необходимости быть быстро поддержанным материнской фигурой. Между первым и вторым приступами (который последовал через цве недели) и третьим приступом на «Волшебной флейте» прошло время, в течение которого действительные внешние обстоятельства пациента изменились, — период, который конечно, всегда играет значительную роль в суждении о данной ситуации соблазнения или провала.

Второй пример. В соответствии с ее анамнезом, женщине был поставлен диагноз истерия, но с относительно благоприятным прогнозом. Именно из-за интенсивного опроса по поводу деталей ее

биографии во время анамнестической беседы, пациентка скрыла чувствительную иллюзивную систему, которая выросла вокруг мастурбационного комплекса. Подвергнутая анамнестическому опросу, она мобилизовала фигуру своей бдительной матери, от которой она была вынуждена всегда скрывать и прятать свои побудительные желания. Целых сто часов потребовалось, чтобы она преуспела в обнаружении этого чувствительного иллюзорного системного взаимоотношения, в которое аналитик был уже накрепко вплетен в качестве запрещающей и наказующей фигуры. Естественно, здесь можно возразить, что даже в первом интервью, проведенном строго аналитически, пациент мог также скрыть этот комплекс, но маловероятно, что это можно было скрывать столь долго и столь последовательно, так как это было ее истинная проблема, за которой лежал груз интен-

203

сивного страдания и большой потребности в коммуникации.

Проблема задавания вопросов в режиме получения анамнестической картины играет весьма значительную роль в первой фазе анализа. Многие пациенты уклоняются от ответов на вопросы, лежащие внутри области определенных комплексов, и как раз на этих вопросах стремятся к укрывательству и отрицанию, поскольку связывают их с чувством великой вины, и делают это достаточно долго в процессе анализа. В противоположность этому, весьма часто пациенты более активны и участливы в открытой аналитической ситуации, нежели в том случае, когда аналитик задает наводящие вопросы.

Соответственно, встает вопрос, имеет ли вообще какой-либо смысл с точки зрения аналитической психологии предпринимать что-либо подобное «первоначальному интервью» или — если это не является более правильным — оставить начало лечения полностью открытым и войти в аналитическую ситуацию искренне и чистосердечно, с самого начала с ожиданием, что в течение этого первого часа станет ясным, является ли данный случай поддающимся терапии или нет, а правильный диагноз возможным на основе добровольной информации. (В Германии первые пять часов анализа оплачиваются государственной медицинской страховкой. За это время можно решить, продолжать или нет долговременный анализ). Первые сессии могут рассматриваться как своего рода мини-анализ, и предполагается, что за это время аналитик может собрать достаточно данных и фактов, чтобы определиться относительно своей позиции по данному вопросу.

В индивидуальных случаях такого рода процедура — вполне подходящее дело, но она имеет тот недостаток, что изначальное аналитическое интервью, расширенное на этот период времени, очень часто, — если не всегда — создает значительную перенос-контрпереносную связь между доктором и пациентом, решение по поводу которой является эмоциональным ударом для пациента, если он окажется неподходящим для аналитического лечения. Подобный исход может, к примеру, увеличить риск самоубийст-

204

ва. Также эта ситуация не свободна от опасности и для самого аналитика. Снова и снова мы обнаруживаем, что даже опытный аналитик может оказаться вовлеченным в безнадежные случаи вследствие возникающего явления переноса-контрпереноса, несмотря на самые благие намерения с его стороны. В частности, контрперенос возникает и по причине того, что аналитик часто полагает — субъективно, — что он не может оставить пациента в беде.

Подобной опасности зачастую можно избежать, устраивая второе интервью после соответствующего анализа первого интервью и полученной в нем информации.

Необходимость глубинной диагностики в психологических терминах на основе динамического наблюдения, и исключения случаев, не подходящих для аналитического лечения, требует, чтобы аналитическая психология устраивала первоначальное интервью перед началом самого аналитического лечения. Соответственно, сама проблема, с которой мы сталкиваемся, заключается не в том, должны мы или нет проводить первоначальное интервью или воздерживаться от него, а, скорее, в том, каким образом сам пациент может получить благоприятную возможность для большего возможного раскрытия автономной динамики его психического в этой ситуации. Одновременно также важно определить, каким путем доктор может получить необходимые факты жизненной истории пациента и его текущего состояния.

В 1966 году проблема первоначального интервью была предметом обсуждения в течение нескольких встреч Берлинской группы по изучению аналитической психологии, и ряд первоначальных интервью был проведен согласно выработанным группой постулатам. В это время мы действовали на основе предварительного различия между двумя главными областями: 1) наблюдением пациента аналитиком и 2) содержанием заявлений пациента. Что касается наблюдений аналитика, то наиболее ценными оказывались внешность и поведение пациента, далее возникающие отношения связи переноса-контрпереноса, и, в третьих, легко наблюдаемые симптомы, т. е., депрессивное или маниакальное настроение, смущенность, трудно-

205

сти в концентрации внимания, лингвистические проблемы, тики и т. д.

В отношении второй области — содержания коммуникаций пациента — то здесь все планировалось так, чтобы первоначальное внимание уделялось только тому, с чем у пациента возникала спонтанная связь. Во всех случаях мы намеревались избегнуть нарушений спонтанного самораскрытия пациента. Никаких побочных вопросов (отвлеченные вопросы, кажущиеся важными, задавались в конце интервью). Использовалась инструкция, содержавшая пять пунктов, которые отрабатывались так, чтобы составить содержание протокола. Первый пункт представлял симптомологию: в добавление к легко различимым симптомам (легко наблюдаемым) суммировалось то, что пациент спонтанно говорил о себе, а также какие наблюдаемые или подозреваемые симптомы не упоминались пациентом.

Затем мы рассматривали продолжительность и видоизменение симптомов, равно как и описание синдромального характера симптомов, т. е. компульсивных мыслей и действий. Здесь также наш вопросник был ограничен спонтанным материалом, и мы избегали спрашивать об иных — возможно латентных — симптомах.

В-третьих, рассматривалась ситуация, способствующая усугублению положения. Здесь мы тем же самым образом давали пациенту возможность самому описывать, что привело его к необходимости обратиться за лечением, поскольку пациенты имеют обыкновение избегать болезненных вопросов или отвечать на них неконкретно. Мы также не вдавались в ненужные детали. Из всего относимого к значимому мы выбирали то, что выглядело наиболее значительным и выдающимся для пациента, например, то, как он переживал себя в соответствующей ситуации. В том случае, когда пациент не упоминал об усугубляющей симптомы ситуации мы просто помечали этот пропуск в протоколе. Не было случаев, когда мы спрашивали об усугубляющей ситуации как таковой, скорее, мы тщательно обдумывали, может она или нет быть выяснена из замечаний самого пациента. С точки зрения аналитической психологии это рассматривалось как выражение неразрешенной полярности амбивалентного конфликта.

206

В-четвертых, мы оценивали текущую жизненную ситуацию. Здесь также само описание предоставлялось пациенту и отдельно отмечались значимые точки, в особенности, лакуны, пропуски (т. е. то, что пациент, скажем,не говорил о своей женитьбе или о своей финансовой ситуации). Прежде всего мы стремились избежать опасности получения «отчета», лишенного существенной психической динамики.

В-пятых, выяснялось происхождение тех или состояний. Мы обращались сюда, только если сам пациент спонтанно упоминал об этом или если в процессе интервью возникала ссылка, позволявшая говорить о наследственном материале. Особое внимание уделялось семейным вопросам с целью констеллирования архетипических паттернов. Какая проблема изначально доминировала в семейном роде и, таким образом, не являлась сугубо личной? Более того, мы не оказывали исключительного интереса младенческому периоду жизни, скорее, мы обращали внимание на сам путь, на способ, с помощью которого пациент перерабатывал опыты пороговых (лиминальных, или едва воспринимаемых) ситуаций развития, как он увязывал их друг с другом (как, например, поступление в школу, наступление половой зрелости, и т. д.).

Принимая в расчет эти позиции, мы затем провели серии первоначальных интервью. Обнаружили, что оказалось возможным получить дифференцированные диагнозы в отношении симптоматологии, типологии и структуры без выяснения всех возможных фактов, задавая лишь минимум вопросов. Более того, мы оказались в состоянии ответить на прогностические вопросы, связанные с принятием решения о том, подходит ли тот или иной пациент для аналитической терапии. Далее, мы решили в дальнейшем отказаться от дифференцирующего прогноза, так как подобный прогноз — удачный, средний или неудачный, — кажется сомнительным не только в индивидуальных случаях, но также и потому, что статистические исследования в этой области не дают релевантных результатов (Duhrssen 1972).

В 1967 году появилась детальная работа Аргеландера (Argelander 1967), посвященная первоначальному интервью

207

и во многом подтверждавшая наши позиции. Я считаю, что мы не должны любой ценой отделять наш подход от фрейдовского, особенно в тех моментах, где, фактически, и нет никакого различия, и мы можем принять технику Аргеландера для первоначального интервью и те различия, которые выделяет. В конечном итоге, сюда же относится и техника Балинта, его описание атмосферы первоначального интервью, атмосферы, требующей определенной перцептивной способности со стороны аналитика, которая может быть развита только в процессе опыта, в течение экстенсивной работы с бессознательными явлениями. Первая цель доктора состоит в создании той атмосферы, в которой пациент мог бы выразить самого себя или, по крайней мере, обнаружить себя в той степени, чтобы, в свою очередь, доктор мог быть уверен, что формирует относительно верное суждение о состоянии пациента и его способностях к вхождению в человеческие отношения. Его вторая цель — решение о том, может ли он сделать что-нибудь в этом случае,

и если да, то что. Третье, доктор хочет помочь пациенту увидеть, что сама оценка и рекомендации логически вытекают из того, что имело место в первоначальном интервью, и что они соответствуют только тому, что случилось в жизни пациента и что до сих пор продолжает иметь место. С точки зрения пациента, первоначальное интервью должно предложить впечатляющее переживание, которое, будучи полученным здесь, дает счастливую возможность вскрыть причину, понять ее, быть понятым, и получить помощь в видении прошлых и настоящих проблем в новом свете. С этим новым прозрением пациент — и это есть вторая цель — должен быть способен решать, насколько это возможно, каким должен быть следующий шаг и какое решение следует принять.

Примеры, приводимые Аргеландером весьма впечатляюще демонстрируют, как клиницист может придти к дифференцированному диагнозу и сформулировать психодинамику пациента и прогноз, употребляя открытую технику, даже с относительно ретентивными* пациентами, пациентами

* От лат. retension = удерживающий, сохраняющий, мед. — задержание.

208

с затрудненными коммуникациями, как, например, в случае неразговорчивых пациентов.

Что касается первоначального интервью, охарактеризованного выше, нам необходимо обсудить только те моменты, по которым мы отличаемся от фрейдистов в смысле нашего понимания индивидуации, — не только потому, что мы употребляем отчасти иную терминологию, но также и потому, что наша фундаментальная позиция отлична и из-за специфики или инаковости вопросов или интересов, которые могут возникнуть у нас во время первоначального интервью.

В свете первого момента это кажется особенно проблематичным, поскольку Аргеландер исходит из некоторого предположения нормативного поведения, и, следовательно, его наблюдения делают особый акцент на подозрительных отклонениях от принятой нормы. Та точка зрения, на которой снова и снова настаивал Юнг, а именно, что невротическая болезнь имеет и социополитический характер, и, в определенных обстоятельствах, содержит проваленную попытку сознательного развития вне самой коллективной нормы, сегодня предпринимается и другими, в частности, в своем крайнем проявлении, она представлена Лэнгом (Laing 1969) и Купером (Cooper 1972).

В связи с этим кажется сомнительным уделять столько внимания установленной норме прямо с самого начала аналитической терапии, в первом же интервью. Вероятно, имеет больше смысла попытаться понять, каковы доминанты коллективного бессознательного, которые оказываются в конфликтном отношении с бессознательным материалом или с тенденциями бессознательного, и ту степень, до которой эти две полярности разделены в психике пациента. В свою очередь, это подводит нас к вопросу о степени, в которой попытка символического союза противоположностей представлена в симптоматологии или в постигаемом бессознательном материале. Например, в первом интервью с пациентом-женщиной, выражающей феминистские убеждения, аналитик должен не просто спросить, что защищает эта идеология, против чего она выступает, и тем самым классифицировать ее как отклоняющуюся от нормы. Прежде всего, он должен спросить самого себя, какая (возмож-

209

но, наиболее несправедливая) патриархальная позиция в коллективном сознании является средоточием нападок бессознательной феминности женщины?

В этом контексте я понимаю сам термин «коллективные доминанты сознания» как означающий интрапсихический процесс самой пациентки, а не в общей коллективной ситуации. В этом отношении следует ясно представлять, что личный биологический отец есть только «копия» содержаний определенных социальных образов и что он несет их как представитель общества в смысле Эриха Фромма (Fromm 1936). Согласно нашему пониманию психического, специфическая грань архетипа, которая должна быть описана в сходной манере, стоит за проблемой отца и мужчины. То же самое истинно для так называемых ярко выраженных отклонений от поведенческой нормы, скажем, в области гомосексуальности или в выборе партнера (например, молодой мужчина и более старая женщина), которые не должны рассматриваться как девиации от поведенческой нормы, но, скорее, исследоваться в своем архетипическом аспекте. Более того, случается, что в силу их особой нюансировки, многие комплексы выражают себя не как нечто замечаемое или как отклонения, но, скорее, именно в смысле хорошей адаптации, иногда даже как адаптация к ситуации первоначального интервью. Однако такое нормативное поведение само выражает индивидуальные тенденции и нужды *принципа индивидуации* (principium individuationis).

Исследование так называемых пробелов, или терапевтических лакун, ставит, по моему мнению, дополнительную проблему. Аргеландер приводит случай пациента, который, описывая свою семейную ситуацию, полностью исключил своего отца и после вмешательства аналитика, реагировал положительным ответом и определенным переживанием типа «-ага». Но подобные виды интервенций в первом интервью

могут также сказаться и отрицательно и несут в себе опасность появления тех или иных проблем. У одного пациента на почве своих конфликтов и особенно профессиональной ситуации на авансцену очень отчетливо выступила проблема денег. Когда я указал ему, что он абсолютно ни разу не обмолвился о своих собственных источниках дохода и о том,

210

каким образом он обращается с деньгами, он отреагировал тем, что попросту прервал интервью. Вопрос, является или нет такой пациент — реагирующий на подобный сорт интервенций с преувеличенной сенситивностью — кандидатом для терапии, стоит отдельно, а в нашем случае это достаточно ясно показывает, какого рода психодинамическая эксплозивность может быть высвобождена исследованием лакун, и что, проделывая это, можно запустить в движение значимый психический процесс и сделать это еще до того, как окончательно определено, является ли данный пациент кандидатом для анализа или может быть принят для психотерапии. Во всяком случае, заполнение лакун подобного рода вне всякого сомнения увеличивает прогностическую или психодиагностическую надежность и достоверность. К примеру, это может быть более важно для диагноза, если пациент с комплексом авторитарности полностью опускает описание своего отца. Подобное исключение может показать нам, насколько сильна на самом деле тенденция деперсонализации своего комплекса, равно как и обозначить степень и качество трудностей взаимоотношений такой личности с авторитарными фигурами. Оплошности, упущения, пропуски сами по себе имеют высокую степень значения, смысла, и если кажется необходимым заполнить их, имея в виду документальное подтверждение для возможной страховой компенсации, то они могут быть изучены позже, когда пациент уже взят для лечения и психологическая оценка должна быть представлена на рассмотрение, учитывая то, что первоначальное интервью не превышает двух сессий по 50 минут каждая.

В заключение я хотел бы представить предварительную модель, объединяющую те точки зрения, согласно которым мы проводит первоначальное интервью. Она обслуживает восемь дискретных зон, о которых в дальнейшем мы поговорим более подробно. Здесь же я изложу основную структуру, соответствующую краткому интервью.

**1. Внешность пациента**

По крайней мере с момента появления исторической книги Кречмера о строении тела и характере (Kretschmer 1922) все мы знаем, насколько тесно и сильно отношение

211

между анатомией и психикой. По отношению к анатомическим компонентам внешности не достаточно лишь различать астенические, атлетические и пикнические типы; скорее, описание внешности пациента должно включать высоко дифференцированные детали. Важно знать, как следует из нашего аналитического опыта, высок или низок пациент, как сложены его руки, ладони, ноги; какие у него волосы белые, черные, коричневые или красные, или он лыс; носит ли пациент очки или он явно близорук, но очки не носит; какое выражение или тип лица, черт лицевой формы он имеет и т. д. Фрейд не был несправедлив, сравнив однажды свои каузальные истории с актом творческого письма, и аналитик должен быть научен не исчерпывать такие описания личности лишь несколькими лапидарными сообщениями, которые мало о чем говорят. Вслед за этим мы можем добавить к анатомической внешности описание личности, носимой, так сказать, для внешнего выхода, включая фасон платья, форму одежды, наряда и возможно также и другие аксессуары гардероба, такие как кошельки и т. п. О многом говорит и то, что профессор колледжа появляется на первоначальном интервью в протертых джинсах или если сотрудник учреждения приходит в желтой одежде, желтых ботинках и с желтым кошельком. Характер одежды есть также «сообщение», которое в дальнейшем может быть без особых усилий интегрировано в контекст психологических проблем, может прояснить или подчеркнуть много вещей, вне зависимости, от того, являются ли они бросающимися в глаза или нет. Снова следует подчеркнуть, что здесь мы имеем дело не с патологией или обычной «показухой», а прежде всего, с тем, «как» это представлено — последнее позволяет увидеть контекст и понять, что к чему.

**2. Поведение пациента во время первоначального интервью**

Существует старая медицинская шутка, в которой профессор на первой лекции по интернальной медицине объясняет своим студентам, что самыми главными для врача

212

являются две вещи: первое, преодолеть отвращение, справиться с ним, и, второе, произвести точное наблюдение. Профессор рассказывает о врачах античности и раннего средневековья, которые задолго до существования лабораторий были вынуждены диагностировать наличие диабета по вкусу мочи: «Для того,

чтобы испытать вас и попрактиковаться, я принес один из образцов мочи от пациента, и сейчас вы все подойдете по очереди к моему демонстрационному столу, обмакнете палец и попробуете мочу. Разумеется, я подам вам пример и сделаю это первым!» С этими словами профессор обмакнул палец в сосуд с мочой и облизал его. Все студенты послушно подошли к столу и по очереди совершили церемонию лизания пальца. Когда последний закончил испытательную процедуру, профессор поблагодарил студентов и сказал: «Вы доказали, что справились с первой проблемой, преодолели отвращение. Но вы все еще не очень искусны в наблюдении, так как если бы вы наблюдали внимательно, то увидели бы, что я окунул в сосуд один палец, а лизнул другой. И вот этого-то никто и не заметил».

Я вспомнил об этой шутке, поскольку мой опыт показывает, что невербальные выражения поведения пациента наблюдаются и описываются слишком мало, что видно из чтения историй болезни, анамнезов, первоначальных интервью, проводимых практикующими аналитиками и опубликованных в литературе. Здесь тоже, как правило, описываются только те вещи, которые бросаются в глаза и выглядят необычными, как, к примеру, рукопожатие пациента, который необычно сильно сжал руку аналитика, и прильнул к ней, или вцепился в нее, или взял ее вяло и тотчас же отпустил. Я убежден, что существует очень широкий спектр выражения чувств в рукопожатии, которое, как мы знаем, часто несет в себе совершенно определенное заявление. Хорошей идеей сопровождающей первоначальное интервью было бы для аналитика вновь разыграть специфические последовательности движения, наблюдавшегося у пациента, — к примеру, походки или скрещивания ног, или способа, каким пациент сидит, —для того, чтобы получить лучшее понимание существа опыта, связанного с оп-

213

ределенными видами поведения. Часто только по внешности и поведению уже можно сформулировать подробный диагноз, и сделать это еще до того, как пациент скажет первое слово. Точно так же, как опытный интернист способен сказать: «вот идет анемик» или «вот пришел язвенник», мы также в состоянии сказать «вот пришел и сидит сверхугодливый комплекс авторитарности с навязчивыми чертами и чрезмерно правильной персоной». Более того, так как мы имеем особые соображения относительно лежащей в основе этого психодинамики такого комплекса, то вполне возможно делать далеко идущие обширные заявления и предположения относительно проблем данной личности без необходимости выслушивать их.

### 3. Перенос и контрперенос

Перенос и контрперенос — третья область, которая может быть исследована без вербального выражения со стороны пациента. Публикации Берлинской исследовательской группы подробно обсуждают, сколь различен инструмент узнавания, который мы имеем при внимательном наблюдении аналитиком всех тех чувств и фантазий, которые возникают у пациента и у самого аналитика с момента начала первой встречи и до самого конца интервью. Такое внимательное наблюдение и само есть источник информации относительно того, что переживает пациент. Из зафиксированного материала наших реакций контрпереноса мы можем, как правило, с большой уверенностью и ясностью разглядеть и перенос самого пациента и то амплуа, в котором формируется его поведение — последнее, в свою очередь, находится во взаимоотношении с его фундаментальным психическим конфликтом, например, ребенок, доверчиво тянущийся в протянутые руки матери, или возбужденный мальчик, боящийся строгого сурового отцовского наказания, или колдовски соблазнительное вечное дитя — puella aetema, — кокетничающее со своим анимусом, или мазохи-стически раболепный пациент, униженный своей тенью, взывающий к Великой Матери или Великому Отцу, умоляя о прощении. В любом случае, необходимо дать дифферен-

214

цированное описание мира чувства и фантазии, констелли-рованного пациентом, и не ограничивать себя отчетом, выглядит ли пациент милым, приятным или наоборот, или способен ли он к контакту и взаимотношению. Осуществляя все это необходимо — в действительности об этом почти всегда забывают — осознавать, что в подобном процессе наличествует мощный субъективный фактор, и, соответственно, должно также принять в расчет свою собственную личность и структуру характера, относительно которых каждый должен быть осведомлен в процессе своего собственного обучающего анализа. Перенос и контрперенос всегда являются констелляциями между двумя человеческими существами, и как показывает наш опыт — с историей во втором случае, взятый готовящимися кандидатами, — при определенных обстоятельствах пациент может представить совершенно другую сторону своей личности другому аналитику, так же как характер второго анализа может полностью отличаться от первого. Конечно, нет необходимости настаивать, чтобы первый интервьюируемый эксгибиционистски описал бы свою собственную личность и собственные комплексы в первоначальном интервью. Это никоим образом не цель, а скорее первый и предварительный вопрос, касающийся способности аналитика включать эти факторы в свой рефлексивный процесс и быть осведомленным о том, что пациент часто создает совершенно иное

впечатление у другого аналитика.

**4.Типология**

Четвертый пункт — попытка ухватить типологию пациента, занять позицию связующего звена между чистым наблюдением и присоединением вербального выражения. Здесь я намеренно говорю «попытка», потому что мы все осознаем, что получение быстрого и дифференцированного понимания психологической типологии пациента — задача очень непростая. Часто проходит несколько лечебных часов, пока у аналитика не появляется слабая степень уверенности относительно типа, к которому пациент принадлежит. С другой стороны, мы не должны придавать этим

215
трудностям слишком большое значение и тревожиться относительно возможных ошибок в диагнозе; прежде всего мы должны искать подтверждение наблюдаемого типологического материала, сопровождающего первоначальное интервью. Наш опыт говорит, что такое подтверждение полностью возможно после одночасового интервью. Во всех случаях мы были способны относительно быстро выяснить тип установки, так как экстравертная и интравертная установки часто могут быть ясно распознаны на основе внешности или поведения пациента. Почти всегда любая дополнительная информация из содержания, представленного в интервью, оказывалась соответствующей нашей первоначальной оценке. Способ, которым пациент представляет себя, обычно совершенно отчетливо демонстрирует, ориентируется ли он более на внешние объекты или на внутренние субъективные факторы. В этом отношении, диагноз, конечно, более труден, когда мы пытаемся оценить степень, до которой личность была подготовлена, обучена личной историей и влияниями среды, испытанными его подчиненной функцией. Это находит свое воплощение у исходно интровертной личности, пытающейся жить как экстраверт, и у изначально экстравертного индивида, стремящегося жить как интраверт. Хотя диагностика подобного состояния и важна терапевтически, сами методы, предоставленные в наше распоряжение, обычно позволяют нам распознать это только в процессе анализа, и в первоначальном интервью подобное возможно лишь в исключительных случаях.

Выяснение функциональных типов является более трудным, в особенности, идентификация двух иррациональных функций — ощущения и интуиции — оказывается проблематичной. Во время первоначального интервью относительно просто распознать, представляет ли пациент преобладающе рациональные функции и ориентирует ли свои суждения в терминах «правильно — неправильно», равно как и стремится ли работать преобладающе с мышлением и подавлять чувство, или же более ориентирован к симпатии-антипатии и ориентирован более на выражение чувств.

В противоположность этому, диагностика значения интуиции и ощущения требует проникающего обсуждения

216
всего материала из первоначального интервью. Берлинская исследовательская группа часто не уверена относительно установления границ между первичными и вторичными функциями, — где они должны проходить, исключая, разумеется, типичные грубые примеры или случаи. Соответственно, в своих диагнозах мы начали с подчиненных функций, которые во многих случаях были представлены гораздо более ясно, чем развитые ведущие функции, и которые предшествовали моменту ясного различения между ведущими и вторичными функциями.

Как уже подробно объяснил Юнг (см.: «Психологические типы»), грубо односторонние типы являются крайними вариантами, и мы должны научиться воспринимать появление или присутствие смешанных форм, как более общий случай. Тем не менее сама попытка определения типологии пациента дело очень стоящее, так как в этом усилии можно также выстроить в ряд и уравнять симптоматологию с типологией. К несчастью, взаимоотношения между психопатологией и типологией, которые дал Юнг в приложении к своей работе о типологии, являются очень интуитивными и приблизительными во многих отношениях. К примеру, общее суждение, что среди женщин более преобладает чувственный тип, нежели среди мужчин, а мыслительный тип более чаще встречается среди мужчин, нежели у женщин, согласно недавнему эмпирическому исследованию (Gollner 1975) далеко от истины; его можно понять отчасти как результат влияния того времени, в котором жил Юнг.

Следуя одному из предложений Вильке (Wilke 1974), мы должны говорить здесь скорее о проблематической функции, нежели о ведущей или вторичной функции. В своих исследованиях депрессивных пациентов Вильке в большинстве случаев определял чувство как проблематическую функцию. Насколько можно судить, не трудно расширить каталог проблематических функций, включив туда оставшиеся три невротических структуры (хотя здесь детально я это не обсуждаю, так как, возможно, потребуется отдельное исследование). Я отметил, что ощущение является проблематической функцией для шизоида с большими лаку-

217

нами в восприятии; навязчивость проблематичной функции представлена в мышлении, хотя в этом случае мышление совсем не должно быть ведущей функцией, так как жесткое и сверхмощное суперэго навязчивости имеет тенденцию скорее базироваться на суждениях морализирующих чувств, а не на логических умозаключениях. В случае же истерии, с другой стороны, интуиция должна рассматриваться как проблематичная функция, которая, благодаря своей заявленной изменяемости и недостаточной выносливости и прочности, играет значительную роль. Юнгианцы склонны пренебрегать этой областью типологии, и это было бы действительно ценным, если бы корреляция (связь) между типологией, с одной стороны, и структурами и синдромами, с другой, оказалась бы, в конце концов, реальной в более дифференцированном виде, давая обширный казуальный и клинический материал, доступный для нас в ближайшем будущем.

**5. Содержание замечаний пациента**

Хочу предуведомить свои замечания по этому вопросу, сказав, что считаю целесообразным и желательным уступить пациенту лидерство в начале интервью и дать возможность проявиться напряжению, натянутости, неловкости, оставаясь молчаливым в течение нескольких минут. Это предпочтительней, нежели направлять пациента стандартными вопросами типа «Что привело Вас ко мне?» или «Чем я могу Вам помочь?» или что-то в этом роде. Как показывает мой опыт, редко случается, чтобы пациент не начал говорить непроизвольно, когда аналитик дает понять, что он не готов направлять пациента своими вопросами. С помощью такой стратегии во многих случаях появляется возможность наблюдения исходной проблемы, схожей с изначальным сном, который пациент приносит на лечение. Это может быть представлено простым предложением «Доктор X. направил меня к вам», или рассказом о трудностях во взаимоотношениях, или описанием симптомов.

Существенным здесь, как мне представляется, является то, на какую из трех областей пациент имеет склонность

218

опираться в процессе своих комментариев. Будет ли предложено больше биографического материала, или же пациент ограничит себя главным образом текущей ситуацией, или предварительно остановится на симптомах: их описании и возможных взаимосвязях. Многие работы (некоторые уже упоминались) говорят так много о содержании первоначального интервью, что нет необходимости входить здесь в сами детали его проведения, такие, скажем, как понимание психических взаимосвязей, теоретического построения и т. д. Не говоря уже о том, что нельзя в предварительном интервью ставить озадачивающие вопросы. Вопросы аналитика должны служить только углублению его понимания материала пациента и осторожному выстраиванию некоторых мостов между разнообразными зонами невроза, которые являются психологически релевантными. Делая это, однако, следует предоставить пациенту самому выбирать, ходить ему или нет по этим мостам. Далее, мера и форма бессознательного материала, — к примеру, сновидения и фантазии — которые пациент готов спонтанно представить в первоначальном интервью, также представляются мне релевантными. Здесь каждый имеет возможность наблюдать противоположные крайности: например, один пациент говорит почти исключительно об образах сновидений и фантазий, в то время как другой полностью их исключает. В диагностическом плане во время первоначального интервью необычайно важно для последующего анализа обнаружить ту степень, до которой вообще возможны доступ или кооперация с бессознательным пациента.

**6. Пропуски или лакуны**

Шестой момент в первоначальном интервью — это описание замеченных обмолвок, пропусков или лакун во время интервью или при последующей обработке полученного материала. Зачастую значительно больше сведений можно получить из того, что пациент не сказал во время интервью или пропустил, нежели из сказанного им. В любом случае, однако, описание лакун и вербальных «пропусков» дает ценный материал для выявления предварительного диагноза.

219

Для того, чтобы все это проделать, необходимо иметь некоторое изначальное представление о том, как может выглядеть завершенное полное интервью, — иными словами, модель, в которой психодинамические области рассматриваются как релевантные для этого пациента и его предполагаемой болезни. Поскольку зачастую только клиницист с обширным опытом способен это сделать, то начинающий аналитик должен просто держать в уме главные опорные пункты рассказа пациента: биографические сведения или появление тех или иных лиц, включая наиболее значимых, саму конфликтную ситуацию, которая ускорила или предопределила болезнь, текущую жизненную ситуацию и то, что пациент возможно сделал. Важно также и то,

какие впечатления сложились у пациента относительно пройденного им пути, а у аналитика — по поводу трех главных зон влечений пациента.

**7. Центральный комплекс**

Во время первоначального интервью аналитик должен получить некоторое представление о центральном комплексе пациента, который тот продемонстрировал, и о вероятной конфигурации его *архетипического ядра.* Стараясь осуществить это, не следует усложнять ситуацию, увлекая себя в ловушку, — в поэтически прекрасную, но практически бесполезную космограмму-метафору внутреннего архетипического свода архетипов. Отыскание более или менее подходящего архетипа среди миллиардов возможностей настолько бесполезно, что наилучшее, что можно сделать, это немедленно отказаться от такой попытки. Неким ободрением может послужить то обстоятельство, что можно сократить всю шкалу архетипических проблем до нескольких фундаментальных, например, до Великой Матери или Великого Отца. Проделывая это, аналитик сохраняет за собой возможность использовать некоторые свои способности к последующей диагностике и свое знание соответствующих форм коллективных архетипических фигур, чтобы идентифицировать правильные аспекты архетипов матери или отца. Я полагаю, что когда ставят ди-

220

агноз на основе комплексов, то можно ограничить себя первоначальным разговором о комплексах отца и матери, тени, анимы, анимуса, персоны, а, в случае психозов и нарцистических состояний. Самости. Широта индивидуальной вариации соблюдена описанием формы, скажем, специфического отцовского комплекса, где можно предположить *Великого Инквизитора* (E. Jung 1971) или *Юпитера,* что составляет значительную разницу. Соответствующая дифференциация материнского комплекса представлена в первой главе книги Эриха Нойманна «Великая Мать» (Neumann 1974). Если мы продолжаем говорить о юнговской психологии комплексов, то должны также ставить диагнозы в терминах данной теории.

**8. Тесты и измерения**

Восьмой и последний пункт, о котором я упомяну только кратко, касается тестов и измерений, которые многие аналитики используют с самого начала анализа. Помимо специальных юнговских тестов — теста словесных ассоциаций, тестов Грей-Уилрайта и Майерс-Бриггс, а также опрос-ника Сингер-Лумис — следует упомянуть, в особенности, тест Сцено и Харвике (Sceno & Harwick) для детской терапии, без которого в ней трудно что-либо сделать, а также проективные тесты на выбор.

В заключение я бы хотел предложить некую схему суммированного предварительного интервью. По моему мнению, такое резюме должно, среди прочего, соответствовать, по крайней мере, следующим шести пунктам:

1. Симптоматология с акцентом на первичных симптомах, т. е. на симптомах, которые вызвали у пациента желание проконсультироваться у аналитика, а также описание всех других симптомов, о которых уже упоминалось и которые либо могли наблюдаться на протяжении интервью, либо предполагаться.

2. Детальное описание внешности и поведения пациента.

3. Описание вербального содержания интервью, включая элементы переноса и контрпереноса, равно как и все «ляпсусы» (обмолвки, оговорки и т. п.) пациента.

221

4. Результаты размышлений аналитика по поводу психодинамики пациента и развития его невротического состояния, включая ускорение конфликтной ситуации, на основе представлений самого пациента.

5. Диагноз, заключающий в себе психические структуры наряду с типологией и вышеописанным диагнозом комплексов.

6. Прогноз, который, прежде всего, связан с пригодностью пациента для аналитического лечения вообще, и с возможностью его индивидуации, в частности.

222

## Глава 3 ЧАСТОТА СЕССИЙ

В соответствии с предварительным интервью аналитик должен принять три решения: годится или нет пациент для аналитической работы с ним; второе, не лучше ли было бы посоветовать пациенту какую-либо иную форму терапии; и третье, не отослать ли пациента к другому коллеге в виду проблемы переноса-контрпереноса. Мы сегодня знаем, что не все пациенты, страдающие от психогенных расстройств, подходят для полного анализа, как в случае, например, хронических компульсивных неврозов, большинства психозов, некоторых перверзий и дегенеративных состояний и т. д., и что в тех случаях, где анализ не подходит, возможно, тем не менее, помочь другими психотерапевтическими средствами, такими, как аутогенная

тренировка, гипноз, гештальт, поведенческая и диалогическая терапии.

Я бы хотел указать на проблемы, которые возникают из специфических трансферентных и контртрансферентных констелляций в аналитическом лечении. На основе сегодняшнего знания кажется не совсем подходящим составлять кажущийся объективным каталог тех пациентов, которые являются подходящими или не подходящими для аналитической терапии, так как успех или неудача такой терапии всегда в большой степени зависит от отношения перенос-контрперенос. В случае благоприятной ситуации такого отношения, зачастую можно лечить те случаи, которые некоторые полагают неизлечимыми или рассматривают — как следствие, скажем, заболевания шизофренией со многими психотическими эпизодами, — как неподходящие для анализа. Конечно, во всех случаях крайности опасны в одинаковой степени, и неблагоприятная трансферентно-контр-трансферентная констелляция может привести к неоправданно длительному лечению относительно слабого невротического расстройства, да еще и с весьма посредственным

223

успехом. Вне зависимости от того, насколько неприятно это может быть для рационально ориентированной науки наших дней, решение относительно качества и продуктивности трансферентно-контртрансферентной констелляции и соответственно показаний для осуществления анализа являются предметами далеко не бесспорными, далеко не всегда объективными или рациональными по своему критерию, и поэтому, скорее, должны быть интуитивно прочувствованными аналитиком, так как только две функции — ощущение и интуиция — предлагают возможность суждения и понимания трансферентно-контртрансферентной констелляции качественно, с включением, конечно, всей другой информации, которая была собрана в предварительном интервью.

Я бы хотел проиллюстрировать это примером (Dieck-n-iann 1962). Случай пациента с относительно невысокой способностью к дифференцировке, который работал почтальоном и страдал от психогенного гастрита, от навязчивых размышлений, ощущений удушья, нарушений сна и утраты энергии. До того, как он появился у меня на лечении, он провел шесть недель на стационарном психотерапевтическом лечении и был выписан со следующим заключением. Физическое обследование не выявило сколько-нибудь значимых патологических изменений. На органическом уровне, клиническая картина дает основания для диагноза вегетативной дистонии. Психиатрическая оценка выделяет наличие конституционально обусловленной психопатологии с тяжелым, экзогенно подтверждаемым нарушением эмоционального развития, проявившегося на ранней стадии. Торможение почти во всех активных сферах деятельности было весьма впечатляющим, но существенно то, что пациент испытывал главные трудности в связи с вопросами владения и собственности. Он с необычайным трудом распознавал свое болезненно-адаптивное поведение и практически не осознавал тех сфер, в которых эта болезнь проявлялась. Соответственно, первоначальные шаги к исправлению его болезненно-адаптивного поведения были невероятно трудными. Пациент явно не подходил для анализа.

224

Но так или иначе, пройдя ряд госпитализаций и услышав от своих сотоварищей по клинике о существовании анализа, оказался у меня.

В предварительном интервью между нами образовалась положительная чувственно окрашенная трансферентно-контртрансферентная констелляция, которая ничуть не ослабила динамическое напряжение. Более того, поскольку он сильно страдал, я решил принять пациента для терапии, хотя и не имел четкой убежденности в своей правоте относительно его конституциональной компоненты. На удивление лечение пошло быстро и успешно и стало очень динамичным, так что пациент достаточно быстро получил доступ к своему бессознательному. Поскольку, благодаря своей типологии, ему удавалось избегать всяческих рационализации и актуализировать ожидаемые возможности, непосредственно предлагаемые его бессознательным, обсуждать которые в деталях у нас не было нужды, то он освободился от всех симптомов уже после сорока двух часов аналитической работы и пережил значимую трансформацию в своем опыте и поведении. Я имел возможность наблюдать этого пациента в течение девятнадцати лет после лечения, и за все это время никакие невротические симптомы не проявились.

Я верю, что этот случай дает очень ясный пример масштаба тех значимых изменений, которые могут быть достигнуты через благотворную трансферентно-контртрансферентную констелляцию, даже в случаях, которые изначально и казались некурабельными. Этот пример также показывает, сколь сомнительной оказывается попытка так называемого объективного прогноза в области аналитического лечения.

Если пациент принят для анализа, то следующим встает вопрос относительно частоты посещений пациентом аналитика.

После того, как впечатления друг о друге во время предварительного интервью получены, оба — пациент и аналитик — должны обдумать и решить, хотят ли они работать вместе. По крайней мере одна ночь должна

пройти между интервью и соглашением начать терапию, что особенно важно для аналитика, так как иногда спонтанно появившееся предупреждение или тревожащий сон могут возни-

225

кать, привлекая внимание к тому, что ускользну**ло из** сознательного восприятия в предварительном интервью. Доброе старое правило о том, что надо выспаться перед тем, как принять решение, определенно истинно по отношению к принятию пациента на лечение, так как мы знаем, что, согласившись работать с пациентом, аналитик часто оказывается связанным с ним на многие годы, и успех сотрудничества покоится на внутренней способности аналитика воспринимать пациента. Пациент также должен знать, что он имеет время для решения по поводу того, выбрать ли именно этого аналитика или пойти к другому.

Проблема частоты сессий, необходимой для успешного анализа ведет к изначальному спору между юнговской аналитической психологией и фрейдовским психоанализом, особенно в ранние годы их становления, и, следовательно, — к разным точкам зрения. В 1935 году Юнг в своей статье «Принципы практической психотерапии» писал:

«Методы влияния, к которым среди прочих относится и аналитический, требуют того, чтобы пациент, по возможности, находился под постоянным наблюдением врача. Я все же ограничиваюсь тремя-четырьмя консультациями в неделю. При переходе к синтетическому лечению полезно растянуть консультацию во времени. Как правило, я довожу их до двух часов в неделю, чтобы научить пациента находить свой, собственный путы»*.

Юнговская установка на то, чтобы повести пациента за собой, заключается в стремлении как можно быстрее подойти к синтетическому анализу и сотрудничеству относительно эмоциональных проблем последнего; она выражена также в ритме частоты аналитических посещений и является весьма отличной от требований классического психоанализа, согласно которому от четырех до пяти посещений в неделю необходимо в течение всего анализа, для того, чтобы пациент проработал свой трансферентный невроз. Сотрудничество пациента, т. е. его самоанализ в промежутке между индивидуальными встречами, есть, конечно же, центральная проблема любого аналитического лечения. В про-

* *К. Г. Юнг.* Практика психотерапии. СПб.—Москва. 1998. Пар. 26.

226

тивоположность другим обычным формам медицинского лечения, в которых пациент остается в большей степени пассивным и получает предписания для соответствующих приемов лекарств или краткой госпитализации после описания своих жалоб и осмотра доктором, аналитическая терапия требует большой степени сотрудничества со стороны пациента. Любая аналитическая терапия зависит от такого сотрудничества не только во время сессии, но также и между аналитическими часами, и необходимо вести каждого пациента по этой дороге, вне зависимости от того, насколько он беспомощен или зависим, как это кажется с самого начала. С другой стороны, один только самоанализ невозможен и ведет к нежелательным результатам, о чем детально говорила Карен Хорни (Homey 1942). Соответственно, искусство аналитической терапии, особенно юнгианской, зависит от своевременного нахождения правильной точки, на которой пациент мог бы достичь достаточной эго-стабильности, чтобы сформулировать и осуществить независимую сотрудническую продуктивную работу между сессий и — как следствие — по сокращению частоты сессий.

Далее, нельзя игнорировать специфические проблемы пациента, с которыми приходится иметь дело в повседневной жизни. Как правило, аналитическая терапия развивается на условии, что пациент не прерывает и не меняет свою профессиональною деятельность, свое привычное рабочее расписание. Следовательно, широкие требования профессии, от которых пациенту не уйти, в добавление к анализу могут в «свободное время» привести к ситуациям, в которых стресс от разнообразных назначений, встреч и крайних сроков поставит под удар весь успех анализа. Подобное возможно, если пытаться жестко и перфекционистски соблюдать слишком частый режим посещений. Немаловажно и то, что порой пациенты живут весьма далеко от места встречи, и им требуется много времени на дорогу.

Такая ситуация не изменится в ближайшие десятилетия, несмотря на увеличивающееся число аналитиков. Фактор занятости и расстояния ведет к отклонениям, и во многих случаях необходимо сокращение числа визитов, которое совсем нежелательно в начале лечения.

227

Мой опыт свидетельствует о том, что анализ по два часа в неделю и даже по два часа в выходные дни в любом случае хуже, чем три или четыре раза в неделю. Те пациенты, которые предпринимают значительные усилия и тратят больше времени для того, чтобы быть в анализе, обычно оказываются более мотивированными и соответственно работают гораздо интенсивней над самоанализом, сотрудничая в этом отношении и между сессиями. Более того, часто обнаруживается, что такие пациенты развивают необходимую автономию, так как между очередными сессиями они оказываются — из практических соображений —

не в состоянии попасть к аналитику, за исключением ситуации крайней нужды. Несомненно, Юнг правильно увидел проблему, которая лежит в проведении длительного анализа с такой частотой посещений, что сам анализ может укрепить зависимость пациента и препятствовать восстановлению или, скорее, обнаружению его или ее собственной автономии.

Собственная ситуация аналитика есть третий реальный фактор. Пока собственный невроз навязчивости у аналитика не достиг внушительного размера, нет практически никого, кто мог бы гарантировать пациентам, что они смогут получать длительный прием по четыре или пять раз в неделю, за исключением каникул, отпусков, которые тоже оговариваются заранее. Аналитики, в свою очередь, перерабатывая, попадают в профессиональную «пробку», — в результате получают личные проблемы, которые и приводят их к тому, что они пропускают сессии, да к тому же они, как и все смертные, могут болеть. Так называемая «заочная терапия» Кахена как раз есть следствие подобных запросов (Cahen 1976). Она исходит из идеи наличия периода, в котором осуществляется только самоанализ, и аналитические сессии не планируются; самоанализ следует за периодом интенсивной аналитической терапии. Кахен практиковал «заочную терапию» с промежутком в месяц и докладывал о совершенно удивительных результатах, полученным им с помощью подобного метода.

Принимая в расчет все эти рассуждения, я должен, тем не менее, сказать, что сам, как правило, веду анализ, в три,

**228**

максимум, четыре посещения в неделю и поддерживаю эту частоту относительно строго в течение всей первой фазы лечения. Только после того, как пациент получит достаточно устойчивое эго, я сокращаю число посещений в неделю до двух. В исключительных случаях, я могу работать и один раз в неделю, так как непрерывность аналитического процесса не является, как мне кажется, строго регламентированной даже лицами, которые привыкли работать относительно независимо. Более того, внешних событий и изменений в жизни пациента в течение недели настолько много и они становятся предметом анализа так внезапно, что продолжающаяся работа с бессознательным не может быть гарантированной в той форме, которая кажется необходимой.

В своей хорошо известной работе о ритуалах Эрих Нойманн (Neumann 1953a, 1976) указывал на большую важность ритуала и ритма в тех ситуациях, в которых эго представлено бессознательным содержаниям, имеющим отчасти нуминозные свойства. Уже среди первобытных людей с самого начала развития культуры абсолютно необходимыми были ритуальные формы сохранения (протекции) для того, чтобы инициируемые могли подойти к изначальному переживанию, либидинальная энергия которого очень часто превосходила либидинальную энергию сознательного эго-комплекса. Соответственно, эти виды ритуалов являются наиболее скрупулезно соблюдаемыми не только в области религиозных церемоний и празднований, которые обсуждал Нойманн, но также, как описывал Юнг в своих африканских опытах, в обычных переговорах и деловых сделках. Скрупулезное соблюдение является жизненно необходимым, и, как часто описывалось, обиды против нарушения ритуала имеют очень суровую цену, при определенных обстоятельствах составляющих цену жизни самого обидчика. Понимание здесь необходимо в той степени, в какой внутренние аффективные и эмоциональные энергии, мобилизованные в личности в изначальном переживании, могут подвергнуть опасности всю общину или племя, если им не придать форму через ритуал. Ритуал позволяет индивиду испытать то или иное переживание, а также оберегает его участника от того, чтобы оказаться переполненным аффек-

229

тами, впадая в приступы безумия и подвергая тем самым опасности других. В достаточно устойчивых компонентах цивилизации, которые мы интроецировали еще в раннем детстве, мы редко переживаем такие приступы сумасшествия, но даже и у нас мобилизация бессознательных комплексов в отсутствие аналитического сосуда (vas hermeticum) ведет к грубым ошибкам, к аффективному и эмоциональному разрушению окружающего мира (Umwelt) втянутого в него индивида, а зачастую к непоправимому его разрушению. По этим причинам необходимые защитные меры включают, помимо фиксации времени сессий, также и рекомендации пациенту относительно того, что тот не принимает жизненно важных решений на протяжении всего анализа без предварительного их обсуждения (в соответствующей главе о базовых правилах я коснусь необходимых защитных мер более детально).

Поддерживание стабильного режима посещений также образует часть необходимого ритуала, смысл которого заключается в защите и сохранении пациента и аналитика **от** опасности для их психического быть наводненным бессознательными содержаниями. Мне кажется очень важным уяснить, что мы относимся к проблеме частоты посещений не только как к примете для опознания зависимости или автономии пациента, но и как к ясному указанию на сопровождающий архетипический — ритмический — фон. Только когда мы

осознаем присутствие архетипического ритмического фона и через практическое переживание ощущаем мощную энергию, с которой нам приходится иметь дело, когда мобилизовано бессознательное архетипическое ядро комплекса, мы понимаем, как при определенных условиях необходимо, скажем, справиться с дрожью или поддержать защитный ритм. Я хотел бы проиллюстрировать это положение случаем, который закончился плохо.

К концу первой трети курса анализа пациентка, которая до него уже пыталась несколько раз совершить самоубийство, оказалась в ситуации, привычной для нее в смысле провокации суицидной попытки. Так как она уже достигла определенной степени стабилизации, то не должна была увидеть меня немедленно, как это случалось раньше,

230

а имела возможность дожить до следующей, согласно расписанию, встречи. Однако, когда она увидела меня, то де-компенсировалась до такой степени, что я почувствовал угрожающие нотки в ее голосе и решил не завершать разговор в обычное время, а продержать беседу с ней больше и отменил двух следующих клиентов. В результате, я проговорил с ней более трех часов, и за это время преуспел до такой степени, что окончательно успокоил ее и отпустил домой. И тем не менее, этой же ночью она совершила весьма серьезную попытку суицида, что и привело к четырехнедельной госпитализации.

Хотя сам анализ после случившейся развязки развивался весьма хорошо, этот случай накрепко застрял у меня в памяти. Сегодня я думаю, что было бы лучше тогда дать пациентке закончить аналитическое время назначенной встречи и не менять ритуал. Следует также упомянуть, что и на следующий день я назначил ей дополнительную встречу. Думаю, что в этом случае верх взяло мое собственное беспокойство, — я подумал, что кредитовал пациента слишком малой устойчивостью, и сверх того, преумножил ее чувство вины, которое всегда играет главную роль в депрессивной психике. Ведь ради нее я пренебрег другими пациентами, да к тому же затратил слишком много и своего времени, хотя она и нуждалась в нем остро. Конечно, я совершенно не знаю, как можно было помешать ей совершить суицидную попытку, но могу точно заявить, что был за это вознагражден, так как приобрел опыт, и более четко пронаблюдал ритмические границы, необходимые в анализе. Раньше я, следуя принципу гибкости и вариабельности, был склонен переназначать посещения, давать дополнительные встречи или даже отменять их, что уже совершенно недопустимо.

Совершенно необходимо, на что также указывает Джуди Хаббак (Hubback 1974), быть достаточно гибким в плане назначений числа посещений в тот период, когда пациент регрессирует до превербальной стадии развития, где существует мало возможностей сознательного регулирования. В этот период пациент физически ощущает себя, по крайней мере, на протяжении самого сеанса, в фазе детского

**231**

развития — ребенком, еще не способным ждать, для которого положительная мать реагирует на его мир настоятельных импульсов краткосрочным вниманием. Если на основе теоретического представления об автономии можно ожидать, что пациент окажется слишком терпеливым к большому напряжению в эти моменты и будет убедительно настаивать на том, что он так и делает, то могут возникнуть ситуации, в которых негативная сторона архетипа матери — которая уже доминирует у такого пациента — будет и в дальнейшем фиксироваться жесткой аналитической установкой. Однако я полностью убежден, что три-четыре аналитических сессии еженедельно совершенно достаточны для овладения этими проблемами и дополнительные посещения будут необходимы лишь в исключительных случаях. Мне кажется, что еще большие опасности часто лежат в наводнении энергией довербального аспекта архетипа ребенка, в отсрочке развития фрустрационной терпимости (порой такое развитие вообще становится невозможным). Сюда же можно отнести и пробуждение требовательной установки, зачастую невыносимой для обеих сторон. Прохождение между Сциллой и Харибдой этих противоположностей и стремление при этом избежать опасности сесть на мель принадлежит к наиболее трудным аналитическим ситуациям. Более того, пытаясь этого достичь, необходимо всегда сохранять ясность в уме и стремиться реально понять ту степень агрессии, до которой подобный трудный пациент может дойти. Здесь опять-таки необходим диалектический процесс, о котором так настойчиво говорил Юнг (см.:

«Практика психотерапии»), — процесс, приводящий психотерапевта к осознанию того, что любое сложное лечение индивида есть диалектический процесс с участием доктора как личности в той же степени, что и пациента.

Мы должны, однако, своевременно решить, до какого числа сессий в неделю сократить посещения и определить момент для начала более синтетического или конструктивного аналитического процесса. Ранее я указывал, что необходимо достижение определенной устойчивости эго-структуры прежде чем такое может произойти. Вообще говоря, понятие устойчивого эго используется аналитиками

**232**

весьма слабо, и его следует определить более точно, так как выявление специфической точки в самой стабилизации эго-комплекса кажется мне значительным при определении возможности начала синтетической фазы анализа. Следует также упомянуть здесь, что различение между регрессивной аналитической фазой и синтетической фазой в терапии, по существу, теоретично. На практике подобной остроты в различении нет, так как, прежде всего, с самого начала анализа синтетические тенденции возникают из бессознательного наряду с регрессивными и дезинтегративными элементами и имеют место в сознании, как и в эго-комплексе. Второй момент, который необходимо подчеркнуть заключается в том, что в терапии не существует другой чисто синтетической фазы, в которой регрессивные аналитические процессы больше не представлены. Наоборот, они обязательно должны иметь место, так как сами по себе образуют предпосылку для возможности синтетических процессов. Если мы вообще проведем подобное различение, то практически это приведет к тому, что следуя за явно регрессивной фазой значительной зависимости, большинство пациентов сможет получить определенную степень автономии. В зависимости от клинической картины, сам момент появления ее во времени имеет значительный разброс, и возможность большего акцентирования на «самоанализе» возникает наряду со стабилизацией эго.

Вопрос, который в этой связи предшествует всем остальным, заключается в том, существует или нет некий момент во времени, когда мы можем сказать, что пациент достиг достаточной стабильности эго-комплекса, так что можно сократить число посещений. В 1921 году Юнг определил эго как комплекс идей, представлений, образующий центр поля сознания индивида и возникающий, чтобы пережить себя в качестве непрерывной целостности и тождественности (идентичности) с индивидом. Как писал Юнг: «Поэтому я говорю об *эго-комплексе.* Этот комплекс есть настолько же содержание сознания, насколько и условие *сознания,* ибо психический элемент осознается мной только в той степени, в какой он связан с моим эго-комплексом. Но посколь-

233

ку само эго есть всего лишь центр моего поля сознания, то оно не идентично с целостностью моего психического, а является просто одним из комплексов среди других комплексов („Психологические типы", пар. 840)». (В скобках я хотел бы отметить, что Юнг уже использовал понятие эго-комплекса в 1907 году в своей работе «Психология раннего слабоумия (dementia praecox)».) Процитированное выше определение из «Психологических типов», однако, не включает саму оценку бессознательных и предсознательных компонентов эго-комплекса, равно как и эго в сновидении и эго-автоматизмы. Ясно, что это определение не отделяет четко сам эго-комплекс от тех содержаний сознания, которые не являются частью эго. Позже Юнг сформулировал более подробное ревизованное определение эго-комплекса, которое гласит, что эго-комплекс мыслится как фактор, которому должны быть представлены все содержания, входящие в сознание*. Но до 1955 года Юнг не включал в эго-комплекс бессознательные и предсознательные компоненты**. Определение в AION'e, согласно которому, все содержания, способные войти в сознание, должны быть связаны с эго-комплексом для того, чтобы войти в сознание, также имплицитно включает и эго-функции, причем в той степени, в которой они оказываются (или являются) предпосылками для непринятия психических содержаний из эго-комплекса или для объединения их через восприятие, память, организацию, язык, защитные механизмы и для управления и организации функций сознания. Хартман и другие (Hartmann et al. 1946) уже предлагал это определение эго в терминах его функций, и Фордхам (Fordham 1969) принял его, собрав под одну крышу все восемь различных эго-функций.

Восьмая и последняя эго-функция, упоминаемая Фордхамом, а именно, способность эго уступать (передавать кому-либо) свои управляющие и организующие функции, кажется мне наиболее важной, когда выносится решение о том, продвигать ли анализ в сторону более синтетического

* *К. Г. Юнг.* AION. М„ 1997.

•* *К. Г. Юнг.* Mysterimn Coniunctionis. М., 1997

234

направления. Юнг также уделил много внимания этой способности, поскольку она играет особую роль в его теории индивидуации. Сознательное эго должно учиться позволять другим энергиям (силам) возникать в его «поле зрения» и по необходимости принимать их, — энергиям или силам, возникающим в Самости и представленным архетипически-ми образами. В своей ранней работе (Dieckmann 1965) я указал пути, по которым интегративные процессы эго-комплекса действуют в сновидениях, и продемонстрировал, как необходимо, чтобы порог сознания снижался или становился более проницаемым, если имеет место интеграционный процесс. Нормально функционирующий эго-комплекс способен осуществлять временной контроль над постоянной границей между сознанием и бессознательным, вовлекать бессознательные содержания путем ослабления жестко структурированной организации эго в пользу открытия сознания

новым возможностям и другим формам и способам переживания и поведения, что само по себе является предпосылкой для автономного и конструктивного сотрудничества пациента в аналитическом процессе. Здесь акцент лежит, конечно, на слове «временной», так как стабильное эго должно быть всегда способно брать на себя вновь или осуществлять свои управляющие и организующие функции. Когда речь вдет не о медицине, мы наталкиваемся на хорошо известное явление инфляционных наводнений, на простой обмен позиций или на некритическое принятие и объединение бессознательного материала. В моей практической работе создание достаточно здорового уровня, на котором действует эта способность эго-комплекса, всегда представлялось важным и решающим показателем для сокращения частоты посещений, чтобы подтвердить и усилить автономию пациента. Существует ряд указаний на то, что это условие выполнено или начинает осуществляться. Упомяну лишь о некоторых из них. В аналитической психологии обычно принято поощрять пациентов к тому, чтобы вести запись их снов и вести своего рода дневник сновидений. Обычно я предлагаю это большинству своих пациентов самом начале анализа. В других случаях детально обсуждаю, почему подобная процедура значима и ценна в

235

аналитическом отношении (Dieckmann 1978). Конечно, я оставляю это пожелание в случаях сильного расстройства у пациентов, от которых трудно было бы ожидать обязательств их собственной работы над своим бессознательным, или в тех случаях, в которых подобное предложение может расстроить или блокировать воспроизводство снов. Как правило, пациенты, которым я делаю такое предложение в начале анализа, записывают свои сновидения в виде «домашнего задания» в течение достаточно долгого периода. Поскольку они все еще не в состоянии установить значимое и плодотворное взаимоотношение со своим бессознательным, то такие пациенты переживают записывание своих сновидений как некий досадный долг. За этим часто следует фаза оппозиции или «бунта», т. е. протеста, за которой кроется начало некоторой автономии, которую пациенты выражают либо в форме нерегулярной записи сновидений, либо не записывая их вовсе. Только после того, как эта третья фаза, или стадия, пройдена, наступают условия, в которых пациент может развить живой интерес к содержанию своего собственного бессознательного и осознать, что активное вовлечение этих содержаний является ценным и значимым для самой личности. Здесь и лежит точка перехода к началу подлинной автономии эго-комплекса, и с помощью упомянутых выше эго-функций пациент оказывается способным иметь дело со снижением порога сознания и воссозданием границы между сознанием и бессознательным. Естественно, это только один из примеров. Нечто похожее можно сказать и о других формах, в которых пациент работает с содержаниями фантазии. В этой фазе анализа существует также похожий вид перехода, где пациент более активно задействует образы пассивно переживаемой фантазии и начинает работать с ними в плане активного воображения. То же самое верно и в отношении приобретения способности амплифицировать элементы или символы своих собственных снов, разбираться в развитии процессов, совершающихся в сериях последовательных снов, и многих других навыков.

Если говорить в общем, то можно сказать, что сокращение частоты посещений и переход к более синтетической

**236**

или конструктивной форме аналитического лечения может быть сделан, если сам пациент научился иметь дело со своими бессознательными содержаниями независимым образом и не является более беспомощным объектом, доставляемым к этим содержаниям, когда он вынужден обороняться против них, подавлять их, пресекать, сдерживать или вытеснять, что зачастую и происходит в начале анализа.

В этом месте я хотел бы кратко упомянуть о так называемой проблеме «пробного анализа» (trial analysis), который ряд коллег рекомендует в случаях с сомнительным прогнозом. Сам термин «пробный анализ» подразумевает работу пациента и аналитика, обусловленную договором на определенное число аналитических посещений (обычно от двадцати до тридцати) в начале лечения для того чтобы решить, может ли быть предпринята продуктивная аналитическая терапия, и складывается или нет адекватная транс-ферентно-контртрансферентная констелляция во время этого периода таким образом, что анализ может быть продолжен. Предполагается, что этот период также служит и более точному прояснению степени клинической картины.

Я не оцениваю подобный подход достаточно высоко, и в тех случаях, когда я его выбирал, я постоянно имел плохие результаты. Сначала пациент маневрирует в ситуации «трудного положения», от которой защищается либо хорошо мобилизованными оборонительными системами и бессознательным отрицанием, через которое очень часто трудно проникнуть, либо с избыточной степенью усердия, — в обоих случаях это оказывается просто вредным и обманчивым.

Более того, во всем этом мероприятии есть что-то не совсем честное. Когда я проработал с пациентом аналитически двадцать-тридцать часов и вошел в аналитический процесс, то, благодаря трансферентно-контртрансферентной констелляции, уже не в состоянии вдруг оставить его «в беде» — в тяжелом

положении — и сказать после 20—30-го часа, что смысла в продолжении лечения больше нет и нам следует закончить. Право такого выбора — продолжать анализ или нет — после 20—30 часов «пробного анализа» должно всецело принадлежать пациенту, равно как и право за-

237

кончить анализ. В сомнительных случаях, когда встает вопрос, показан или нет анализ для данного пациента, имеет больше смысла расширить первоначальное интервью на большее число часов, до тех пор пока не станет окончательно ясно, подходит ли для анализа тот или иной случай. В этом отношении время для проведения первоначального интервью нельзя рабски ограничивать одним или двумя посещениями.

Хотя и замечательно — и модно — использовать метафоры из других областей медицины, но психоанализ не является хирургической операцией на брюшной полости, для которой можно сделать биопсию, с тем, чтобы решить, операбелен или нет данный случай, так что подобная метафора просто не работает в данном контексте. Это не исключает возможности того, что в интересах пациента, аналитик может закончить анализ и даже должен это сделать, если ему кажется, что анализ больше не имеет смысла. Но для этого нет нужды и в «пробном анализе».